ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Акрам Шаритов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга о самом молодом командующем фронтом в Великой Отечественной войне, погибшем на поле сражения, дважды Герое Советского Союза, генерале армии И.Д. Черняховском. Иван Данилович был пламенным патриотом, выдающимся полководцем новой, советской формации, воспитанным Ленинским комсомолом и партией. Боевой путь И.Д. Черняховского отмечен выдающимися операциями в Великой отечественной войне.

- К читателю
- Часть первая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
- Часть вторая
  - 1
  - 2
- Часть третья
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
- Часть четвертая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
- Основные даты жизни и деятельности И.Д. Черняховского
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

○ 10
○ 11

К читателю

Сколько бы ни менялось поколений на Земле, люди не могут и не должны забыть, что такое фашизм, какие муки и страдания принес он народам Европы, в том числе и народу Германии, какие неисчислимые жертвы понесли советские люди в борьбе с фашизмом. Потомки всегда будут гордиться подвигом наших воинов, разгромивших фашистскую Германию. Это подвиг, равного которому не знает история.

Книга Акрама Шарипова посвящена одному из замечательных полководцев Великой Отечественной войны, самому молодому из командующих фронтами, генералу армии Ивану Даниловичу Черняховскому, воспитаннику партии и комсомола.

Имя этого доблестного воина широко известно в нашей стране и далеко за ее пределами. В Великой Отечественной войне рождалась его слава, расцветал талант полководца. Войска Черняховского участвовали в освобождении Воронежа, Курска, Конотопа, Бахмача, Нежина, Житомира, Витебска, Орши, Вильнюса, Каунаса, отличились в боях за Киев, Минск, в числе первых вышли на границу с фашистской Германией, а затем успешно громили гитлеровцев в Восточной Пруссии — цитадели германского фашизма.

В основу книги положены документы о боевых действиях 28-й танковой дивизии, 60-й армии и 3-го Белорусского фронта, которыми командовал Черняховский, воспоминания его соратников. Автору удалось воссоздать картины боев и сражений, из которых войска, руководимые генералом Черняховским, выходили победителями. Как и все наши известные военачальники, Черняховский заботился о советском воине, преклонялся перед его мужеством и стойкостью, солдаты и офицеры любили своего командующего за человечность и внимание. Описывая боевые действия и показывая роль Черняховского как военачальника, автор рассказывает нам о главном фронтовом труженике — солдате, путь к сердцу которого сумел найти Иван Данилович.

Комсомольцем Черняховский добровольно вступил в ряды Красной Армии, навсегда полюбил военную профессию и стал выдающимся полководцем. Его ратный труд на благо Отечества Родина оценила многими высокими наградами. Он самоотверженно и честно служил народу и погиб как солдат.

Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза

Часть первая
СТАНОВЛЕНИЕ

1

Небольшое село Вербово, что у станции Вапнярка, утопает в садах. Белые хаты раскинулись на склонах пологих холмов, в центре села — пруд. В одну сторону от Вербова тянется дорога в местечко Ямполь, что на берегу широкого и быстрого Днестра. В противоположной стороне, в тридцати километрах, — городок Тульчин, тот самый, где когда-то стоял Суворов со своими чудо-богатырями, где Пестель создал Южное общество декабристов.

Черняховские переехали в Вербово весной 1914 года из села Оксанина Уманьского уезда Киевской губернии. Ивану тогда было семь лет. Пан Новинский, у которого работал конюхом отец Ивана, купил новое имение, и Даниле Николаевичу с семьей пришлось ехать за ним. Жизнь Черняховских в Вербове ничем не отличалась от прежней. Как и раньше, не было ни земли, ни собственного дома. Семья испытывала постоянную нужду.

В августе началась первая мировая война. На десятый день войны Данила Черняховский был мобилизован и направлен на фронт. Жена его, Мария Людвиговна, осталась одна с пятью детьми. Старшей дочери было тринадцать, младшему сыну — пять лет.

Данила Николаевич воевал в составе 8-й армии генерала Брусилова, был контужен и в конце 1915 года «по чистой» вернулся домой, застав детей и жену в нищете.

После Октябрьской революции, в годы гражданской войны в этих краях свирепствовали германские оккупанты и белогвардейские банды.

…Первый мартовский день 1919 года выдался пасмурным, колючий ветер с мокрым снегом ударял в окна. На окраине села раздались выстрелы, затем послышался бешеный топот копыт. По улицам Вербова промчались всадники в шапках с длинными шлыками.

Бандиты вломились в хату Данилы Черняховского: им стало известно, что он верховодил крестьянами при дележе помещичьих лошадей.

— А ну иди по дворам! — крикнул хозяину старший из петлюровцев. — Собери всех коней, что с панской конюшни увели. Да швыдче!

— Не пойду! — наотрез отказался Данила Николаевич.

— Не пойдешь? Взять его! — скомандовал старший.

Черняховского вытолкнули из хаты.

За Данилой Николаевичем выбежала жена с грудным ребенком на руках.

— Изверги! — кричала она в отчаянии.

Оттолкнув одного из конвойных, Мария подбежала к мужу и пошла рядом. Ей трудно было поспевать за ним. Дорога круто вела в гору: Данила Николаевич хотел взять дочь на руки, но тут же получил удар прикладом в спину.

Затянутое мартовской пасмурью небо низко висело над селом. Холодный, пронизывающий ветер метался по селу, скрипел калитками, гнул молодые деревца, уныло выл, силясь выдуть снег из оврагов.

Конвой остановился на краю обрыва. Петлюровцы сорвали с Данилы кожух.

— Прощайтесь! — махнул рукой главарь.

Щелкнули затворы винтовок. Мария, словно онемев, прижалась к мужу и с ужасом смотрела на бандитов. Данила Николаевич хотел сказать жене что-нибудь ласковое. Но чем ее утешить? Как она будет жить без него, как прокормит шестерых ребятишек? А что, если и ее сейчас убьют? Горло перехватило от волнения, но он прошептал:

— Мария! Оставь меня ради детей…

— Никуда от тебя не пойду, пусть и меня убивают!

— Дети останутся сиротами. Подумай о них!

Весть о том, что петлюровцы хотят расстрелять Черняховских, мгновенно разнеслась по селу. Черняховских в Вербове любили за честность и справедливость. Крестьяне, вооружаясь чем попало, бежали к месту расправы.

Начальник конвоя, попав в окружение людей с топорами и вилами в руках, принялся успокаивать:

— Что вы, да мы их не тронем, пусть только скажут, где лошади пана Новинского?

Но разъяренная толпа все плотнее смыкалась вокруг петлюровцев.

Петлюровцам пришлось освободить арестованных. Ваня обнимал родителей и плакал. Отец был бледен, его била дрожь. Мать сдавленно рыдала. Они оба как-то сразу постарели.

В те годы в Вербове и его окрестностях косил людей тиф. Не уберегли от него и родители Вани. Мать перемогалась на ногах, а отец слег. Постель Данилы Николаевича отделили перегородкой, за которую детей не пускали.

Рано утром стон отца разбудил Ваню. Он подошел к перегородке и увидел искаженное судорогой лицо, воспаленные глаза. Хотел подойти, но отец сделал предостерегающий жест: говорить он уже не мог. У Вани сердце разрывалось от жалости, слезы застилали глаза. Он все-таки бросился к постели, но его удержала сестра Елена. Притихнув, мальчик с болью смотрел на

родное исхудавшее лицо отца.

Тяжело переживал Ваня утрату самого близкого человека. А тут новый удар обрушился на детей: не прошло недели после похорон отца, как и мать умерла от тифа. Иван сразу повзрослел от горя.

Старшей сестре Марии исполнилось восемнадцать лет, она вышла замуж и забрала с собой младшую, Настеньку, которая только начинала ходить. Четырнадцатилетнего Михаила зачислили воспитанником в кавалерийскую бригаду Котовского. Ивана, шестнадцатилетнюю Лену и десятилетнего Сашу взял в свою семью сосед, машинист со станции Вапнярка Иван Петрович Цешковский, друг Данилы Николаевича. Но Иван, не желая быть обузой в семье Цешковского, нанялся в пастухи. С рассвета и до заката бродил он по лугам со стадом.

Бойкого, русоволосого, с карими глазами парнишку в Вербове знали все. Он был не по возрасту смышленым и серьезным, поэтому выглядел старше своих сверстников.

С наступлением морозов он снарядился в путь-дорогу искать счастья на стороне. Ехать пришлось на тормозных площадках товарных вагонов. Его спутниками оказались беспризорники, гонимые голодом и холодом. Хваткие, расторопные ребята пели жалобные песни и попрошайничали, кое-кто промышлял воровством.

На одной из остановок к Ивану подошел главарь шайки и сказал:

— Пойдешь с нами!

Юркий паренек привел Ивана в вокзальный ресторан и усадил за стол, где собралась и вся шайка.

Ивану показалось, что все это с ним происходит во сне. Впервые в жизни он видел так много еды.

— Что не пьешь, не закусываешь? — удивился главарь. — Ты же голоден как волк!

— Не хочу на чужой счет. Не привык в долгах быть.

После долгих скитаний, не найдя работы и сытного куска хлеба, Иван вернулся в Вапнярку. Возле станции неожиданно столкнулся с Цешковским.

— Иван! Наконец-то нашелся! — обрадовался тот. — А мы тебя уже и ждать перестали.

— Дядя Ваня, — робко проговорил парнишка, — я хотел сначала устроиться на работу, а потом уж прийти к вам.

— Напрасно ты нас стесняешься. Ты ведь знаешь, мою хозяйку. Она женщина добрая, будет тебе второй матерью. Пойдем домой! — Машинист ласково тронул его за плечо.

Они вошли в дом. Жена Цешковского, Ксения Ильинична,

приветливо встретила их. Лена и Саша, увидев брата, бросились его обнимать. В доме было тепло и уютно, мытарства, жизнь впроголодь как будто остались позади.

Вскоре Иван с помощью сына Цешковского, тоже Ивана, устроился путевым рабочим. Друзья сказали, что он 1906 года рождения вместо 1907-го.

Иван был рослым, физически сильным, сообразительным. Не прошло и полугода, как его перевели подручным слесаря в железнодорожные мастерские на станции Вап-нярка.

Весна 1920 года была голодной. В степях властвовал суховей. Но, несмотря на лишения, Цешковские стремились заменить сиротам рано ушедших из жизни родителей, не делали различия между своими и чужими детьми. Черняховские чувствовали себя здесь как в родной семье. Двух же Иванов, несмотря на разницу в возрасте, связала крепкая дружба. Иван Цешковский давно уже работал слесарем и был руководителем комсомольской организации села. Под его влиянием Черняховский тесно сблизился с комсомольцами, не пропускал их собраний, бесед, сходок.

Важным событием стал тогда для всей молодежи, в том числе и для Черняховского, III съезд РКСМ, на котором выступил Владимир Ильич Ленин. Много раз вчитывался Иван в напутственные слова вождя, глубоко запали они в душу.

Нужно получить образование — вот что решил тогда Ваня. Но школа в Вербове не работала. Иван Черняховский стал брать частные уроки у больного учителя Михаила Корнеевича Бочкарева. Учился он жадно, прочитывал все книги, попадавшие в его руки.

Весной 1922 года Черняховский сдал экстерном экзамены Михаилу Корнеевичу за неполную среднюю школу. Вскоре он подал заявление в Вербовскую комсомольскую ячейку. После собрания комсомольцы обступили Ивана. Поздравил его и военный в длинной шинели, с маузером на ремне. Это был комиссар артиллерийского полка, стоявшего неподалеку от Вербова, Л.Е. Ганже. Положив руку Ивану на плечо, он сказал:

— Будь честным и надежным помощником большевикам-ленинцам, товарищ Черняховский!

Едва сдерживая волнение, стараясь говорить четко, по-военному, Иван ответил:

— Постараюсь оправдать звание комсомольца, товарищ комиссар!

— Приходи к нам в полк!

Артиллерийская часть простояла в окрестностях Вапнярки полгода. Иван часто бывал в гостях у артиллеристов.

Но вот полк перевели на новое место — куда-то к границе. Комиссара Ганже отозвали в Киев. Юноша с грустью расставался с новыми друзьями. Как хотелось ему уехать с ними! Но для службы в Красной Армии он еще был молод.

Вскоре Черняховского избрали в Вербовский комитет бедноты. Вместе со старшими товарищами Иван выполнял трудные и часто сопряженные с опасностью задания по продразверстке.

Работая в Вапнярке, Иван часто бывал в Вербове, рассказывал друзьям о том, как идут дела на станции.

На одном из комсомольских собраний спорили, как своими силами восстановить бывший помещичий сад. Слово взял Ваня Черняховский. Едва он начал говорить, кто-то крикнул с места:

— Зачем нам сад, если нет хлеба?

— Придет время — будет у нас и хлеб, и сады наши зацветут! — ответил Черняховский.

Посадили молодые фруктовые деревья в новом саду на пришкольном участке. Сад вербовских комсомольцев и теперь цветет каждую весну.

Однажды, когда все уже спали, в хату Цешковских ворвались семеро неизвестных. Во весь голос Иван крикнул: «Бандиты!» Двое набросились на него. Сестра выпрыгнула в окно. Один из бандитов погнался было за ней, но Черняховский настиг его у самого окна. Началась свалка. В темноте слышался грохот падающих скамеек, хрип, крики, глухие удары.

На шум стали сбегаться соседи, и бандиты скрылись. Лишь наутро члены комитета бедноты арестовали бандитов. Двое пытались бежать, но были убиты…

Молодежь полюбила Черняховского за смелость, решительность, за умение поднять всех на нужное дело. Вскоре его избрали секретарем Вербовской комсомольской ячейки вместо Ивана Цешковского, который стал секретарем волостного комитета комсомола.

Это было трудное время. Кулаки всячески старались опорочить Советскую власть, комсомол в глазах крестьян. Для этого они использовали и церковь. В ответ комсомольцы усиливали антирелигиозную пропаганду. Но вести ее было нелегко. Особенно хитро действовал местный поп Зеленецкий. Он не поносил комсомольцев в своих проповедях открыто, поп призывал: «Простите их, православные. Они по молодости заблуждаются».

Комсомольцы Вербова предприняли немало усилий, чтобы повести за собой сельскую молодежь. Своими силами они построили в селе клуб. Здесь стали проводить вечера.

Организовали хоровой и драматический кружки. Иван Черняховский являлся их активным участником. Особенно удалась ему роль парубка Петра в спектакле «Наталка Полтавка».

Вербовские комсомольцы добились многого: большинство парней и девчат перестали посещать церковь, потянулись в клуб. Появился интерес к книгам. Иван Черняховский увлекался стихами Тараса Шевченко. Многие из них знал наизусть. Его любимым героем стал воспетый Шевченко Наливайко, возглавивший в конце шестнадцатого века восстание казаков и крестьян и впоследствии сожженный врагами.

Не раз задумывался Черняховский о том, как создать в селе библиотеку, где раздобыть книги. И выход нашелся. Все знали, что у попа Зеленецкого в доме много книг: поп любил читать. Во всем селе, наверное, не набралось бы столько книг, сколько стояло на полках в поповском доме.

Комсомольцы добились согласия местных властей обобществить библиотеку попа. Книги Зеленецкого перевезли в клуб. Среди них в основном оказались сочинения русских, украинских и зарубежных классиков и ни одной книги на религиозную тему.

В селе поговаривали, что Зеленецкий якобы вовсе не священник, а бывший полковник царской армии и обманывает народ. Ходили слухи, что по ночам у попа иногда собираются бывшие офицеры, что сам он порой уезжает на какие-то тайные сборища.

Комсомольцы установили за ним наблюдение. В одну из темных ночей, когда моросил дождь, четверо комсомольцев во главе с Черняховским затаились в поповском саду. Иван заглянул в окно, в щель между задернутыми занавесками. Свет от лампы падал на большое зеркало. В комнате никого не было видно. Вдруг скрипнула дверь, во двор кто-то вышел и опять вернулся в дом. Кто — рассмотреть не удалось.

Черняховский опять приник к щели. Перед зеркалом стоял человек в форме полковника царской армии. У стола хозяйничала женщина. Внезапно полковник подошел к окну и плотно сдвинул занавески, Иван, пораженный, отпрянул от окна: это был Зеленецкий.

Что делать? Ждать, пока к нему кто-нибудь придет? И Иван решился.

— За мной! — скомандовал он, вытаскивая из кобуры наган (в те годы секретарям комсомольских ячеек было разрешено носить оружие).

Поп перепугался, руки его тряслись. Черняховский взвел курок.

— Отвечайте: что затеваете, где ваши сообщники?

Зеленецкий, косясь на наган, запинаясь, заговорил:

— Вы меня не за того принимаете… Слово офицера! Да, я в самом деле был полковником, но люблю Россию и никогда не пойду против нее…

— А как вы стали попом?

— Надо было как-то кормиться… — Зеленецкий понемногу приходил в себя.

— Что ж, поверим офицерскому слову. Но вы должны сейчас же написать, как стали попом, и подписаться. Иначе разговор с вами состоится в другом месте.

— Хорошо, хорошо! — с готовностью согласился Зеленецкий.

Ему стало душно, он быстро расстегнул ворот кителя. Стараясь унять дрожь в руках, начал торопливо писать, где учился, кем был до революции. Написал и о том, что стал попом самозванно. Черняховский, прочитав объяснение, положил его в карман.

— А теперь слушайте. Завтра мы соберем народ и расскажем про вас и ваши проделки. Пусть люди узнают, кто вы такой. Лучше вам честно рассказать обо всем. В этом случае обойдется без неприятностей.

Изрядно перетрусивший Зеленецкий согласился.

На следующий день Вербовский сельсовет собрал на площади жителей. На трибуну поднялся облаченный в поповскую рясу Зеленецкий. Как было условлено, он снял рясу и надел на голову офицерскую фуражку. Бросив испуганный взгляд на толпу, начал срывающимся голосом:

— Граждане, я вовсе не священник, а бывший полковник. Я обманывал вас…

Волна возмущения прокатилась по площади. Если бы не комсомольцы, охранявшие Зеленецкого, верующие растерзали бы его.

Так закончилась карьера полковника-попа.

Наступил 1923 год. Михаил Черняховский, воспитанник кавалерийского корпуса Котовского, стал младшим командиром. Иван продолжал работать и учиться. Саша и Елена помогали Ксении Ильиничне по хозяйству.

Малыши в семье Цешковских подрастали, расходы увеличивались, семья едва сводила концы с концами. Иван решил ехать в Новороссийск на заработки. Ксения Ильинична заботливо, как мать, собирала его в путь. В дорожную торбу аккуратно уложила буханку хлеба, полтора фунта сала, полотенце, две пары

белья, дала денег на дорогу…

И вот залитая солнцем привокзальная площадь Новороссийска. За первым же поворотом перед Иваном открылось море — он остановился, любуясь ударами могучих волн. Все было для Ивана необычно в Новороссийске. Горы подковой опоясывали город, улицы брали начало у самого берега.

Иван остановился у заводских ворот, прочитал вывеску: «1-й государственный цементный завод „Пролетарий“.

Сюда он и поступил бондарем — делать бочки для цемента. Работа ему нравилась. Прошло немного времени — мускулы стали еще крепче, плечи — шире. Без отрыва от производства Иван окончил курсы шоферов и стал водителем автомобиля. Работая шофером, исколесил все побережье Черного моря. Ивану нравилось водить машину по извилистым лентам горных дорог. Сколько смелости и сноровки требуется при этом! Чуть зазеваешься, можешь угодить в пропасть. Вот узкая, словно аркан, полоска дороги опускается ниже, туда, где бесконечными рядами тянутся виноградники…

На заводе «Пролетарий» Черняховский проработал всего полгода, а комсомольцы уже избрали его в бюро заводской комсомольской организации. Здесь Иван познакомился с членом бюро окружкома комсомола Николаем Зиновьевым и подружился с этим замечательным парнем. Оба увлекались спортом и техникой, занимались и в стрелковом кружке.

Зиновьев знал о том, что Иван мечтает стать военным. Однажды он сказал другу, что на бюро окружкома его кандидатуру предложили в военную школу краскомов.

— Да, подумать же надо! — проговорил Черняховский.

— Что думать? Раньше рабочие не могли попасть в кадетские корпуса. А теперь у нас должны быть командиры из рабочих, из комсомольцев! Характер у тебя для командира подходящий, воля и смелость есть, с людьми работать научился. Из тебя командир будет что надо! И стреляешь отлично. — Зиновьев улыбнулся и, помолчав, добавил: — Я тоже собираюсь в военную школу.

Областной военный комиссариат, получив из окружкома комсомола документы Черняховского, запросил, как это полагалось тогда, справку с места жительства о его социальном происхождении. Ответ почему-то задержался. А дело было в том, что секретарь Вербовского сельсовета, ровесник Ивана, завидовал ему и задержал ответ умышленно. Но председатель сельсовета потребовал выслать справку.

…Летом 1924 года Черняховский по рекомендации Новороссийского окружного комитета комсомола уехал в Одесскую пехотную школу, твердо решив посвятить жизнь защите

Отечества.

2

В парке Одесской пехотной школы играл духовой оркестр. Вдоль тенистой аллеи выстроились курсанты. Во втором ряду первой роты правофланговым стоял Иван Черняховский. Для него, как и для многих первокурсников, все было ново, необычно, волнующе в этот день.

— Училище! Под знамя, смирно! — раздалась команда.

Алое полотнище развевалось на ветру. Знаменосец и два ассистента торжественно прошли вдоль замерших рядов курсантов и заняли свои места на правом фланге, рядом с командным составом школы.

На всю жизнь остались в памяти Черняховского эти торжественные минуты.

К жесткому армейскому распорядку привыкнуть было не так-то просто. Командир отделения Сергеев не допускал ни малейших послаблений по службе, считая, что только так можно сформировать командирский характер. Вскоре на проверках отделение Сергеева стало показывать отличные результаты.

Военная служба Ивану нравилась.

Радовали его первые успехи в учебе. Он выполнил на «отлично» упражнения по стрельбе, сдал зачет по тактике. С волнением готовился к принятию присяги. И этот день наконец наступил. Теперь Иван Черняховский еще больше времени проводил в библиотеке и учебных кабинетах, гарнизонном Доме Красной Армии. Специальной литературы он читал больше, чем требовалось по программе, самостоятельно изучал историю военного искусства.

Он продолжал основательно заниматься спортом, понимая, что командир должен быть ловким, сильным, выносливым.

На предварительных стрельбах Иван показал отличные результаты и был зачислен в команду для участия в окружных соревнованиях, проводившихся в двадцати километрах от Одессы.

Участники приехали на полигон вечером и разместились в казармах. Один из курсантов, случайно бросив взгляд на раскрытый чемодан Ивана, удивился:

— Зачем ты привез утюг?

— Военная тайна!

— Портной, что ли?

— Закройщик, — едва сдерживая смех, ответил Черняховский.

Через несколько минут все с любопытством смотрели, как тренируется «портной». В вытянутой правой руке вместо

пистолета он держал утюг (для того, чтобы рука во время стрельбы была твердой).

Настал день соревнований. Прозвучала команда:

— Стрелки Одесской пехотной школы, на огневой рубеж шагом марш!

Черняховского охватило волнение, но, получив патроны, он успокоился, тщательно прицелился и плавно нажал на спусковой крючок. Подойдя к мишени, с радостью увидел, что все пули, за исключением одной, попали в «яблочко»! На этих соревнованиях он занял первое место.

Чемпиона по стрельбе в школе встретили торжественно. Друзья и товарищи поздравляли Черняховского с успехом.

Иван преуспевал не только в стрельбе, но и по всем другим видам боевой подготовки. Начальник школы наградил его денежной премией. Комсомольцы роты оказали доверие Черняховскому, избрав его секретарем ячейки.

Первый курс окончен успешно. Курсанты разъезжались на летние отпуска. Иван нетерпеливо ждал отправления поезда: скорее бы увидеть родные места! Почти всю дорогу не отходил от окна.

Наконец и станция Вапнярка. Иван первым выскочил на перрон и быстро зашагал в родное Вербово. Остановился у обрыва, где петлюровцы чуть не расстреляли его родителей. Нахлынули воспоминания… По знакомой тропинке шел к селу. Вот и хата, где прошли годы детства. Потихоньку открыл калитку. Навстречу выбежала Ксения Ильинична:

— Сыночек ты мой! Да тебя и не узнать! Вон как возмужал! А мы ждали вечерним поездом…

— Ну как вы здесь? Все живы-здоровы? Где Иван Петрович, Елена? — обнимая Ксению Ильиничну, спросил Черняховский.

— Иван Петрович работает на старом месте, Елена переехала жить на станцию. Вечером все соберутся.

— Что пишет тезка? Как у него дела в артиллерийской школе? Понравился Киев?

— Иван уехал на практику. Жаль, что не встретились.

В доме все напоминало о детстве. Мирно тикали старые ходики на стене. По-прежнему за окном шелестела листвой вековая липа. Тень от нее падала на раскрытое окно, отчего в комнате было прохладно.

— Садись, сыночек, к столу, — позвала Ксения Ильинична. — Позавтракай да отдохни с дороги.

На следующий день, в воскресенье, Иван пошел в Вапнярку к сестре Елене. Долго сидели вдвоем, говорили обо всем. Вечером Иван отправился за околицу, где обычно собиралась молодежь.

Старые друзья окружили его и наперебой расспрашивали о курсантской жизни. Вдруг Иван почувствовал чей-то пристальный взгляд. Он оглянулся. Незнакомая девушка смутилась и опустила глаза.

— Кто она? Я вижу ее впервые.

— Из Киева, к родным приехала.

Возвращались с танцев веселой гурьбой. Иван с кем-то разговаривал, шутил, но все время искал глазами девушку из Киева. Домой вернулся поздно и долго не мог уснуть. А утром неожиданно увидел ее в соседнем дворе. Светлые волосы на солнце отливали золотом. Она показалась ему еще красивее. Ноги сами понесли его к калитке. Но девушка скрылась в саду.

Вечером на танцах Иван пригласил ее на вальс. Они познакомились. Девушку звали Асей. Теперь почти все время они проводили вместе. Незаметно пролетел отпуск, наступил день отъезда. Ася возвращалась в Киев, где жила с матерью и работала, Иван — в Одессу.

На прощание Иван, волнуясь, заговорил:

— Мы расстаемся… Но, надеюсь, время и расстояние не разлучат нас… Как ты смотришь, если я переведусь в Киевскую артиллерийскую школу?

— Это было бы хорошо, Ваня, но вряд ли разрешат тебе из пехотной школы перейти в артиллерийскую.

Мысль о переводе в артиллерийскую школу занимала Черняховского давно. Еще подростком он мечтал стать артиллеристом. А теперь, учась в Киеве, он сможет часто видеть Асю.

В Одессе Иван подал рапорт с просьбой о переводе и получил отказ: командование не хотело лишаться способного курсанта. Но Черняховский не отступал. Написал рапорт народному комиссару по военным и морским делам.

В Красной Армии в те годы все большее внимание уделялось артиллерии, соответственно расширялась сеть артиллерийских школ, увеличивался прием курсантов. Просьбу Черняховского в конце концов удовлетворили.

И вот Киев! Прямо с вокзала хотел было поехать к Асе. Но потом раздумал: «А вдруг отчислят? Как тогда взгляну ей в глаза?..»

Основания для таких опасений были. Ведь он был переведен в артиллерийскую школу сразу на второй курс. Его будущие однокурсники уже год изучали специальные дисциплины. А ему предстоит многое начинать заново и догонять их. Удастся ли?

Свою первую прогулку по Киеву Черняховский совершил в одиночестве.

Задержался у памятника Богдану Хмельницкому. Мужественное лицо, вытянутая вперед правая рука с тяжелой булавой — все олицетворяло сильную волю и стойкость полководца. Потом он долго стоял на Владимирской горке, любуясь заднепровскими далями.

К вечеру вернулся в школу, разыскал Ивана Цешковского. Друзья-побратимы не виделись два с лишним года. Им было о чем поговорить. Цешковский обещал помочь другу наверстать упущенное за первый курс.

…Занятия в артиллерийской школе сразу увлекли Ивана. Особенно нравилось ему решать артиллерийские задачи. Теоретическая учеба чередовалась со стажировкой в войсках, полевыми занятиями и стрельбами на полигонах. Наступил день показных стрельб для второкурсников.

…Первый выстрел потряс воздух. С ветвей ближней сосны посыпался снег. Оглушительное эхо прокатилось по лесу. Снаряд разорвался левее цели, второй не долетел, третий перелетел. После пристрелки последовал дружный залп: огонь открыла вся батарея. Там, где разорвались снаряды, вместе с землей взлетели бревна наката «огневой точки». Цель заволокло клубами дыма и пыли. Когда все рассеялось, на месте условно обозначенного «вражеского дзота» виднелась лишь почерневшая воронка.

На стрельбах Черняховский уяснил для себя: чтобы поражать цель наверняка, командир-артиллерист должен упорно тренироваться в подготовке исходных данных, в решении задач, как тренируется спортсмен. И что без этого нельзя стать мастером своего дела.

Некоторые курсанты, уже считавшие себя настоящими артиллеристами, иногда посмеивались над недавними пехотинцами. Но Черняховский, подбадривая своих новых друзей-однокурсников, прибывших из Саратовской пехотной школы, — Василия Мернова, Александра Будко, — говорил: «Мы им еще покажем, что такое пехота!»

Друзья упорно постигали основы артиллерийской науки. К концу учебного года они уже во многом опередили однокурсников.

Черняховского избрали членом общешкольного комсомольского комитета. Новый состав бюро представили комиссару артиллерийской школы Ганже.

— По-моему, мы где-то встречались с вами? — Ганже вопросительно взглянул на Черняховского.

— Товарищ комиссар! Ваш артиллерийский полк дислоцировался в Вапнярке, а одна из батарей стояла в нашем селе, в Вербове…

— Товарищ Черняховский? — не дал договорить Ганже. — Не узнать, как возмужали!

Ганже, прощаясь, крепко пожал руку Черняховскому.

Большого труда стоило Ивану сдержать данное себе слово: до окончания учебного года не извещать Асю о том, что он в Киеве, хотя временами казалось, что уже нет сил переносить разлуку.

И вот наконец учебный год закончен. Перед самыми каникулами Иван помчался к Асе. Она удивилась, увидев его.

— Я же говорил, что переведусь в Киев!

Он показал на свои курсантские артиллерийские петлицы.

— Поздравляю! — Но тут же с упреком сказала: — Сколько времени в Киеве — и не мог сообщить о себе? А я посылала письма в Одессу… Не знала, что и думать, почему ты молчишь?..

— Прости, родная! — Иван обнял ее…

Иван перешел на последний курс. Его тревожило, что скоро придется уехать из Киева, а это значило — расстаться с любимой девушкой. А он уже не мыслил жизни без нее. Однажды прямо сказал Асе об этом, просил стать его женой.

Курсантам не рекомендовалось вступать в брак до окончания военной школы. Но у командования не было оснований беспокоиться за успеваемость Черняховского — учился он отлично. И вскоре получил официальное разрешение жить на квартире.

Апрельские ветры и дожди подмели и вымыли улицу на окраине Киева, в Святошине, где в доме матери Аси жили Черняховские. Незаметно наступило лето. В один из июньских солнечных дней Иван после занятий торопился домой.

Ему хотелось поскорее поделиться с женой большой радостью.

— С чем тебя поздравить? — спросила жена, увидев его сияющее лицо. — Отлично сдал экзамен?

— Не угадала, Асенька.

— Обещали оставить в Киеве?

— Меня в партию приняли!

Иван Черняховский и его товарищ Василий Мернов окончили артиллерийскую школу по первому разряду и получили право выбирать место назначения. Комиссар школы Ганже дал характеристику молодому командиру Черняховскому: «Общее и политическое развитие хорошее. Трудолюбив и добросовестен, дисциплинирован я выдержан вполне. Инициативой обладает.

Воля сильная. С товарищами живет дружно. В общественно-политической работе участие принимает. Авторитетом пользуется. К воспитательной работе подготовлен». Старый коммунист, опытный комиссар не ошибся в своем воспитаннике, разглядев в нем задатки будущего военачальника.

Позади остались годы учебы. Василий Мернов отправился на бронепоезд, Александр Будко — в артиллерийский полк в Белую Церковь, а Иван Черняховский — командиром учебного взвода 17-го корпусного артиллерийского полка в Винницу. Друзья расстались, не предполагая, что встретятся на военных дорогах еще не раз.

Черняховский и еще несколько выпускников Киевской артиллерийской школы, получивших назначение вместе с ним, явились к дежурному по полку.

Дежурный, командир батарея, внимательно выслушал их рапорты и сказал:

— Отдыхайте, а вечером командование полка приглашает вас в клуб.

Молодые командиры переглянулись.

— Да, да, у нас так принято, — подтвердил дежурный. — Восемь лет назад меня так же принимали в коллектив командного состава нашего полка. Ровно в двадцать часов вы должны быть в клубе.

За пять минут до назначенного срока молодые командиры пришли в клуб. Командиры с женами прогуливались в фойе, где играл оркестр. Потом все вошли в зал. Начальник клуба пригласил вновь прибывших занять места в президиуме. Оркестр заиграл «Интернационал». Все встали. Сотни глаз были обращены на украшенную транспарантами и цветами сцену. «Неужели все это в честь нас, молодых командиров?» — подумал Черняховский, и его охватило радостное волнение.

Командир полка зачитал приказ народного комиссара по военным и морским делам о назначении выпускников Киевской артиллерийской школы на должности командиров взводов. Полковой комиссар рассказал о заслугах и боевых традициях полка, прошедшего славный путь в гражданскую войну, и выразил уверенность, что молодые командиры будут их приумножать.

Так тепло приняли однополчане новичков в свою семью.

Утром в строй. Ивану Черняховскому в подчинение вошли два боевых расчета с двумя грозными гаубицами, участвовавшими в штурме Перекопа.

В первую же субботу Черняховский выехал за женой в Киев.

Собрались в дорогу быстро. На следующий же день попрощались с родными и вечерним поездом уехали в Винницу.

На новом месте Черняховский с головой ушел в работу. Время рассчитывал не по часам, а по минутам, даже умудрялся выкраивать вечера для подготовки в военную академию.

Несмотря на огромную занятость, он решил как можно быстрее освоить программу за среднюю школу.

Нелегко было совмещать службу с учебой. Первая проверка боевой подготовки взвода дала весьма посредственные результаты.

Он проанализировал недостатки, обсудил итоги сначала со всем взводом, а затем в каждом расчете, организовал помощь отстающим красноармейцам.

Успех боевой и политической подготовки взвода зависел не только от высокой выучки командира взвода, но и от квалификации командиров расчетов. Проверка показала, что подготовлены они довольно слабо, несмотря на то, что занятиями командиров расчетов руководил командир батареи. Черняховский сам стал заниматься с ними.

Черняховский учил подчиненных и прислушивался к советам старших. Однажды он обратился к политруку батареи, которого в полку считали опытным политработником.

— Товарищ политрук, казалось бы, делаю все и времени своего не жалею, а отличных показателей у взвода не могу добиться, в чем же причина?

— Если бы все зависело только от того, сколько времени мы проводим на службе, наша батарея давно бы была образцовой, — услышал он в ответ.

— В чем же тогда дело?

— Очень важно сплотить вокруг себя подчиненных, найти подход к сердцу каждого. Это не означает панибратства. Будьте требовательны, но справедливы. Дело в том, что надо научиться работать с людьми, и в этом, пожалуй, заключается весь секрет…

Советы политрука оставили заметный след в душе молодого командира взвода Черняховского. Наряду с боевой подготовкой больше внимания он стал уделять партийно-воспитательной работе. Плоды напряженного труда незамедлительно сказались на результатах боевой и политической подготовки. Именно тогда сослуживцы заметили его склонность к партийно-политической работе. Не случайно командование выдвинуло Черняховского на должность политрука батареи.

1929 год стал памятным для Ивана Даниловича еще потому, что у Черняховских родилась дочь. Ее назвали Неонилой.

Свои новые обязанности политрука батареи Черняховский

выполнял с энтузиазмом. Казалось, что у него призвание к партийной работе. Его выступления отличались эмоциональностью, логикой и глубоким знанием материала, он умел воодушевить коммунистов и комсомольцев, весь личный состав на выполнение самых сложных задач. Вскоре батарея стала одной из лучших в полку.

Черняховского избрали членом партийного бюро полка, командование выдвинуло его на должность командира батареи. Уделяя основное внимание боевой и политической подготовке бойцов и командиров, Черняховский не забывал и о спорте. Он считал, что физически слабый боец будет отставать во всем. Черняховский сам был заядлым спортсменом. Неплохо ходил на лыжах, играл в футбол, метко стрелял.

Новый командир батареи постепенно добился своего. Вскоре его бойцы стали отличаться на спортивных соревнованиях, завоевывая лучшие места в дивизионе.

В 1930 году Иван Данилович успешно окончил вечернюю среднюю школу и начал готовиться в военную академию. Он понимал, что кандидат в академию должен иметь хорошие и отличные показатели по боевой и политической подготовке.

На одной из инспекторских проверок Черняховский получил задачу: с закрытых огневых позиций уничтожить дерево — земляную огневую точку «противника». Он быстро подготовил данные, передал их на батарею, доложил инспектирующему:

— К стрельбе готов!

— Начинайте, — последовал приказ.

Черняховский, еще раз все проверив, подал команду «огонь!».

— Дзот «противника» поражен тремя снарядами! — сообщил наблюдатель.

На инспекторских стрельбах батарея Черняховского получила хорошие и отличные оценки. Командующий округом наградил Черняховского ценным подарком.

В мае 1931 года Черняховский прошел отборочную комиссию в Ленинградскую военно-техническую академию имени Ф.Э. Дзержинского.

3

Командиров, допущенных к вступительным экзаменам в академию, пригласил к себе в кабинет командующий Украинским военным округом И.Э. Якир. Высокий и стройный, Якир выглядел моложе своих тридцати пяти лет. Командующий, поздравив присутствующих с важным событием в их жизни, сказал:

— Наша армия молода не только годами, но и духом. Она сильна тем, что отбросила устаревшие теории, ей чужды догмы и шаблоны. В современной войне нельзя достичь победы старыми, давно известными противнику методами. В академии вас научат всему тому новому и передовому, что есть в советской военной науке. Не забывайте, что являетесь плотью от плоти трудового народа Страны Советов и должны быть честными и скромными воинами, горячо любить Родину.

Черняховский, глядя на командующего, думал: каким же талантом нужно обладать, чтобы в двадцать три года командовать дивизией! Прославленный комдив вторым в стране был награжден орденом Красного Знамени.

Когда Якир начал расспрашивать кандидатов в академию о семьях, родителях, многие от неожиданности смутились и отвечали несмело. Но эта неловкость быстро прошла, и беседа приняла непринужденный характер.

В конце встречи Якир еще раз подчеркнул:

— Не теряйте времени зря. Учитесь упорно, а по окончании академии возвращайтесь в округ.

Прощаясь, он задержал взгляд на Черняховском.

— Если не ошибаюсь, это вы отличились на учениях с боевыми стрельбами? Желаю вам успехов и в академии.

«Посчастливится ли служить под его командованием после окончания академии?» — подумал Черняховский.

Военная академия имени Ф.Э. Дзержинского была призвана готовить «высококвалифицированных специалистов на высшие командные должности в частях… РККА, способных руководить специальными частями и техническими средствами на войне и их подготовкой в мирное время…».

Кандидатам перед мандатной комиссией и экзаменами надо было пройти медицинскую комиссию. Подошла очередь Черняховского. Все специалисты признали его годным, а хирург воскликнул с огорчением:

— Ого, голубчик! Да у вас плоскостопие.

И вот против графы «хирург» в медицинской карточке появилась запись «не годен».

— Доктор, какое значение имеет плоскостопие? Разрешите, я хоть сейчас сдам нормы по физической подготовке!

— Ничем не могу помочь!

Черняховский обратился к начальнику академии.

— В порядке исключения пойду вам навстречу, — сказал он. — Если выдержите экзамены по всем предметам и дополнительно по физической подготовке на «хорошо» и «отлично», будете зачислены.

— Ваше доверие постараюсь оправдать, — заверил Черняховский.

Он напряженно готовился к экзаменам. Днями и вечерами сидел за книгами вместе со старым знакомым Николаем Зиновьевым, тоже кандидатом в академию.

И вот все экзамены позади. Успешно сдан и экзамен по физической подготовке. Начались дни томительного ожидания…

Только через месяц начальник учебной части академии огласил приказ народного комиссара по военным и морским делам о зачислении слушателей на первый курс. В списке слушателей факультета механизации и моторизации была и фамилия Черняховского. На этот же факультет были зачислены его друзья: Василий Мерное, Николай Зиновьев и Владимир Кашуба.

После ознакомления с программой стало ясно, что настоящие трудности только начинаются.

Первая вводная лекция по тактике и оперативному искусству. На кафедру поднялся старший преподаватель А.Д. Малевский, Черняховский внимательно слушал, стараясь не пропустить ни слова.

Лекция, насыщенная интересными примерами из первой мировой и гражданской войн, произвела на Черняховского большое впечатление.

Эта установочная лекция пробудила в Черняховском особый интерес к принципам оперативного искусства, и он впервые серьезно задумался о взаимодействии всех родов войск в современном бою. С большим интересом посещал он лекции и по военной истории.

В повседневных заботах слушатели не заметили, как окончили первый курс. В 1932 году на базе факультета, где учился Черняховский, создали в Москве Военную академию механизации и моторизации РККА. Черняховскому с его опытом артиллериста предстояло теперь овладеть новой специальностью — командира-инженера механизированных и танковых войск.

Иван Данилович часто посещал библиотеки Военной академии имени М. В. Фрунзе, Центрального Дома Красной Армии, Государственную библиотеку имени В.И. Ленина. Книги помогали ему разбираться в сложных вопросах военной науки. Учился он только на «отлично».

Кроме лекционного курса и лабораторных работ, в академии проводились групповые упражнения и штабные игры на топокартах, учения по тактике и оперативному искусству. Слушатели учились самостоятельности, умению всесторонне анализировать обстановку и быстро принимать решения. На тактических занятиях им приходилось бывать в различных ролях. Черняховский успешно справлялся с обязанностями и начальника штаба, и командира части.

Хорошо организованный курс обучения, рассчитанный на пять лет, позволял слушателям получить высокую техническую подготовку на уровне инженера и глубокие военные знания по тактике и оперативному искусству. За теоретическими занятиями следовала практика в войсках. Осенью 1933 года Черняховский стажировался на должности командира батальона, осваивая способы применения новой техники и вооружения в современном бою. Армейская жизнь резко отличалась от академических занятий. И потому опыт, который он приобрел здесь, был неоценим.

Иван Данилович, возвратясь в Москву со стажировки, дома никого не застал. Жена и дочь гостили в Киеве. Достал из почтового ящика письмо сестры Марии.

«Милый Иван! В этом году мы собрали богатый урожай, в фруктовых садах, которые ты сажал, деревья ломились под тяжестью яблок. Все лето ждали всех вас, думали, что навестите…»

Взгрустнулось. Захотелось поехать в родные места. Но сейчас это было невозможно, начинался новый учебный год.

Черняховский среди всех своих товарищей по курсу выделялся необычайным упорством и трудолюбием.

«Иван Данилович был красив не только внешне, но и внутренне, он был отличником среди отличников, — спустя многие годы рассказывает однокурсник по академии генерал-майор Н.М. Зиновьев. — Над некоторыми теоретическими вопросами или задачами мы иногда думали часами, а Иван Данилович решал их за несколько минут. И если бы он избрал не военную, а иную профессию, то все равно был бы незаурядным специалистом своего дела».

Зиновьев отмечал, что и тогда Черняховский отличался самостоятельностью суждений. На одном из семинаров,

посвященном вопросу использования танков в современном бою, развернулась бурная дискуссия о разделении танков на три группы: непосредственной поддержки; дальней поддержки пехоты и конницы; дальнего действия. Подводя итог, руководитель занятий старший преподаватель Малевский спросил:

— Какие у кого еще будут суждения?

Слово попросил Черняховский:

— Мы не можем отрицать тот факт, что с увеличением количества танков возрастет плотность противотанковой артиллерии и все это приведет к развитию глубины обороны. В этих условиях трудно будет преодолевать сопротивление противника, потребуются мощные бронетанковые силы для обходных маневров.

— С целью прорыва глубокой обороны врага мы и рассмотрели построение боевых порядков танков в три эшелона, — пытался отстаивать свою точку зрения один из слушателей, но преподаватель остановил его:

— Прошу дать возможность Черняховскому высказаться до конца.

— В военном искусстве основное заключается в том, как нанести главный удар, — продолжал Черняховский. — При разделении бронетанковых войск на три эшелона вряд ли можно массированно использовать танки, что крайне необходимо для развития успеха в оперативной глубине.

— Товарищ Черняховский, вы отрицаете необходимость танков непосредственной поддержки пехоты? — уточнил преподаватель.

— Нет, не отрицаю. На мой взгляд, должны сохраниться танки непосредственной поддержки пехоты и дальнего действия. Видимо, для действий в оперативной глубине нам придется создавать более мощные бронетанковые группировки, в особенности на главных направлениях.

— Вы пытаетесь полностью игнорировать труд Триандафиллова «Характер операций современных армий», который одобрен высшим командованием Красной Армии? — снова спросили с места.

— Товарищи слушатели, в военной науке могут быть различные мнения, наука — это не строевой устав! — заметил Малевский на это.

— Вы же сами нам рекомендовали Триандафиллова! — не унимался оппонент Черняховского.

— Работа Триандафиллова вышла в свет в 1929 году, — ответил преподаватель. — За это время в стране произошли большие изменения — выполнена первая пятилетка, успешно

претворяется в жизнь вторая. Красная Армия быстрыми темпами оснащается новейшей военной техникой. В свою очередь, изменения в вооружении войск должны привести к развитию тактики и оперативного искусства. Призываю всех, а вас в особенности, — преподаватель задержал взгляд на слушателе, возражавшем Черняховскому, — не довольствоваться прописными истинами и не повторять только чужие мысли.

Опытный преподаватель хорошо понимал, насколько важно воспитывать у будущих военачальников творческое мышление, самостоятельность суждений.

Черняховский стремился следить за новинками в военной литературе. Изучая оперативное искусство, например, он обращался к новейшим пособиям Военной академии имени М.В. Фрунзе. Много читал военной и политической литературы.

Основательно были проработаны и законспектированы труды Б.М. Шапошникова «Мозг армии», А.И. Егорова «Разгром Деникина», научные статьи талантливого военного теоретика М.Н. Тухачевского. Увлекаясь военной теорией, он не пропускал ни одной сколько-нибудь значительной публикации. Особенно глубоко Черняховский и его товарищи изучали труды Ленина о войне и армии.

В одной из рабочих тетрадей Черняховского сохранилась ленинская цитата, подчеркнутая красным карандашом:

«Ведь война многому научила, не только тому, что люди страдали, но и тому, что берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины… или надо преодолеть высшую технику, или быть раздавленным».[1]

Изучая философию войны, друзья часто спорили по многим волнующим их вопросам, обсуждали прочитанные книги. Однажды Иван Данилович поделился с Владимиром Кашубой своими впечатлениями о военных мемуарах Ллойда Джорджа:

— Послушай, к какому интересному выводу пришел этот буржуазный политик: «Военные, оторвавшиеся от политики, не могли предвидеть развитие военной науки и вопросы обеспечения современных армий».

— И что же в этом особенного? — спросил Кашуба. — Среди них есть трезвомыслящие. Помнишь, Владимир Ильич в работе «Социализм и война» приводит высказывание Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами». Однако не забудь, что Ллойд Джордж и Клаузевиц служили эксплуататорскому классу. А у нас своя точка зрения.

— Понятно, что Клаузевиц не был социалистом, Но это не помешало Владимиру Ильичу высоко оценить этого военного теоретика.

— К чему ты все это говоришь? Разве кто-либо возражает против того, чтобы изучать их труды?

— Нам следует глубоко изучать не только Клаузевица, но и прежде всего своих вероятных противников, их способы ведения боевых действий, методы управления войсками и даже образ их мышления. Ведь нам придется угадывать замыслы врага.

С особым вниманием Черняховский относился к войсковым стажировкам, которые проводились после окончания каждого курса академии. На третьем году учебы Черняховский стажировался в должности заместителя начальника штаба дивизии.

Служебная характеристика, выданная Черняховскому в дивизии, была зачитана всем слушателям. В ней высоко оценивались способности стажера, его умение глубоко вникать в дело.

После практики Иван Данилович с новыми силами взялся за учебу. Но так много интересного было в Москве! Нужно успеть и в театры, на выставки, в концерты.

Как-то супруги Черняховские возвращались из Большого театра. Слушали оперу Верди «Аида».

— Какая чудесная музыка! — заметила Анастасия Григорьевна. — Особенно прощальный дуэт и финал — гимн мужеству и верности.

— Меня поразила сцена народного торжества, в которой Радамесу под звуки гимна вручают знамя. Но все-таки измена Радамеса из-за любви к Аиде мне кажется невероятной. Трудно поверить, чтобы полководец, прославленный в своем народе, так много отдавший ему, мог предать интересы отчизны.

— Искусство не точная наука, допускает и отклонения.

— С этим, пожалуй, можно согласиться.

В эти годы Черняховский много читал классиков, произведения лучших современных советских и иностранных писателей. Однако больше всего его увлекали книги о жизни полководцев: Плутарха «Александр Великий» и «Юлий Цезарь». Книги о Суворове и Кутузове он не просто прочитывал, а прорабатывал и анализировал планы проведенных ими операций.

Иван Данилович продолжал уделять большое внимание спорту, отдавая предпочтение легкой атлетике, лыжам, тем видам, которые имели непосредственное отношение к военному делу. Важное значение придавал закаливанию организма. Он считал, что учиться и готовиться быть военачальником, не укрепляя постоянно здоровья, — все равно что бросать семена в непригодную для растения почву.

Однажды ему поручили подготовить команду лыжников к

соревнованиям по прыжкам с трамплина между военными академиями Москвы. Желающих было мало. Но Черняховский имел удивительный подход к людям, умел заражать и увлекать их собственной энергией. Собрал он команду из пятнадцати человек. Никто из них никогда и близко не подходил к трамплину. Начали с азов.

Первый прыжок. Захватив с собой лыжи, команда поднялась на самую вершину трамплина на Ленинских горах. Вот и стартовая площадка. Высота — дух захватывает! Даже страшновато стало… Кашуба начал уже раздумывать, стоит ли ему прыгать.

Иван Данилович пошутил:

— Попробуй-ка не прыгни! Всем расскажу, что ты испугался.

— Расскажешь или не расскажешь, Иван, а прыгай ты первый, я за тобой.

— Смотри, Володя…

Черняховский, набирая скорость, понесся по трамплину, оторвался от него и, рассекая воздух, полетел вниз. Лыжи стали как бы его крыльями. Пролетев около двадцати метров, он удачно приземлился. Кашубе ничего не оставалось, как прыгать вслед за ним.

От академии в соревнованиях должны были участвовать только двое. После зачетных проверок выяснилось, что прыгать придется Черняховскому и Кашубе. На соревнованиях друзья заняли призовые места. Летом Иван Данилович любил играть в футбол, заинтересовался и прыжками с парашютом. Этот вид спорта в те годы только начинал развиваться, нередки были несчастные случаи. Командование академии запретило слушателям заниматься парашютным спортом. Но Иван Данилович обратился с просьбой к начальнику академии и получил разрешение.

Из слушателей академии была создана группа парашютистов. Начались регулярные занятия. С нетерпением готовились к первым прыжкам. Когда самолет поднял новичков в воздух, все особенно остро почувствовали разницу между тем, что предстояло им сделать, и прыжком с вышки. Инструктор спросил:

— Кто будет прыгать первым?

Произошла заминка. Тогда вызвался Иван Данилович. Прозвучала команда, и он ринулся в воздушную бездну. Упражнение выполнил на «отлично».

В академии Черняховского знали как чемпиона по бегу и по стрелковому спорту. Многочисленные награды, среди которых именные часы, велосипед, охотничье ружье, свидетельствовали о частых его успехах в соревнованиях. Подарками он очень

дорожил — ведь каждый из них был завоеван в упорной борьбе.

В приказе о переводе на последний курс академии было отмечено, что слушатель Черняховский переводится с оценкой «отлично».

Успехи не вскружили голову Черняховскому. Держался он скромно и пользовался всеобщим уважением. Коммунисты избрали его членом бюро партийной организации курса.

Для Черняховского и его однокурсников наступил важный этап в учебе — написание дипломной работы, которая позволяла проявить полную самостоятельность и раскрыть индивидуальные знания и способности. Несмотря на то, что учились они на командно-инженерном факультете, темы дипломных работ им рекомендовались чисто технического порядка.

Черняховский выбрал тему «Карбюрация мотора танка» и занялся подбором материала. Он посещал научно-исследовательские институты, бывал на заводах. Работа над узкоспециальной темой обязывала его поддерживать связь со смежными институтами. Когда слушатели узнали, что диплом Черняховского выносится на защиту как работа особой важности, послушать пришли и с других курсов. Многим не верилось, что по такому общеизвестному вопросу можно сказать что-то новое. Но уже через несколько минут Черняховский на конкретных примерах показал, какую огромную экономию горючего дают предложенные им усовершенствования. Защита прошла блестяще. Друзья и товарищи Черняховского и раньше ценили незаурядные способности его, но только во время защиты по-настоящему поняли, насколько всесторонне и глубоко он умеет исследовать предмет, делать широкие обобщения и ценные выводы.

Учеба в академии подходила к концу. Черняховскому открывалась замечательная перспектива службы в танковых войсках на высоких командно-штабных должностях. Но случилось непредвиденное.

Начальник академии получил письмо от работника Томашпольского районного комитета партии Пескуда: «Слушатель академии Черняховский скрыл свое социальное происхождение». И далее Пескуд писал, что Черняховский не только недостоин учиться в военной академии, но и вообще служить в Красной Армии.

Комиссар командного факультета академии Давидовский, получив «сигнал» о слушателе Черняховском, принял сообщение за истину.

Состоялось партийное собрание курса. Первым выступил Давидовский:

— Мне теперь понятно, почему Черняховский всюду

стремился выделиться. Он из кожи лез вон, чтобы учиться на «отлично». Видимо, уж очень ему хотелось удержаться в академии. Знаем мы таких помещичьих сынков еще с гражданской войны…

Черняховский слушал, склонив голову, и, казалось, ничего не видел. Голос Давидовского, словно молот, стучал в висках. Лицо Ивана Даниловича то бледнело, то вспыхивало от прилива крови. Он понимал, что все это ужасное недоразумение, которое рано или поздно должно выясниться. Но если выяснится поздно? «Неужели так просто, без доказательств меня лишат всего, к чему стремился и чего уже достиг?»

— Товарищ Черняховский, признаете ли вы достоверность фактов, изложенных в письме работника райкома партии? — спросил председательствующий.

Черняховский предельно кратко попытался объяснить суть дела, но от волнения и обиды спешил, выступление в его же собственных глазах выглядело неубедительным. Затем выступил Кашуба. Он говорил, что все это недоразумение, Черняховский предан Советской власти, и слушатели, хорошо знавшие его, готовы поручиться за своего товарища. Давидовский прервал Кашубу, заявив, что они перестали отличать врагов от подлинных друзей, поддаются личным впечатлениям, и предложил исключить Черняховского из партии. На лбу Ивана Даниловича выступил холодный пот. Последние слова Давидовского подкосили его.

— Товарищи коммунисты, есть ли у кого другие предложения?

— Есть, — поднялся со своего места начальник курса Петр Васильевич Котов. — Я предлагаю направить на родину Черняховского представителя академии и только после выяснения факта на месте решать судьбу коммуниста!

Выступление Котова было для Давидовского неожиданным.

— Товарищ Котов, вы не верите нашим партийным органам?

— Я лично доверяю товарищу Черняховскому, — продолжал Котов в напряженной тишине. — Потому что он предан нашему делу как настоящий коммунист. И живет идеями социализма. Без этих идей у него не было бы таких успехов и такого упорства.

Выступление начальника курса многих заставило задуматься.

— Какие будут еще предложения? — спросил председательствующий.

Ответом была тишина.

— Если нет других предложений, переходим к голосованию.

Черняховский не представлял своей жизни вне партии. Потянулись томительные минуты подсчета голосов. Председатель

подвел итог:

— Большинством принимается предложение коммуниста Котова.

После собрания Петр Васильевич вызвал к себе Черняховского:

— Мы не знаем, какое направление дадут делу на месте. Нам нужно все обстоятельно обдумать и принять меры. Расскажите о себе подробнее.

Около двух часов Черняховский рассказывал начальнику курса о себе, о своей семье, о горьком детстве.

Выслушав его, Котов спросил:

— Нет ли здесь, в Москве, какого-нибудь авторитетного земляка, который все это подтвердит?

— Есть у меня близкий человек, коммунист, учится в сельскохозяйственной академии, односельчанин Евсей Пономарчук.

— Вот и отлично! Послушайте, а не сходить ли вам пока на прием в Бюро жалоб к Марии Ильиничне Ульяновой?

— Что вы! Как-то неудобно идти по личным вопросам.

— Сохранить достойного командира для Красной Армии — с каких это пор стало личным делом? Впрочем, на Давидовского не обижайтесь. Процессы над троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами и классовая борьба оставили след в каждом из нас. Подозрительность в нем взяла верх над бдительностью. Мария Ильинична — человек другого склада, можете не сомневаться, она безошибочно разберется в вашей судьбе.

На следующий день утром Иван Данилович отправился к Пономарчуку и рассказал о письме из Томашполя.

— Это же поклеп! — возмутился Пономарчук.

— Но, как ни странно, Пескуд написал пером, и, выходит, это не вырубишь топором.

— Ничего, вырубим!

В тот же день земляки пошли на прием к Марии Ильиничне Ульяновой — она была заведующей Объединенным Бюро жалоб Наркомата РКИ СССР и Наркомата РКИ РСФСР. Сколько было волнений, пока шли на Ильинку, 21, в комнату двести двенадцать… В приемной их встретил невысокий плечистый молодой человек — референт Марии Ильиничны. Спросил, по какому вопросу они пришли.

Мучительно было ожидание, Черняховский волновался: времени оставалось мало, ведь он отпросился с лекции. И если вовремя не вернется, ему и это припомнят. Все громче тикали часы в приемной. Прошло полчаса, прозвучал звонок, и референт пригласил:

— Проходите, товарищи командиры.

В просторном кабинете, в дальнем левом углу, за столом сидела седая, скромно одетая женщина и что-то писала. Подняв голову, с еле заметной улыбкой, легко встала, поздоровалась с пришедшими и, указав на кресла, пригласила их сесть. Держалась Мария Ильинична удивительно просто и этим располагала к откровенности. Выслушав взволнованный рассказ Черняховского о его жизни, она и сама разволновалась, вспомнила о том, как вместе с сестрой Анной они взяли опеку над двумя оставшимися без матери мальчиками, сыновьями венгерского рабочего-коммуниста Юстуса.

— Со старшим из них вы уже познакомились, — сказала она и нажала кнопку. Вошел тот молодой человек, который встретил их в приемной.

— Лео Владимирович, — обратилась к нему Мария Ильинична, — за четыре дня организуйте проверку по этому делу. Мне представляется, здесь налицо явно выраженное беззаконие. Попросите начальника академии направить своего представителя в Вербово и Томашполь, чтобы разобраться на месте.

— Хорошо, — ответил референт.

— По ходу дела буду вас информировать, — пообещала Мария Ильинична Черняховскому и Пономарчуку.

Прощаясь, она поднялась из-за письменного стола, пожала руки обоим, еще раз пообещала все проверить и помочь.

Командование академии вместе со своим представителем направило в Вербово и Черняховского. Поезд, на котором они уезжали, уходил в Вапнярку в полночь. Иван Данилович, оформив проездной билет, забежал домой. Нилочка уже спала. На смуглом лице девочки выделялись черные длинные ресницы. Иван Данилович поцеловал дочь, погладил ее разметавшиеся волосы. Услышав шаги жены, быстро обернулся. Она с тревогой и болью смотрела на него. Иван Данилович ласково обнял ее.

— Не волнуйся, Асенька. Правда восторжествует! Только не провожай меня со слезами.

— Согласна, если ты пообещаешь иметь выдержку.

— Все написано правильно, — заявил секретарь сельсовета. Он оказался родственником прежнего секретаря, который в свое время пытался помешать Черняховскому поступить в военную школу. — А как же иначе, если ваш отец был доверенным лицом помещика? Кто возьмет на себя смелость брать под сомнение документ, подписанный работником райкома?

— А вы уверены, что написана правда? — спросил его

представитель академии.

— Подробности можно уточнить только в Оксанине. Черняховские оттуда к нам приехали. Только что еще выяснять? Разве мало того, что отец Черняховского был доверенным человеком помещика?

— Что значит — мало или много? — вскипел представитель академии. — Если все так, как вы говорите, почему же петлюровцы пытались расстрелять родителей Черняховского?

— Я тогда был мал, подробности мне неизвестны. Председатель в отъезде, никаких официальных документов подписывать без него я неправомочен.

Утром отправились в Томашполь, к секретарю райкома Пескуду, но их записали только на следующий день. Пескуд принял их сухо и неприязненно.

— Этим вопросом занимались соответствующие органы. Ничем не могу вам помочь.

— Вы помогите нам разобраться, для этого мы и приехали. Должны же быть доказательства — какие-то документы, свидетели…

Пескуд стоял на своем. Продолжать разговор было бесполезно.

Когда они вышли, Черняховский почувствовал, как резко изменилось настроение у представителя академии: он стал интересоваться расписанием поездов на Москву. Очевидно, дальнейшее пребывание в Томашполе он считал бессмысленным.

Друзья в Москве волновались за Черняховского. Пономарчук все намеревался пойти еще раз к Марии Ильиничне, но не решался. Помогла случайность: на площади Революции он встретил Юстуса.

— Я вас узнал, — первым остановил его Юстус. — Товарищ Пономарчук?

— Здравствуйте, Лео Владимирович, — обрадовался тот. — А я ведь к вам собирался. Что-то от наших нет никаких известий.

— Еще рано. Дня через два сообщат.

— А у вас есть какие-нибудь сведения?

— Пока нет, но я думаю, что все будет в порядке. Мария Ильинична не ограничилась просьбой начальника академии послать своего представителя. Одновременно она распорядилась перепроверить дело через местных работников Комиссии Советского Контроля.

В Томашполе Черняховский после нескольких впустую проведенных дней и бессонных ночей предложил представителю

академии, которого он все же уговорил не уезжать, пойти к одному из ответственных работников Советского Контроля. Но когда они пришли в райком и о них доложили Пескуду, тот против ожидания был куда приветливее, чем в первый раз. С наигранной вежливостью он пригласил их к себе в кабинет:

— А мы вас разыскиваем!

— Что же нас разыскивать? Мы ждем ответа.

— А ответ ждет вас! Опровержение уже подписано, получите документ на руки.

— Скажите, на Александра Даниловича Черняховского вы написали то же самое?

— Нет, на него не запрашивали соцдемографические данные.

Этот вопрос представитель академии задал потому, что еще в пути Иван Данилович рассказал ему о своем младшем брате, который тоже окончил военное училище и служил командиром танкового взвода.

Черняховский вернулся в Москву с легким сердцем и принялся за учебу. Углубленно изучал он труды советских военных теоретиков. Михаила Васильевича Фрунзе Черняховский считал крупным организатором, талантливым полководцем и ученым. Он не переставал удивляться тому, как мог Фрунзе, не получив специального военного образования, за короткое время не только овладеть военным искусством, но и стать одним из творцов советской военной науки. Все размышления неизменно приводили Черняховского к одному: это стало возможным не только благодаря богатейшему опыту военачальника в годы гражданской войны, но и потому, что Фрунзе прекрасно владел марксистско-ленинской теорией о войне и армии.

Особенно запомнились Черняховскому мысли Фрунзе о будущей войне, высказанные им в 1925 году в докладе на январском Пленуме ЦК РКП (б) об итогах военной реформы:

«…Война, которая будет в дальнейшем, будет непохожа на гражданскую войну… Мы будем иметь дело с великолепной армией, вооруженной всеми новейшими техническими усовершенствованиями, и если мы в нашей армии не будем иметь этих усовершенствований, то перспективы могут оказаться для нас весьма и весьма неблагоприятными».

Черняховский, изучая историю первой мировой войны, пытался раскрыть тенденции развития тактики и оперативного искусства, научно обосновать наиболее эффективные способы применения новых родов войск. Особо интересовался танковыми войсками, которые в то время во всех армиях только создавались.

Единый и четкий взгляд на возможные способы их использования в бою еще не был выработан. Приходилось обобщать имеющийся опыт. Академия заложила и сформировала в нем те качества военачальника, которые в последующем развернулись в Великой Отечественной войне во всем блеске.

В октябре 1936 года Черняховскому вручили диплом, на котором сверху красными буквами было написано: «С отличием».

Прежде всего он позвонил Марии Ильиничне. Она поздравила и пригласила зайти к ней в Дом Совета Народных Комиссаров.

Вскоре Черняховский побывал в Кремле на встрече выпускников академии с руководителями партии и правительства. Взволновала молодого командира сердечная беседа с Михаилом Ивановичем Калининым.

Возвратился он домой поздно, немного уставший, но счастливый.

Он поцеловал дочку и положил возле ее подушки два апельсина.

4

Всякий раз, вспоминая годы учебы в академии, Черняховский испытывал смешанное чувство светлой грусти и волнения и жалел, что это замечательное время, полное забот и радости, уже не вернется никогда, как не возвращается молодость.

Еще стоял перед глазами прощальный вечер, проведенный с друзьями. Свежи были в памяти горячие споры и мечты о будущем, и продолжала звучать песня, которую они вдохновенно пели тогда:

Дай приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону…
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Когда Черняховский впоследствии слышал где-либо эту песню, он сразу вспоминал друзей по академии.

Николай Зиновьев остался в академии преподавателем. Владимир Кашуба получил назначение на должность заместителя командира бригады.

Черняховский вместе с друзьями прощался с Москвой. Они пришли тогда на Красную площадь в Мавзолей, к Ленину. Выйдя из Мавзолея, молчаливые от переполнивших их чувств, долго всматривались в его гранитную гладь, в башни Кремля и думали: сколько еще к этим стенам придет выпускников военных академий, будущих командиров, полководцев! Сколько еще верных сынов Страны Советов, молча дав здесь клятву Родине, отправятся на ратные дела и вернутся сюда с победой! Совсем недавно столица провожала своих сыновей в республиканскую Испанию. Но не все, кто ушел отсюда, вернулись к древним кремлевским стенам.

Черняховского назначили в Киев начальником штаба 2-го танкового батальона 8-й механизированной бригады. Временно исполнял обязанности начальника штаба командир артиллерийской батареи, однокурсник по артиллерийской школе Александр Будко. Вот уж никак не ожидал такой встречи Иван Данилович!

Рада была назначению мужа в Киев и Анастасия Григорьевна.

На новом месте у Черняховского не все поначалу

складывалось гладко. Отчасти это объяснялось порывистостью характера его самого, но больше всего тем, что старшие командиры приглядывались к «академикам» и предъявляли к ним повышенные требования.

Анастасия Григорьевна заметила, что муж нередко возвращается домой сумрачным. Однажды она спросила его:

— Что же не расскажешь, как тебе служится?

— Военная тайна, — улыбнулся Черняховский.

— Меня твое военные секреты не интересуют. Скажи, с людьми-то ладишь?

Как это часто бывало и раньше, она и на этот раз попала в точку.

— Взаимоотношения у меня со всеми нормальные. Только командира батальона понять не могу.

— Мне кажется, ты сумеешь найти и с ним общий язык, не торопи время.

Действительно, время помогло, «академик» постепенно входил в новый коллектив командного состава батальона.

Черняховского видели всюду: на занятиях, на стрельбах, на танкодроме. Командиры подразделений уважали его за помощь в организации боевой подготовки, в овладении новыми методами обучения, в частности стрельбе из танка с ходу. По тем временам это была одна из труднейших задач, особенно при движении танка по пересеченной местности. Новый начальник штаба впервые в батальоне устроил качающуюся установку, которая имитировала движение танка. Эта установка без затраты горючего и моточасов позволяла учиться стрелять из танка на ходу.

Черняховский взял за правило перед боевыми стрельбами проводить методические инструктажи и тренировки и самому проверять, все ли готовы к выполнению упражнений. Успехи Черняховского не могли остаться незамеченными. Командование высоко оценило старания нового начальника штаба. За короткое время он завоевал авторитет у своих сослуживцев. Коммунисты избрали его членом партийного бюро бригады.

В конце 1936 года ему присвоили звание капитана, а затем назначили командиром батальона. Произошло все это по инициативе комбрига С.М. Кривошеина. Он первым разглядел в Черняховском перспективного командира.

Приняв командование батальоном, Иван Данилович свою работу начал с подбора способных командных кадров. На должность начальника штаба к нему назначили опытного штабиста, окончившего танковую школу и курсы усовершенствования командного состава. Заместитель по

строевой части при новом комбате не остался, попросился на хозяйственную работу. На его место Иван Данилович выдвинул молодого командира роты, хотя понимал, что тот пока не полностью соответствует должности. Но Черняховский предвидел возможности энергичного командира. И тот оправдал его надежды: за короткое время стал хорошим заместителем комбата.

«Наш командир батальона варягов со стороны не приглашает. Ну и мы его не подведем», — говорили командиры.

Однако некоторые все-таки подводили. Третья рота, которой командовал старший лейтенант И.А. Рязанов, как и прежде, отставала.

Однажды комбат вызвал к себе Рязанова.

— Товарищ старший лейтенант, вы, видимо, догадываетесь, зачем я вас вызвал?

— Догадаться нетрудно. Дело-то у меня идет плохо, — напрямик ответил Рязанов. — Товарищ капитан, кому прикажете сдать роту?

— Нет уж, коль застряли на последнем месте в батальоне, потрудитесь сами выкарабкаться.

— Вряд ли что из этого выйдет! — с горечью признался Рязанов. — От подъема до отбоя присутствую в роте, а дела идут плохо.

— Вот именно присутствуете.

— Товарищ капитан, как же иначе? Дел всяких в роте у меня полно.

— Кроме вас, там три командира взвода, старшина, девять командиров экипажей. Глядя на вас, они, видимо, тоже присутствуют?

— Так точно! — не понял Рязанов иронии Черняховского.

— В подразделении нельзя быть только присутствующим. Если уж там находиться, то надо делать что-то конкретное: проводить занятия, контролировать работу подчиненных. А от того, что вы только пребываете в роте, пользы никакой. Лишь напрасно теряете время и мешаете подчиненным. У вас не остается времени для работы над повышением своего теоретического уровня. Занятия вы организуете неважно, значит, готовитесь к ним плохо. Советую поменьше находиться в роте в роли наблюдателя. Повторяю, в подразделении не должно быть присутствующих. Там должны быть инициативно действующие командиры. И вы в этом прежде всего должны показать пример.

Черняховский стал часто бывать в роте Рязанова на занятиях, при подъеме, заглядывал и в столовую. Однажды он увидел, что бойцы шли в столовую без строя и, рассаживаясь за столы, создали толкучку. Черняховский приказал старшине вывести всех

и построить роту. Затем скомандовал:

— Рота, справа по одному — шагом марш!

Когда все встали за своими столами, приказал:

— Садись!

Черняховский поинтересовался, чем кормят бойцов.

Повар принес Ивану Даниловичу обед из общего котла.

Когда бойцы заняли свои места в строю, Черняховский тихо сказал стоявшему рядом с ним старшине роты:

— Порядок — это ведь немудреное дело. А у вас рота не укладывается в отведенное для обеда время и срывает расписание занятий. Понятно, товарищ старшина? Впредь так держать порядок!

— Есть так держать!

Главным для Черняховского была боевая выучка. Он сам проводил с командирами рот показные тактические занятия, учения танкового взвода с боевой стрельбой. Он был очень чуток ко всему новому, боевую подготовку танкистов строил так, чтобы они в первую очередь учились тому, что важнее всего на войне. Черняховский постоянно изучал опыт войсковых учений. Продуманная, четкая система боевой подготовки в батальоне, как и следовало ожидать, давала хорошие результаты.

В мае 1937 года Черняховского вызвали в особый отдел. Молодой человек в гимнастерке из серого коверкота, с браунингом на поясе, холодно взглянув на комбата, сказал:

— По материалам, имеющимся у нас, заместитель командира бригады — враг народа!

— Но у меня нет никаких компрометирующих его данных, — твердо произнес Черняховский.

Какое-то время следователь молча смотрел на Ивана Даниловича. Потом спросил:

— Так говорите, что подозрений нет?

— Нет.

Уже рассвело, когда он вернулся домой. Чувствовал себя разбитым. Но, когда утром пришел на службу, никто не заметил, что комбату не по себе.

…Следователь особого отдела не забыл о Черняховском и через полгода снова вызвал его:

— Скажите, почему вы скрыли свое социальное происхождение?

— Мне нечего скрывать, — спокойно ответил Черняховский. — К тому же моим происхождением уже занимались.

— Кто?

— Мария Ильинична Ульянова.

Услышав это, следователь предложил сесть, сказал уже мягче:

— Все же напишите свою автобиографию.

На этом все и кончилось…

Тем временем боевая и политическая подготовка в бригаде шла своим чередом.

Батальон Черняховского на инспекторской проверке в 1938 году получил хорошие и отличные оценки. Многих командиров и красноармейцев наградили, Ивану Даниловичу присвоили звание майора.

Однажды он получил письмо от своего земляка Пономарчука, которое пролило свет на то, что произошло с ним перед окончанием академии.

«Дорогой Ваня, — писал Пономарчук, — бывшего работника Томашпольского райкома партии Пескуда окончательно разоблачили. Как тебе известно, в свое время он по рекомендации Марии Ильиничны Ульяновой был освобожден от должности в райкоме партии и назначен директором местного госбанка». Далее в письме говорилось, что в Харькове в это время работал другой Пескуд, который случайно в газете прочитал статью за подписью однофамильца. Он знал, что его брат, командуя красноармейским отрядом, погиб в боях с петлюровцами под Тульчином. Но все-таки обратился в справочное бюро. У однофамильца оказались имя и отчество брата.

Тогда Пескуд-младший поехал в Томашполь. Он все еще не верил, что брат жив, и чувство настороженности не покидало его. Явился к томашпольскому Пескуду прямо на службу, в госбанк.

Органы НКВД установили, что называвший себя Пескудом директор банка — вражеский провокатор. В гражданскую войну, убив командира отряда, настоящего Пескуда, он воспользовался его документами.

Дочитав письмо, Черняховский задумался: «Да, а сколько из-за таких провокаторов пострадало людей!»

Он пошел с письмом к командиру бригады и обстоятельно рассказал ему обо всем.

— Товарищ майор, нам все известно, — ответил, выслушав его, Кривошеий. — Но пришли вы очень кстати. Получен приказ командующего. Поздравляю вас с повышением. Вы назначены на должность командира 9-го отдельного легкого танкового полка.

Посоветовавшись с женой, Иван Данилович решил, что на новое место, в Гомель, пока поедет без семьи.

Итак, в тридцать один год Черняховский стал командиром полка. Он энергично взялся за дело. Приходилось заниматься вопросами обновления материально-технической базы обучения, хозяйственные заботы также требовали постоянного внимания.

Много времени Черняховский уделял полевой выучке и тренировкам командного состава полка в сложной тактической обстановке. Он знал, что только тактически грамотный командир может подготовить хорошее боевое подразделение, способное добиться победы с наименьшими потерями. Черняховский настойчиво обучал командиров рот и батальонов организации разведки и боя, взаимодействию танков с пехотой, артиллерией и авиацией.

Венцом боевой подготовки за учебный год явились тактические учения. Здесь, в полевых условиях, приближенных к боевой обстановке, проверялись знания бойцов и командиров, вырабатывалась их выносливость, осваивалась боевая техника. Инспекторская проверка 1939 года, как и обычно, должна была закончиться традиционными тактическими учениями.

Танковый полк, которым командовал Черняховский, был поднят по боевой тревоге и в исходном районе получил задачу: «Совершив 40-километровый марш, во взаимодействии с кавалерийской дивизией окружить стрелковую дивизию обороняющейся стороны в районе Борисова».

Маршу сопутствовали ливневые дожди, дороги развезло. Казачьи кони кавалерийской дивизии еле преодолевали распутицу. Местами застревали танки. «Противник», надеясь, что наступающая сторона в такую погоду не будет активна, ослабил бдительность. Этим воспользовался Черняховский. Он бросил танки в обход и стремительным ударом на рассвете, захватив мост на реке Березине в районе Борисова, отрезал пути отступления «противнику».

В тот же день начальник управления кадров округа полковник Н.И. Алексеев поздравил майора Черняховского с успехом на учениях.

— Как вы смотрите на то, если мы будем рекомендовать вас на выдвижение? — спросил полковник.

— Но я всего лишь год командую полком!..

— Год — это тоже немало.

Черняховский, прощаясь с Алексеевым, подумал, что, возможно, опять придется переезжать на новое место службы.

Учения со всеми трудностями и тревогами подошли к концу. Командиры батальонов доложили Черняховскому, что их подразделения готовы к маршу в свое расположение. Иван Данилович, распрощавшись с комбатами, сел в «эмку», и шофер повез его домой. После полевых учений потянуло к семье, захотелось взять на руки сына — двухлетнего Олега. Черняховский загрустил: ведь жена с детьми еще не приехала из Киева и его никто не ждет.

Первое, что он увидел, войдя в квартиру, — празднично накрытый стол. Не успел открыть дверь второй комнаты, как попал в объятия спрятавшихся там жены и дочери. Не было только маленького Олега — его оставили в Киеве у бабушки.

Танковый полк Черняховского на инспекторской проверке занял первое место в округе. Ивану Даниловичу досрочно присвоили воинское звание подполковника.

Зимой сорокового года мысли Черняховского были прикованы к военным действиям, развернувшимся на границе с Финляндией.

Он подал рапорт по команде народному комиссару обороны с просьбой направить его в действующую армию, чтобы как можно скорее попасть на фронт и на поле боя оправдать высокое звание коммуниста, в боевой обстановке изучить особенности применения танков зимой.

Черняховский получил письмо с фронта от своего друга по академии Владимира Кашубы. Тот сообщал о боевых успехах однокурсников и коротко о своем тяжелом ранении — ему ампутировали ногу, — в конце письма Кашуба вскользь упомянул, что стал Героем Советского Союза и генерал-майором.

Командование Красной Армии получало тогда тысячи рапортов с просьбой направить на фронт. Ответа Черняховский дождался уже после того, как Красная Армия заставила белофиннов заключить мирный договор.

В августе 1940 года Ивана Даниловича назначили на должность заместителя командира 2-й танковой дивизии, которой тогда командовал бывший командир 8-й механизированной бригады, сослуживец и старший товарищ Черняховского генерал-майор Кривошеий.

Чем выше поднимался Черняховский по ступеням служебной лестницы, тем требовательнее относился к себе. Стремился совершенствовать свои знания, чтобы они соответствовали его новому положению.

Командование округа считало подполковника Черняховского специалистом и умелым организатором боевой подготовки в танковых войсках.

В марте 1941 года подполковника Черняховского назначили командиром новой, еще не сформированной 28-й танковой дивизии Прибалтийского Особого военного округа. На этот раз поезд увез его в Ригу. Приехав к месту назначения, он незамедлительно приступил к формированию дивизии. Лично знакомился с каждым командиром и политработником. Без

знания сильных и слабых сторон командного состава он не мыслил успешного руководства частями дивизии.

По настоянию Черняховского штаб дивизии возглавил подполковник П.И. Маркелов, окончивший Военную академию имени М.В. Фрунзе и Академию Генерального штаба. На должность начальника оперативного отделения Черняховский добился назначения капитана А.Н. Пашкова, окончившего Военную академию имени М.В. Фрунзе. Теперь предстояло подобрать адъютанта, на которого возлагалось выполнение особо важных поручений; он должен быть смелым и знающим военное дело командиром, образцом честного и добросовестного отношения к службе.

Как-то, проверяя ход боевой подготовки на курсах командного состава запаса, Черняховский присмотрелся к энергичному и волевому младшему лейтенанту, заместителю начальника курсов по строевой части Комарову. Скромный, всегда уравновешенный и собранный, младший лейтенант производил хорошее впечатление.

— Товарищ младший лейтенант, хочу предложить вам должность адъютанта командира дивизии. Как на это смотрите?

— Я не знаю этой службы… Разрешите остаться на прежней должности.

— Ничего, научитесь, — заверил комдив. — Адъютант — должность хоть и трудная, но почетная. Все знают таких адъютантов, как Денисов, Алферов…

Комаров согласился…

Пожар второй мировой войны продолжал распространяться. Газеты все чаще сообщали тревожные вести: немецкие войска введены в Болгарию, вторглись в Югославию, напали на Грецию. Количество государств, вовлеченных в орбиту фашистского блока, значительно увеличилось.

Черняховский поражался тому, как сбывались предсказания вождя Октябрьской революции В.И. Ленина: «Мирные союзы подготовляют войны и в свою очередь вырастают из войн, обусловливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы *из одной и той же* почвы империалистических связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики».[2]

Молодой комдив являлся очевидцем, как в этих условиях Коммунистическая партия ускоренными темпами проводила социалистические преобразования, развивала экономику страны, всемерно повышала духовный уровень советских людей и делала

все, чтобы укрепить обороноспособность страны и боеготовность Советских Вооруженных Сил. Партия нацеливала оборонную промышленность на то, чтобы выиграть время и опередить вероятных противников в создании новых видов оружия: более мощной и качественной артиллерии, танков и самолетов, и придерживалась одного из важнейших положений, высказанных В.И. Лениным: «…выиграть время — значит выиграть все».[3]

В предвоенные годы Красная Армия постоянно совершенствовалась. Ее бронетанковые войска постепенно становились главной ударной силой.

28-я танковая дивизия, командование которой принял подполковник Черняховский, насчитывала более двухсот танков и сто бронемашин, около десяти тысяч бойцов и командиров. Командовать таким соединением было нелегко, но Черняховский работал с увлечением. Он находил время, чтобы побывать в ротах, батальонах, побеседовать с красноармейцами. Как и прежде, Черняховский во всем подавал личный пример: метко стрелял из пулемета и танковой пушки, отлично водил боевые машины. У командиров он старался развить самостоятельность, решительность и смелость. Особое внимание обращал на политическую подготовку бойцов и командиров, воспитание их сознательности, и в этом деле, как и во многих других, он опирался на партийные и комсомольские организации.

Командование округа дало высокую оценку деятельности Черняховского в должности командира танковой дивизии. В начале апреля Ивану Даниловичу во внеочередном порядке было присвоено воинское звание полковника.

В мае 1941 года состоялась первая партийная конференция дивизии. На ней было сказано о воспитании чувства постоянной готовности, об идейной закалке, о повышении боевого мастерства.

В конце мая командира и начальника штаба 28-й танковой дивизии вызвали на штабные учения.

…Автомобиль Черняховского остановился у подъезда большого красивого здания штаба округа в центре Риги, По мраморным ступеням широкой лестницы Черняховский и начальник штаба поднялись в конференц-зал, где уже собрались командиры соединений, участвующих в учениях.

Командующий Прибалтийским Особым военным округом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов сообщил собравшимся, что им предстоит выработать методы использования механизированных корпусов во взаимодействии с общевойсковыми армиями округа в современной операции. Обстановка реальная: 8-я армия под командованием генерал-майора П.П. Собенникова действует в

своей полосе от Мемеля (Клайпеды) до Юрбаркаса во взаимодействии с 12-м механизированным корпусом генерал-майора Н.М. Шестопалова; 11-я армия под командованием генерал-лейтенанта В.И. Морозова действует тоже в пределах своей полосы от Юрбаркаса до Вильнюса включительно во взаимодействии с 3-м механизированным корпусом генерал-майора А.В. Куркина; 27-я армия генерал-майора Н.Э. Берзарина — второй эшелон округа — находилась еще в стадии формирования, отрабатывала тему «Ввод в сражение второго эшелона фронта».

Генерал-полковник Ф.И. Кузнецов заслушал командармов и командиров корпусов, подготовивших свои предложения по проведению операции. Затем слово было предоставлено командиру 28-й танковой дивизии Черняховскому.

Он коротко и четко доложил о своем решении, Кузнецов остался доволен.

— Товарищ полковник, — обратился командующий к Черняховскому, — могли бы вы в роли командарма сообщить нам свои соображения об использовании механизированного корпуса во фронтовой наступательной операции?

— Могу, товарищ генерал.

— Докладывайте.

— Известно, — начал Иван Данилович, — что в Германии уже успешно применили нашу военную теорию, разработанную и проверенную на опытных маневрах и учениях. Эта теория предусматривает взаимодействие механизированных и танковых войск со стрелковыми соединениями, артиллерией и авиацией. При этом планируются высокие темпы наступления. Оперативный успех развивается в стратегический вводом в прорыв мощной танковой группы и высадкой в тылу врага воздушного десанта. Поэтому дробление механизированного корпуса и переподчинение танковых дивизий стрелковым корпусам, как предложили некоторые товарищи, на мой взгляд, представляются нецелесообразными.

Слушали Черняховского с напряженным вниманием. Он продолжал:

— На Западе германская армия в прошлом году летом практически осуществила наши военно-теоретические положения, бросив свои танковые группы на Седан и далее на Камбре, и достигла стратегического успеха, предварительно прорвав франко-бельгийскую оборонительную полосу. В этом сражении немцы столкнулись с танками англичан и французов. Те потерпели поражение из-за того, что не сумели массированно применить танки, имели слабое управление танковыми

соединениями и не обладали хорошим прикрытием их с воздуха.

Военно-теоретические положения, о которых говорил Черняховский, были разработаны и проверены в ходе войсковых учений и маневров»в 1935—1936 годах под руководством Маршалов Советского Союза М.Н. Тухачевского, А.И. Егорова, командарма первого ранга И.Э. Якира и других талантливых военачальников. Однако эти положения в Советском Союзе тогда не были в должной мере осуществлены на практике.

— Почему свою военную теорию, к тому же теперь проверенную на полях сражений на Западе, — продолжал Черняховский, — мы не можем использовать сами, разумеется, с критическим анализом? При этом следует обратить внимание на вопросы управления и на то, как обеспечить ввод в сражение механизированного корпуса…

Молодой комдив высказал ряд оригинальных мыслей не только об использовании механизированного корпуса в бою, но коснулся и других проблем. Подчеркнул, что недостатки в системе управления войсками могут иметь пагубные последствия. Главным злом он считал большое отдаление пунктов управления от войск и то, что дальность действий радиостанций механизированных частей и соединений была меньше радиуса действий самих этих частей и соединений. Остановился на трудностях ввода механизированного корпуса в сражении без достаточных зенитных и авиационных средств прикрытия. Иван Данилович выступил против недооценки сил вероятного противника, обосновал возможность захвата им временного господства в воздухе на определенных направлениях.

Командующий во многом поддержал Черняховского.

По окончании штабных учений командующий спросил Черняховского:

— А как вы оцениваете положение дел в своей дивизии?

— Товарищ генерал, боеготовность дивизии, учитывая, что сформирована она недавно, можно признать удовлетворительной. Однако у меня есть некоторые сомнения. Разрешите провести боевую тревогу. Тогда многое станет ясным.

— Ну что же, пожалуй, это нужно. Разрешаю, — сказал командующий.

Внезапная тревога, объявленная Черняховским в дивизии, прояснила многое. Оказалось, что списки оповещения командного состава управления дивизии устарели. Некоторые красноармейцы и младшие командиры, выделенные для оповещения командного состава, выбыли, а вместо них никто назначен не был. В

результате кое-кто из начальников дивизионных служб и командиров не был оповещен и по тревоге на свои места не явился.

В частях дело обстояло не лучше. Каждый полк пытался получить боеприпасы на дивизионных складах раньше других, а выезжать с территории складов можно было только через одни ворота. Создалась сутолока. Машины встали под погрузку боеприпасов, а заведующих складами не оказалось на месте. Полки не уложились в установленные сроки.

Из опыта учебной тревоги Иван Данилович своевременно сделал выводы. В частях и подразделениях детально отработали обязанности командиров и красноармейцев по боевой тревоге.

Затем Черняховский решил проверить другой важный элемент боеготовности дивизии — систему управления частями и подразделениями. Для этого были проведены радиоучения.

Штабы батальонов, полков и штаб дивизии были подняты ночью по тревоге. Прикрепленные к штабам посредники вывели их на разные направления, в обусловленные районы сосредоточения. Все штабы находились на расстоянии доступной радиосвязи с подразделениями, но ни в одном из штабов не знали, где находится подразделение, с которым надо поддерживать связь.

Радиоучения были неожиданностью для всех. До этого они проводились в штабных помещениях, на местах расквартирования частей. Если командиры не могли связаться с батальонами по радио, они связывались с ними по телефону. Но на этот раз радиостанции были расположены на большом удалении.

Черняховский, руководивший учениями, потребовал от командиров частей доложить о сложившейся обстановке. К этому времени командир 55-го танкового полка установил радиосвязь лишь с одним своим батальоном и обстановку за весь полк доложить не смог. Командир 28-го мотострелкового полка вообще не имел связи ни с одним батальоном. Радисты этого полка не были подготовлены к работе в ночных условиях, при большом рассредоточении части.

Радиоучения выявили многие недостатки в организации связи, и командир дивизии тотчас же принял меры к их устранению.

«Война неизбежна, — размышлял Черняховский. — Только бы успеть подготовить войска».

С первых дней июня командный состав усердно готовился к предстоящим командно-штабным учениям. Каждому хотелось как можно скорее исправить свои ошибки. Со дня на день ждали учебной тревоги, но ее все не было.

18 июня в тринадцать часов на основании директивы Военного совета Прибалтийского Особого военного округа командир 12-го механизированного корпуса генерал-майор Шестопалов отдал приказ: «…полковнику Черняховскому с получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять. Всю работу проводить быстро, но без шума, без паники и болтливости, иметь положенные нормы носимых и возимых запасов, необходимых для жизни и боя».

Приказ этот для Черняховского не был неожиданным, хотя в то время официальные источники не содержали каких-либо намеков на возможное обострение советско-германских отношений.

Иван Данилович знал о сосредоточении немецких войск на советско-германской границе и об участившихся случаях нарушения ее немецкими разведывательными самолетами. Он видел, что напряженность с каждым днем возрастает. Поэтому, получив приказ, немедленно отдал все необходимые распоряжения. В тот же день дивизия в полной боевой готовности двинулась в новый район сосредоточения, ближе к границе с Восточной Пруссией.

Стояла теплая погода. Ярко зеленели поля.

Колонны 28-й танковой дивизии завершили первый этап марша. Никто еще не думал, что уже через три дня судьба всех круто изменится. Однако Черняховский, подводя итог первого дня марша, со всей строгостью отметил в своем приказе от 19 июня 1941 года:

> «…В результате личной недисциплинированности отдельных командиров и начальников первый этап марша выявил ряд существенных недостатков, за которые в боевых условиях нам придется расплачиваться жизнью наших воинов.
>
> 1. Штаб дивизии подготовкой частей к маршу и в период марша не руководил, связи с ними не имел до десяти часов 19 июня. Части были предоставлены самим себе. На десять часов 19 июня в штабе дивизии не было никаких данных о боевом и численном составе подков.
>
> 2. Командир части капитан Кулешов проявил чрезвычайную недисциплинированность, допустил опоздание выхода вверенных ему подразделений на исходный пункт на 15 минут, в результате такой несерьезности часть опоздала к месту дневки на 2 часа.
>
> Приказываю:

1. За плохую организацию работы штаба дивизии начальника штаба подполковника Маркелова предупреждаю и категорически требую привести штаб в состояние боевой готовности и организованности.

Требую от всех работников штаба удесятерить энергию и работоспособность.

2. Капитану Кулешову за неточное выполнение приказа на первый раз объявляю выговор и напоминаю, что неточное выполнение приказа является тягчайшим преступлением, строго караемым нашими законами.

3. Оперсводки представлять ежедневно в штаб дивизии в 4.00 и 15.00. В оперсводке указывать, где находятся, когда и что делают подразделения, потери в личном составе и материальной части, место командного пункта».

В этом приказе сказался весь Черняховский: непреклонный, суровый и требовательный во имя интересов Родины.

12-й механизированный корпус в соответствии с решением Военного совета Прибалтийского Особого военного округа поступил в распоряжение командующего 8-й армией и, совершив два ночных перехода, к утру 20 июня сосредоточился: 28-я танковая дивизия полковника И.Д. Черняховского в лесах в двадцати километрах севернее Шяуляя (без 28-го мотострелкового полка, который был оставлен в распоряжении штаба округа в Риге); 23-я танковая дивизия полковника Т.С. Орленко — западнее Шяуляя; 202-я мотострелковая дивизия полковника В.К. Горбачева — восточнее Шяуляя.

Часть вторая
ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

1

Восходящее солнце озарило небо над обширным лесным массивом севернее города Шяуляя. Еще только первые лучи успели скользнуть по верхушкам деревьев, чуть дрожавшим от легкого ветерка, как вдруг в тишину леса ворвался тяжелый нарастающий рокот. Он слышался все отчетливее, и уже можно было понять: это гул моторов множества самолетов, летящих с запада. На командном пункте дивизии взвыла сирена — сигнал воздушной тревоги. Из штабных автобусов выбежали полковник Черняховский и подполковник Маркелов.

— Товарищ полковник, из штаба корпуса нет никаких указаний! — обратился Маркелов. — Возможно, очередное провокационное нарушение границы немецкой авиацией?

В это время вражеские бомбардировщики начали пикировать на лес поблизости.

Телефонная связь вышла из строя.

— Разрешите открыть огонь по воздушному противнику? — запрашивали по радио командиры полков.

— Ждите указаний! — повторял в ответ подполковник Маркелов.

Все еще не верилось, что это война. Где-то внутри продолжала теплиться слабая надежда: может быть, это провокация и конфликт вот-вот будет урегулирован…

Вражеские бомбардировщики поспешно сбрасывали свой смертоносный груз на ту часть леса, откуда накануне танки 55-го танкового полка и машины командного пункта дивизии перешли в запасный район.

Наконец гул моторов пикировщиков и гром бомбовых ударов стихли. Черняховский и адъютант Комаров поднялись из щели, еще с вечера отрытой около штабного автобуса комдива.

— Попросите к микрофону командира корпуса, — приказал Черняховский радисту.

— Товарищ полковник, корпус не отвечает.

— Вызывайте снова! Немедленно установите радиосвязь!

— Есть установить!..

Выполнить приказание было нелегко.

Радист хотя и был опытен, но впервые встретился с таким шумом в эфире. На всех радиоволнах работало, множество наших и немецких радиостанций, и около четырех часов не удавалось установить связь с вышестоящими штабами. Только к восьми часам утра была принята первая радиограмма из штаба корпуса: «Германия напала на Советский Союз, ее войска местами

вторглись на глубину более тридцати километров, приготовиться к контрудару».

К двенадцати часам дня офицер связи штаба корпуса доставил Черняховскому приказ, подтверждающий радиограмму.

Из приказа стало известно о переименовании Прибалтийского Особого военного округа в Северо-Западный фронт.

В семь часов пятнадцать минут в штабе только что созданного фронта из Москвы была получена первая после начала войны директива наркома обороны, предписывавшая войскам фронта всеми имеющимися силами и средствами отразить агрессию.

Немцы, сосредоточившие большое количество танков и авиации на участках прорыва, дезорганизовали управление нашими войсками в первые часы войны. Вражеские бомбардировщики и диверсанты разрушили телефонные узлы и коммуникации связи.

Бездействие наших войск в эти первые часы войны привело к быстрому захвату немцами стратегической инициативы. Тогда никто еще не знал, как много значила каждая минута в тот день, когда впервые в военной истории враг наносил упреждающий удар на заранее избранных направлениях такими концентрированными массами авиации и танков. К двенадцати часам дня немецкой авиации удалось вывести из строя значительную часть наших самолетов и танков на западной границе и захватить господство в воздухе и на земле.

Только к четырнадцати часам командующий 8-й армией, следуя указаниям командующего Северо-Западным фронтом, приказал 12-му механизированному корпусу, взаимодействуя с 3-м механизированным корпусом, уничтожить противника, наступающего на Шяуляйском направлении. В свою очередь, командир 12-го механизированного корпуса генерал Шестопалов приказал 23-й танковой дивизии во взаимодействии с 10-м стрелковым корпусом 8-й армии с рубежа севернее Шяуляя нанести удар в направлении Плунге; 28-й танковой дивизии и 202-й мотострелковой дивизии, взаимодействуя с 3-м механизированным корпусом, с рубежа Варняй — Ужвентис с утра 23 июня нанести удар по вклинившемуся противнику в направлении Таураге.

Главный удар из района Тильзита в направлении на Шяуляй по левому флангу 8-й армии наносила танковая группа под командованием генерал-полковника фон Гёпнера. В первом эшелоне этой группы были развернуты три танковые и две пехотные дивизии, во втором — три моторизованные. Прорвав

оборону наших передовых частей и взяв приграничный город Таураге, немецкие танки устремились вдоль шяуляйского шоссе в направлении на Скаудвиле — Расейняй — Калтиненай.

28-я танковая дивизия, совершив форсированный марш, вышла в исходный район для наступления на Варняй — Ужвентис утром 23 июня. Но из-за несвоевременной доставки горючего потеряла несколько важных часов и позже приступила к выполнению боевой задачи. Продолжая марш в ожидании встречного боя, дивизия продвигалась на Калтиненай.

Вражеская авиация обнаружила подход частей 28-й танковой дивизии и начала бомбить ее. Черняховский, не дожидаясь подхода частей 23-й дивизии, развернул к бою свой головной 55-й танковый полк, чтобы контратаковать гитлеровцев в районе Калтиненай с двух направлений: с фронта двадцатью тремя танками под командованием командира полка майора С.Ф. Онищука, с фланга семнадцатью танками во главе с заместителем командира полка майором Б.П. Поповым.

На лесной поляне выстроились экипажи семнадцати танков. Все танкисты в черных гофрированных шлемах и новеньких темно-синих комбинезонах, перехваченных блестящими портупеями. Впереди строя стоял майор Попов. В дивизии его все любили за открытый характер, за смелость и находчивость, за то, что он знает свое дело и умеет командовать. Он доложил командиру дивизии о готовности. Иван Данилович подошел к майору, обнял его и сказал тихо, но так, что слышали все в строю:

— Борис Петрович, поручаю тебе ответственную задачу. Уверен, что выполнишь ее с честью.

— Иван Данилович, оправдаем доверие, драться будем, презирая смерть!

Взревели моторы, лес наполнился гулом машин.

Танки, умело маневрируя между деревьями, вышли из укрывавшего их леса. Танкисты были полны отваги и мужества: начиналось их боевое крещение.

Танки майора Онищука уже успели атаковать противника с фронта и, с ходу ворвавшись в его расположение, рассеяли и частично уничтожили около роты мотопехоты. «Ахтунг, ахтунг! Руссише панцерн!» — завопили немецкие радиостанции.

До этого Черняховский представлял себе противника лишь теоретически. Теперь вражеские войска двигались навстречу частям его дивизии. Наступали немецкие танковые части, которые с боями прошли Польшу и Францию.

Наблюдая из командирского танка, Черняховский установил, что против дивизии действуют средние танки T-IV, с успехом примененные немцами во Франции. Комдив знал, что эти

машины превосходят его танки БТ-7 и Т-26 по толщине брони и дальнобойности пушек, что Т-IV вооружены 75-миллиметровыми орудиями, а наши легкие танки имеют лишь 45-миллиметровые пушки. Преимуществу врага в вооружении и технике необходимо было противопоставить умение маневрировать.

Иван Данилович с нетерпением ждал выхода танков Попова в тыл и во фланг противнику. Враг, еще не разгадавший замысла Черняховского, не обращал внимания на свои фланги. Он выдвинул на переднюю линию танки Т-IV и сжег два танка из группы Онищука.

Черняховский понимал, как важно хорошо начать бой, чтобы уверенно действовать дальше. Он любил пословицу: «Доброе начало — полдела откачало». Многие годы он готовился к тому, чтобы победить врага в первом же бою, с первых же минут действовать активно, навязать врагу свою волю, осуществить такой маневр, какого он не ждет. Сейчас от его решений и действий зависел исход боя, судьбы людей, выполняющих его волю, судьба боевой техники, вверенной ему. Ивана Даниловича охватило нетерпение. «В боевые порядки! Видеть все самому!» — решил комдив, и его танк помчался вперед.

Вражеские танки открыли по машине комдива беспорядочный, но частый огонь. Несколько снарядов разорвалось совсем близко. Машину спасло мастерство механика-водителя. Ловко используя складки местности и виртуозно маневрируя, он на большой скорости уводил машину из-под прицельного огня.

В перископ из башни танка Иван Данилович увидел, как немецкий Т-IV примерно с расстояния восьмисот метров подбил наш БТ-7, и тот вспыхнул словно факел. Развернув башню, Черняховский выстрелил, но снаряд отскочил от лобовой брони немецкого танка. Ивана Даниловича охватила ярость: «Что за черт! С такой дистанции наш снаряд не берет броню».

Комдив стремительно повел машину навстречу головному танку врага. По сигналу Черняховского за его машиной устремились вперед и танки майора Онищука. Комдива от вражеской машины отделяли какие-то четыреста-пятьсот метров.

Иван Данилович напряженно ловил в окуляр прицела танк противника.

— Огонь!

Снаряд, выпущенный комдивом, ударил о борт Т-IV. Бронированное чудовище, только что казавшееся неуязвимым, споткнулось.

— Горит! — в восторге крикнул механику-водителю Иван Данилович. — Горит фашист! Значит, надо бить немецкие танки с

более близких дистанций, чем предполагали.

— Вижу, товарищ полковник! — отозвался механик. — Смотрите левее того места, где горит Т-IV! Наша двадцать седьмая подбила еще одного.

— Онищук, Онищук, я — двадцать первый! — назвал Черняховский свой позывной. — Перед тобой немецкие Т-IV. Правильно используй местность, подпускай их на триста-четыреста метров и бей в борта! В борта!

— Вас понял, выполняю! — донеслось в ответ.

В наушниках послышался голос начальника оперативного отделения дивизии капитана Пашкова:

— Товарищ двадцать первый! Получена новая боевая задача, ждем вас.

Черняховскому пришлось возвращаться на командно-наблюдательный пункт.

— Докладывайте, какой приказ получили?

— Нового приказа пока нет, но вы слишком хорошо вошли в роль командира танка.

Черняховский сдержал раздражение. Пашков был прав. Но если бы он сам сейчас не побывал в бою, то, может быть, и не знал бы еще, как бить немецкие танки наверняка.

Бой разгорался все сильнее. Лязг гусениц, гул моторов, грохот пушек, частые разрывы снарядов — все смешалось. Черняховский вынужден был ввести в бой подоспевший резерв из нескольких танков. С волнением ждал он завершения задуманного маневра. Где же Попов? И вдруг в тылу врага лес вздрогнул от частых выстрелов. По тому, как, захлебываясь, зачастили немецкие пушки, как одна за другой они умолкали, Иван Данилович понял, что атакует Попов. Наконец и радиостанция комдива получила сообщение от Попова. Черняховский тут же приказал Онищуку усилить удар с фронта, а дивизионной артиллерии подавить батареи противника, которые вели огонь по танкам майора Попова. Несколько уцелевших орудий врага все еще продолжали вести сосредоточенный огонь по головному танку, в котором на месте командира танка находился Попов. Заметив замаскированные орудия, Попов приказал механику-водителю:

— Дави их!

А сам, стиснув зубы, взял на прицел одно из немецких орудий. Выстрел. В фонтане земли мелькнули колеса, какие-то обломки. На большой скорости танк Попова успел раздавить одно, затем, чуть развернувшись, подмять под гусеницы второе вражеское орудие. В прицеле, к которому припал Попов, уже третье орудие… Серые фигуры мечутся возле него. Выстрел!

Машина резко остановилась, словно наскочила на какое-то препятствие: немецкое орудие успело сделать последний выстрел в тот самый миг, когда Попов выстрелил по нему.

В ту же ночь Черняховский отправил по команде представление на присвоение звания Героя Советского Союза майору Попову посмертно. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 25 июля 1941 года это звание Борису Петровичу Попову было присвоено.

Части 28-й танковой дивизии в этом бою отбросили врага на пять километров и уничтожили четырнадцать танков, двадцать орудий и до батальона пехоты. Неоценимой была первая победа в первом бою. Бойцы своими глазами увидели, как гитлеровцы, легко завоевавшие всю Европу, отступают, когда получают должный отпор.

Однако не все наши соединения имели успех в первые дни войны. Контрудар 12-го и 3-го механизированных корпусов оказался запоздалым. Сказалось и то, что командование фронта перепоручило управление механизированными корпусами командующим 8-й и 11-й армиями. Генерал Собенников бросил 23-ю танковую дивизию не в том направлении, куда нацеливался контрудар, спланированный во фронтовом масштабе. А генерал Морозов 5-ю танковую дивизию оставил в своем резерве. Из четырех танковых дивизий в контрударе участвовали лишь две, да и они не были полностью обеспечены горючим.

И все же благодаря массовому героизму советских танкистов продвижение врага в направлении на Шяуляй было задержано.

С утра 24 июня с новой силой вспыхнули бои. Черняховский со своего командно-наблюдательного пункта внимательно следил за обстановкой. Но он не знал и не мог знать о том, что по ту сторону линии фронта командующий 16-й армией генерал-полковник фон Буш докладывал Гитлеру, что вверенными ему войсками разгромлена 28-я танковая дивизия русских. Гитлер поздравил его с победой и награждением орденом Железного креста, а также потребовал ликвидировать отставание на одни сутки.

Ни Гитлер, ни фон Буш еще не придавали большого значения отставаниям на сутки. Но с этих первых суток и часов, на которые советским войскам и частям дивизии Черняховского удалось задержать наступление врага, начинал рушиться план молниеносной войны фашистской Германии.

Но пока противник имел успех и его авиация господствовала в воздухе. Вскоре вражеские бомбардировщики обнаружили части 28-й танковой дивизии и начали их бомбить.

— Онищук, немедленно рассредоточивайтесь, маневрируйте,

используйте закрытую местность! — приказал по радио Черняховский.

— Выполняем! — тотчас же ответил Онищук. — Где же прикрытие с воздуха?

— Держитесь, сейчас будет наша авиация.

Два наших истребителя И-16 зашли в хвост вражеским бомбардировщикам, и те скрылись. Вдруг откуда-то сверху из-за облаков вынырнул «мессершмитт» и атаковал один из наших истребителей. На глазах у танкистов огненная черта пересекла самолет, и он, окутавшись дымом, стал падать. От упавшего самолета загорелось поле пшеницы. Черняховский с болью в сердце смотрел, как второй наш истребитель, уступающий противнику в скорости, тоже был подожжен фашистами. Лицо Черняховского внешне оставалось спокойным. Только брови резче сошлись на переносице.

— Не только наши танки горят, но и самолеты, как спички, вспыхивают! — сказал кто-то из стоявших рядом.

Черняховский промолчал.

Он-то, командир танковой дивизии, знал, что выдающимся достижением советской военной науки явилось создание в 1939 году лучших в мире среднего танка Т-34 и тяжелого танка КВ. На них были установлены более мощные моторы, большего калибра пушки и броня толще по сравнению с лучшими немецкими танками Т-IV. По мобилизационному плану один из полков 28-й танковой дивизии должен быть укомплектован в июне 1941 года новыми танками Т-34 и КВ. Должен, но не укомплектован. До начала войны Красная Армия успела получить всего лишь около тысячи трехсот машин Т-34 и более пятисот КВ. В 1940 году в Военно-Воздушные Силы начали поступать новые истребители Як-1, ЛаГГ-3, МиГ-3, не уступающие истребителям противника, бронированные самолеты для борьбы с танками противника Ил-2, штурмовики, разных которым в мире не было, пикирующие бомбардировщики Пе-2.

Но количество новых истребителей МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1 не превышало двух тысяч, бомбардировщиков Пе-2 — около пятисот и штурмовиков Ил-2 — двести сорок девять.

Немецко-фашистская армия имела к тому времени современных танков в полтора раза и самолетов в три раза больше, чем мы. Нам важно было оттянуть начало войны, чтобы переоснастить Вооруженные Силы страны, но этого сделать не удалось.

28-я танковая дивизия дралась героически. Маневр,

задуманный Черняховским, был осуществлен. Части дивизии в труднейших условиях не только остановили врага, но и контратаковали и вклинились в его боевые порядки. Однако успех, достигнутый подразделениями Онищука и Попова, не был закреплен. Для этого не хватало сил. Накануне, несмотря на возражения Черняховского, из состава дивизии в резерв командующего фронтом был взят 28-й мотострелковый полк. Танки действовали без поддержки пехоты. Сказалось и отсутствие связи с частями 23-й танковой дивизии полковника Орленко, действующими на смежном фланге: противник просочился в стыке между дивизиями.

Черняховский принимал все необходимые меры, чтобы установить связь с соседом. Он приказал одному из способных и смелых разведчиков, капитану Котову, прорваться на танке через вражеские позиции.

Гитлеровцы не ожидали появления в своем расположении советского танка и вначале приняли его за свой. Когда они опомнились и открыли огонь, танк успел скрыться в лесной чаще. Котов разыскал полковника Орленко и передал ему план действий Черняховского. Но комдив-23 продолжал выполнять приказ генерала Шестопалова, который еще не был отменен и не скорректирован.

Оперативно-тактическая внезапность и другие преимущества, присущие нападающей стороне, пока что являлись существенными факторами, влияющими на ход боевых действий. Связь между командованием и нашими отступающими войсками нарушалась, что крайне затрудняло управление во всех звеньях, а подчас делало его невозможным. Распоряжения войскам часто отдавались без знания обстановки, с опозданием.

25 июня дивизии Черняховского была поставлена боевая задача: во взаимодействии с частями полковника Орленко разгромить противника юго-западнее города Шяуляя. В этом приказе начало атаки 23-й танковой дивизии назначалось на четыре часа, а 28-й — на шесть часов. Командование, видимо, не знало, что дивизия Орленко от объекта атаки находилась в два раза дальше, чем дивизия Черняховского, и не могла выйти на указанный рубеж к назначенному времени. Но приказ требует беспрекословного выполнения. 28-я двинулась на врага, прикрыв свой открытый фланг лишь одной танковой ротой.

На главном направлении комдив развернул танковый полк майора Онищука. Противник не выдержал стремительной атаки танкистов и начал отступать. Для развития успеха Иван Данилович ввел в бой 56-й танковый полк. Волевой и энергичный командир полка майор Н.И. Герко, проскочив через стену

вражеского заградительного огня, стремительно повел танки в западном направлении. Однако противник, воспользовавшись открытыми флангами из-за опоздания дивизии Орленко, обрушил свои силы на дивизию Черняховского.

Тяжело иришлось в этом бою черняховцам. Комдив, произведя частичную перегруппировку, приказал майору Герко стремительной фланговой атакой уничтожить артиллерию противника, которая вела по атакующим губительный огонь с господствующей высоты.

Майор Герко, находясь в головном танке, сам повел главные силы полка. За ним в боевой порядок развернулись остальные машины. Все подступы к высоте простреливались прицельным огнем врага. Наши танки, маневрируя, продвигались по опушке горящего леса. Несколько машин батальона капитана Алексеева под ураганным огнем противника вырвались на высоту и раздавили три его противотанковые пушки вместе с их расчетами. Не замедляя темпа, батальон Алексеева продолжал атаку. На пути танкистов оказалась дорога, по которой двигалась колонна немецких мотоциклистов. Лишь немногим из них удалось спастись. Танк Алексеева на большой скорости врезался в колонну.

Машина командира батальона, а за нею и остальные с фланга вышли еще на одну высоту, соседнюю с той, где находились позиции немецких артиллеристов. И здесь гитлеровцы, ошеломленные внезапной атакой, стали разбегаться. Многие из них попали под гусеницы и пулеметные очереди танкистов Алексеева.

Черняховский не покидал своего командно-наблюдательного пункта. Он видел все поле боя и по радио нацеливал танки на объекты атаки.

— Герко! — передавал он по радио командиру полка. — Куда смотришь? Алексеев у тебя топчется возле какого-то домика, а у него на правом фланге колонна фашистской мотопехоты. Пусть сейчас же атакует…

— Выполняю! — отозвался Герко.

Черняховский тут же дал команду дивизионным артиллеристам открыть огонь по немецкой колонне, чтобы поддержать танки капитана Алексеева.

Подразделения майора Герко, поддерживаемые артиллерийским огнем, стремительно атаковали вражескую колонну. Вдруг машина Герко окуталась дымом и пламенем. Подоспевший Алексеев прикрыл своей машиной танк командира полка. Герко, воспользовавшись этим, высадил экипаж. Сам он покинул горящую машину последним. Задыхаясь в дыму и сбивая

огонь с одежды, он вытащил танковый пулемет…

28-я все эти дни вела тяжелые бои, отражая напор противника, превосходящего по силе в три-четыре раза. Не раз она переходила в контратаки, нанося врагу чувствительные удары.

Танкисты Черняховского дрались отчаянно, зачастую с открытыми флангами, почти без прикрытия с воздуха. В одном из боев штаб дивизии и штаб 55-го полка оказались в окружении. Ждать помощи было неоткуда. Но комдив взял на себя ответственность использовать не по целевому назначению разведывательный батальон. Риск оправдывался тем, что боевые действия разведчиков поддерживались артиллерией и были рассчитаны на внезапность.

Командир разведбатальона майор К.В. Швейкин неожиданной контратакой прорвал фронт окружения и выручил штабы.

Черняховский в ходе боя стремился сохранить хотя бы небольшой резерв. И на этот раз, предвидя еще большее осложнение обстановки, он с болью в сердце вывел из боя одну танковую роту 56-го полка, хотя майор Герко сам просил подкрепления. Резерв был создан, но он еще не успел подойти в распоряжение комдива. Положение дивизии с каждой минутой становилось все более тяжелым. Угроза окружения нависла над 55-м танковым полком.

Черняховский приказал радисту:

— К аппарату командира пятьдесят пятого полка!

— Ранен. Продолжаю вести бой в окружении, — услышал он далекий голос майора Онищука. — Мои координаты: поляна в лесу, западнее дома лесника пятьсот метров.

— Онищук, я — двадцать первый, ждите помощи! — крикнул комдив.

Но ответа не последовало, радиосвязь прервалась.

— Ну, кажется, и нам пора! Заводи!.. — скомандовал Черняховский водителю.

С четырьмя танками Черняховский бросился в атаку. Навстречу им шел еще один танк. Оказалось, что это БТ-7 командира 3-то батальона 55-го танкового полка.

— Вы куда спешите, товарищ комбат? — приподняв крышку люка, спросил Черняховский.

— За боеприпасами, товарищ полковник.

Иван Данилович осмотрел машину комбата. В ней оказалось тридцать пять снарядов.

Черняховский нахмурил брови.

Комбат молчал.

— Немедленно в бой! — приказал комдив. — Под огнем

искупите свою вину.

В разгар ожесточенных схваток во вражеском окружении снаряд угодил в правый борт машины майора Онищука и вывел из строя ходовую часть. Тяжело раненный, Онищук потерял сознание. Очнувшись, он приказал:

— Экипаж, слушай мою команду, всем покинуть машину!

— Мы вас не оставим! — сказал механик-водитель комсомолец Карпенко, и члены экипажа поддержали его.

Тем временем пять темно-синих гитлеровских танков с крестами на броне стали окружать подбитый советский танк, одиноко стоявший на поляне. Он не подавал признаков жизни, и гитлеровцы шли к нему все смелее. Подпустив гитлеровцев на двести метров, танк Онищука внезапно открыл огонь. Он выпустил последние четыре снаряда. Два вражеских танка остались догорать среди ржи. Но другие три подошли почти вплотную. Немцы, видимо, убедились, что снарядов у советских танкистов больше нет.

Вот уже слышен стук кованых сапог по броне, гулкие удары по башне, отрывистая немецкая речь:

— Руссиш, руссиш, сдавайсь!

В ответ послышалось пение.

Фашисты подожгли советский танк.

— Ну как? Сдаются русские? — спросили своих по радио из немецкого штаба.

— Нет, — последовал ответ, — они поют «Интернационал»…

Дым заполнил боевое отделение. Все тяжелее дышать. Вот они, последние минуты жизни…

Четыре танка под командой Черняховского на большой скорости спешили к дому лесника. Иван Данилович но радио вызывал Онищука.

— Не отвечает! — доложил радист.

Но вот и дом лесника, поляна, в измятой гусеницами ржи — неподвижный, черный от копоти танк.

Наши машины остановились на краю поляны. Иван Данилович обратился к танкистам пятьдесят пятого:

— Здесь погиб ваш командир. Отомстим за него!

Танкисты 55-го полка за своим комдивом бросились в атаку и метким огнем разили гитлеровцев. Решительной контратакой противник был остановлен.

Командиром 55-го танкового полка Черняховский назначил комиссара штаба дивизии капитана Г.К. Данченко.

В это тревожное время Московское радио сообщило, что юго-западнее Шяуляя второй день идут бои с переменным успехом. Это были ожесточенные бои, в которых с обеих сторон принимали

участие тысячи людей и сотни танков. Черняховцы стояли не на жизнь, а на смерть. Стонала земля, от дыма почернело небо, плавился металл… Напряжение боя порой достигало такого предела, за которым человек, казалось, лишался способности рассуждать, подавленный ревом и скрежетом металла, свистом бомб, грохотом снарядов. Бомбардировка и артиллерийский обстрел не прекращались в течение нескольких часов. Все вокруг было окутано пылью и дымом. Горели лес и поля. Солнце не пробивалось сквозь дым пожарищ. Черняховский на своем танке находился в этом кромешном аду и продолжал управлять подчиненными ему частями.

Временами комдиву казалось, что силы дивизии на пределе, еще немного — и может случиться непоправимое…

За четыре часа боя 25 июня дивизия потеряла сорок восемь танков и много людей. А всего за этот день — восемьдесят четыре машины. Потери противника тоже были значительными. И все-таки натиск его не ослабевал. Черняховцы сражались в отрыве от 23-й танковой дивизии. И в таких условиях они не только сдерживали, изматывали врага, но и обеспечили отход на выгодные рубежи стрелковым дивизиям 8-й армии, которые закрыли врагу путь на Ленинград с юго-запада.

К концу пятого дня боев для подведения итогов в штабной машине встретились Черняховский и его заместитель по политической части Валерий Антонович Шалаев.

— Иван Данилович! — обратился Шалаев. — В политдонесении в Военный совет придется сообщить о командире батальона 55-го полка, пытавшемся покинуть поле боя.

— Что ж, служба есть служба, сообщайте. Только я считаю, что вопрос о комбате уже исчерпан. Я его вернул в бой, он искупил вину.

— Надо было его арестовать, а командиром батальона назначить другого.

— Может быть, это было бы и правильно. Но мне каждый танк в те минуты был дорог, не было времени думать о статьях законности.

— А теперь нам с вами придется отвечать.

— Если это моя ошибка, я сам и отвечу!

— Но и с меня спросят. Я ведь в дивизии не посторонний наблюдатель, а представитель партии.

— Оба мы представители… А я отвечаю и как командир.

— Вот я об этом и хочу сказать… В корпусе, конечно, узнают, что вы два раза оставляли КП дивизии и уходили в бой в танке.

— Валерий Антонович! Я должен был вести танкистов в атаку. Должен!

— Но как прикажете мне обо всем этом написать в политдонесении?

— Это дело ваше. Нам с вами доверена танковая дивизия и даже больше — мы должны обеспечить прикрытие и отход на выгодные позиции целой армии! Вот о чем надо думать.

— Согласен. Но прошу вас на будущее…

— Валерий Антонович, завтра предстоят не менее жаркие бои, связь работает плохо, придется нам управление децентрализовать. Я буду на главном направлении у Герко, Маркелов — в пятьдесят пятом. Важная задача возлагается на разведывательный батальон.

— Хорошо, я буду там. Пока вы разрабатываете план боя на завтра, пройду к людям, в подразделения.

— К двадцати трем часам вызываю командиров полков и начальников служб. К этому времени прошу вернуться.

— Буду раньше. Желаю успеха.

Подготовительные мероприятия подходили к концу. 27 июня передовые батальоны дивизии Черняховского заняли оборону на самом берегу реки Мужи, на рубеже населенных пунктов Вайды и Памугла, где враг предпринимал ожесточенные атаки крупными силами мотопехоты и танков. Гитлеровцы стремились во что бы то ни стало отрезать пути отхода соединениям 8-й армии и окружить ее.

Черняховский использовал для прикрытия все, что только можно было противопоставить врагу. Экипажи, оставшиеся без боевых машин, вели бой с противником из пулеметов, снятых с подбитых танков. В ход было пущено и трофейное оружие.

На участке Шалаева было особенно напряженно. К Шалаеву подбежал связной:

— Товарищ батальонный комиссар, тяжело ранен командир разведывательного батальона, в подразделениях большие потери. Наши отступают.

— В машину! — скомандовал Шалаев экипажу своего танка.

Танк рванулся с места к левому флангу разведбата, туда, где строения безымянного хутора и дальняя опушка леса были окутаны черной завесой дыма, образовавшейся от множества разрывов снарядов. Оттуда доносился раскатистый гул, небо словно дрожало, и заходящее солнце, опустившееся почти к вершинам деревьев, закрытое пеленой дыма, светилось тускло-багровым диском. «Продержаться до наступления темноты. Только бы продержаться!» — думал Шалаев. Впереди, в прогалине между деревьями, показались фигуры бегущих людей. Шалаев всмотрелся: да это ведь бойцы разведбатальона!

— Наперерез! — скомандовал он механику-водителю.

Танк комиссара промчался вдоль переднего края и, затормозив на полном ходу, остановился перед бежавшими.

— Стой! — крикнул им Шалаев, выпрыгивая из танка.

— Товарищ батальонный комиссар, у немцев туча танков! — задыхаясь, выкрикнул один из красноармейцев, растрепанный, без поясного ремня и оружия.

— Прекратите распространять панику, товарищ боец!..

Только что бежавшие в страхе бойцы остановились.

Взгляд комиссара отыскал среди них молодого лейтенанта. Спросил:

— Вы кто?

— Командир взвода… — сдавленным голосом ответил лейтенант.

— А где ваш помкомвзвода?

— Там остался! — показал лейтенант в ту сторону, где продолжал греметь бой.

— Он воюет, а вы бежите?

— Товарищ комиссар, виноват!..

— Трус! Отстраняю вас от должности. Вместо вас пусть командует помкомвзвода. — Комиссар окинул взглядом окружавших его людей.

— Всем за мной, занять прежнюю позицию и ни шагу назад!

Новая яростная атака немцев была отбита. Комиссар остался на позиции разведбатальона. В нем насчитывалось всего двадцать четыре человека. Но каждый теперь сражался за двоих.

Приближалась ночь. Все надеялись, что наступит затишье. Но на темнеющем поле снова показались гитлеровские танки. Прозвучал голос комиссара:

— Приготовиться к отражению атаки!

Противник снова пустил в ход танки. Три из них, изрытая огонь из всех пушек и пулеметов, подходили к окопам разведчиков.

Шалаев, выждав момент, первым бросил противотанковую гранату. Стальное чудовище беспомощно завертелось на месте. Два других танка продолжали идти.

Примеру комиссара последовали бойцы: в танки полетели гранаты. Обе вражеские машины охватило пламя. Немецкая пехота, лишившись поддержки танков, откатилась. Атака врага захлебнулась.

Рубеж, который обороняли разведчики во главе с комиссаром, гитлеровцам так и не удалось взять, что позволило главным силам дивизии выйти из полуокружения.

В этом бою героически погиб батальонный комиссар Шалаев, был тяжело ранен командир отдельного разведывательного

батальона майор Швейкин, без вести пропал начальник штаба дивизии подполковник Маркелов. Иван Данилович тяжело переживал утраты, особенно смерть Шалаева.

Враг продолжал атаки. 28 июня положение дивизии стало еще более тяжелым. Оно осложнилось тем, что Черняховский продолжал получать запоздалые приказы штаба 12-го механизированного корпуса, командующего 8-й армией. Одно распоряжение противоречило другому.

— Товарищ комдив, одновременно получены три разноречивых приказа, — доложил исполняющий обязанности начальника штаба дивизии капитан Пашков.

— Видимо, все три приказа выполнить нам не под силу, какому из них отдадим предпочтение? — полушутя спросил Черняховский.

— По старинной солдатской заповеди в таких случаях не рекомендуется спешить с выполнением, ибо их все равно отменят.

— Нет, пожалуй, придется выполнить тот приказ, который по времени отдан последним. Он больше других соответствует обстановке, будем держать оборону на реке Муже. Срочно свяжитесь со штабом корпуса и узнайте, кто наши соседи, какова их задача. Нам придется действовать вместе с ними.

Однако, как ни старался Пашков, установить связь не удалось. Штаб корпуса оторвался слишком далеко от своих частей и соединений. Оперативная группа штаба корпуса, никого не поставив в известность, перешла в новый район, в лес южнее Борисели. Командование и штаб корпуса в первой половине дня 28 июня не знали обстановки на фронте, вынуждены были бездействовать, ожидая, пока восстановится связь с соединениями. Во второй половине дня в лесу, где разместилось управление корпуса, послышались звуки разрывов снарядов и рев моторов вражеских танков.

Вскоре на КП корпуса объявили боевую тревогу: немецкая пехота и танки были уже совсем близко. Все, кто был в штабе, заняли оборону. Кольцо вокруг командного пункта корпуса постепенно сжималось. В отражении яростных атак врага участвовали все, как один, в том числе и раненые бойцы, командиры и политработники.

Гитлеровцы настойчиво ползли к окопу, из которого генерал Шестопалов метко стрелял из снайперской винтовки. Он уложил более десяти фашистов. Гитлеровцы решили захватить генерала живым.

Фашисты подползали все ближе. Шестопалов продолжал отстреливаться. Кто знает, как долго продолжался бы этот неравный бой. В конце концов немцы, потеряв многих, но так и не

прорвавшись к окопу, который оборонял Шестопалов со своими штабистами, решили уничтожить минометным огнем последних защитников командного пункта корпуса. Разрывом одной из мин генерал-майор Шестопалов был тяжело ранен.[4]

Июньское солнце опускалось на землю, полуденная духота сменилась прохладой, но в воздухе по-прежнему пахло дымом боя. Полки 28-й танковой дивизии продолжали удерживать свои рубежи в районе Митавы (Елгава). Однако немцы уже обходили их фланги. Черняховский организовал арьергардное прикрытие, главным силам дивизии приказал отходить.

Полки к этому времени потеряли много боевых машин и живой силы, кончились боеприпасы. Дальнейшая попытка удерживать занимаемый рубеж грозила окружением.

Черняховский, оценив обстановку, принял решение отвести полки за водную преграду. Предположения Черняховского подтвердились: на Западной Двине он получил запоздалый приказ заместителя командующего 8-й армией: «…частям 28-й танковой дивизии к двадцати двум часам 28 июня занять оборону по северному берегу Западной Двины в районе Тегулис».

После гибели командования 12-го механизированного корпуса осиротели его соединения. Их перебрасывали с одного участка на другой. Из состава дивизии Черняховского забрали артиллерийский полк. Бросали дивизию туда, где приходилось туго, где требовалось закрыть образовавшуюся брешь.

К семи часам 29 июня угроза нависла над переправами через Западную Двину в районе рижского понтонного моста. Враг, захватив небольшой плацдарм на окраине Риги, отрезал пути отступления соединениям 8-й армии, находившимся еще на левом берегу Западной Двины. Заместитель командующего армией приказал полковнику Черняховскому оказать помощь отрезанным соединениям, любой ценой уничтожить противника, прорвавшегося на правый берег в районе понтонного моста. Иван Данилович сам повел в атаку поредевшие в боях полки. Внезапным фланговым ударом дивизия разгромила врага; на восточном берегу осталось много подбитых фашистских танков.

Черняховцы, закрепившись в районе понтонного моста, дали возможность частям 8-й армии переправиться на правый берег Западной Двины и занять новую оборону на выгодных рубежах.

Оказавшись в Риге, при первой же возможности Иван Данилович на броневике поспешил на свою квартиру, чтобы узнать, успела ли уехать жена с детьми.

Затемненный город выглядел мрачно, местами догорали строения, подожженные при бомбежке. На улицах редко встречались люди. Водитель бронеавтомобиля сержант

Виноградов (он раньше возил Черняховского на «эмке») точно по адресу остановил машину.

Дома никого не оказалось.

Броневик снова мчался по безлюдным улицам Риги. Откуда-то глухо доносились винтовочные выстрелы. Когда выехали из города, Иван Данилович посмотрел на спидометр.

— Прибавь скорость, надо догнать дивизию.

— Есть! — ответил Виноградов и тихо спросил: — Как теперь быть, Иван Данилович, где будем ваших разыскивать?

— Не знаю…

Немецко-фашистское командование вводило в сражение все новые и новые силы. Опасность прорыва возникла в направлении Плявинаса, городка на правом берегу Западной Двины, в ста километрах юго-восточнее Риги. Сюда была брошена 28-я дивизия. Сотни километров отступления и непрерывные изнурительные бои давали о себе знать. Люди устали до предела. Все же черняховцы точно в указанный срок заняли оборону на правом берегу Западной Двины юго-восточнее Риги в районе Плявинаса. Черняховский, произведя рекогносцировку, расположил части дивизии на выгодных рубежах. А наутро снова бои с передовыми отрядами немцев. Только за день боя танкисты отразили десять атак противника, пытавшегося форсировать Западную Двину. Часть пехоты врага, которой удалось переправиться на наш берег, черняховцы уничтожили. Противник был остановлен, но па участках соседей ему удалось форсировать реку и прочно закрепиться на восточном берегу. Снова создалась реальная угроза окружения 28-й.

К вечеру 30 июня, когда бой затих, командиры частей были вызваны к комдиву.

— Оказывается, не так страшен черт, если встречаешь его с умением, — начал комдив. — Когда мы отрыли окопы и закопали в землю наши танки, превратив их в огневые точки, враг не смог нас одолеть. Для нас становится главным — обороняясь на выгодных позициях, измотать противника, не пропустить его на восточный берег Двины…

Командиры частей, получив указания Черняховского, разошлись. Оставшись один, он почувствовал огромную усталость. Сказывалось невероятное напряжение последних дней. Черняховский лег на плащ-палатку и моментально уснул. Комаров положил ему под голову свою шинель. Ночь выдалась такая же теплая, как и предыдущие. С наступлением темноты стрельба прекратилась, лишь изредка дежурные пулеметы то с

одной, то с другой стороны прорезали темноту длинными очередями трассирующих пуль. Время от времени взвивались немецкие ракеты, заливая нейтральную полосу мертвенным холодным светом. Иван Данилович несколько раз просыпался от пулеметной трескотни, но сразу же вновь засыпал, Рядом на плащ-палатке дремал Комаров.

А на рассвете Черняховский уже был в боевых порядках. Там его и застал приказ отойти на новые позиции. Признаться, он не ожидал, что такой приказ последует так скоро.

В четырнадцать часов полки медленно начали отход. Тяжело было оставлять врагу без боя водный рубеж, естественную преграду, где они в течение двух дней сдерживали натиск противника.

Война, навязанная фашистской Германией, в оперативно-тактическом отношении для Красной Армии оказалась внезапной. Подвижные соединения противника на направлениях главного удара, значительно превосходя наши войска, наносили рассекающие удары по развертывающимся в боевые порядки частям пограничных военных округов и углублялись на территорию Советского Союза. К концу июня противник в полосе Западного фронта вышел к Минску. В неимоверно трудных условиях вела новые действия 8-я армия, она под прикрытием 28-й танковой дивизии и других соединений 12-го механизированного корпуса отходила в направлении на Ригу, 11-я армия, понесшая значительные потери и отрезанная от соседей, отступала с тяжелейшими боями. Между 8-й и 11-й армиями образовался разрыв. Воспользовавшись этим, генерал фон Манштейн 56-й моторизованный корпус бросил на Даугавпилс.

Угроза возникла на Псковско-Ленинградском направлении. Обстановка требовала принятия самых решительных и неотложных мер. Ставка Верховного Главнокомандования незамедлительно выдвинула в район Даугавпилса 21-й механизированный корпус генерала Д.Д. Лелюшенко с задачей остановить дальнейшее продвижение войск Манштейна.

Шли десятые сутки войны, и дивизия Черняховского вынуждена была, ведя арьергардные бои с войсками 41-го моторизованного корпуса генерала Рейнгардта, организованно отходить на Мадона — Псков. В эти дни командиром 12-го механизированного корпуса был назначен комдив И.Т. Коровников.

В тяжелых боях, дорогой ценой приобретался боевой опыт командным составом дивизии. Повышался уровень партийно-политической работы. Регулярно стала выходить дивизионная газета, оживилась деятельность пропагандистов и агитаторов.

В начале июля, после двух недель тяжелых кровопролитных боев и беспрерывных маршей, корпус вывели в резерв Северо-Западного фронта. Частям дивизии были поставлены новые задачи. Черняховский надеялся, что небольшая передышка, предоставленная его соединению, позволит укомплектовать части и привести их в полную боевую готовность.

…По пути к одному из полков Иван Данилович велел остановить машину. На опушке леса он вышел из машины и, шагая по густой траве, поднялся на высотку, что была совсем близко от дороги. Отсюда открылись поля желтеющей пшеницы, голубая гладь реки, зеленые луга. Вокруг пестрели ромашки, колокольчики. Слышался стрекот кузнечиков. Все это напомнило ему родное Вербово, далекие мирные дни, годы юности. Но воспоминания быстро улетучились, как только он подумал о тревогах и заботах сегодняшнего дня. Недоставало Шалаева — своему комиссару он мог бы излить душу. Но Шалаева не было. Иван Данилович с новой остротой ощутил горечь утрат. Перед его глазами встали майоры Онищук, Попов и другие его воспитанники и соратники, которые остались на поле брани…

Раздумья Черняховского прервались резким звуком тормозных колодок остановившейся рядом штабной автомашины. Подъехал капитан Пашков.

— Товарищ полковник, получен приказ: наши мотострелковый и гаубичный полки, все танки передать соединениям 8-й армии, а остальные части дивизии погрузить в железнодорожные эшелоны и вывести в тыл аа формирование.

— Что же, формироваться так формироваться, — ответил Черняховский.

Он понимал, что надо вести войну, имея хорошую организацию, полную укомплектованность. Надо приводить части в порядок и анализировать боевой опыт. К довоенной теории тактики и оперативного искусства, пожалуй, стоит подойти теперь критически.

Пашков молча достал из полевой сумки последние разведданные штаба фронта и передал Черняховскому. В них сообщалось, что в направлении Пскова идут тяжелые бои, немецкие танки 6 июля ворвались в город Остров.

— Товарищ полковник, разрешите подъехать к представителю военных сообщений фронта и договориться о железнодорожных составах и о местах погрузки, — сказал начштаба.

— Договаривайтесь. Но, видимо, некоторые наши подразделения будут двигаться своим ходом.

В это время к комдиву подошел Комаров.

— Иван Данилович, есть новости! Анастасия Григорьевна

эвакуировалась вместе с семьями командования корпуса.

— Куда эвакуировались? — обрадовался Черняховский. С какой тревогой он ждал все эти дни вестей о семье, чего только не передумал…

— Эвакуировались на машинах корпусной колонны, других данных пока нет.

— Вот что, Алеша, я поеду в 55-й полк, а ты съезди в штаб корпуса, может быть, там кто-либо знает подробности. Только подожди минутку, я напишу письмо.

Иван Данилович вернулся в штабную машину, сел и быстро начал писать:

«Дорогие мои Тасик, Нилуся, Алик…» Строки торопливо ложились одна за другой.

«Вы всегда передо мной, расстояние не мешает мне еще сильнее любить вас. Только очень трудно постоянно мысленно беседовать с вами… На короткое время сумел заскочить в Ригу, никто не мог сказать, в каком направлении вы выехали.

Долгое время мучили мысли, вдруг вы не успели эвакуироваться! Представьте на одну минуту мое положение… Какие неисчислимые бедствия принесла война, навязанная фашизмом человечеству… Дивизия наша расплатилась с гитлеровцами сполна, сражались мы неплохо, не посрамили Русь Великую…

Обнимаю и целую, любящий всех вас…»

В середине июля 28-я танковая дивизия сосредоточилась в районе поселка Красные Станки, в тридцати километрах восточнее Новгорода. Фронт неотвратимо приближался к Новгороду. Уже слышались раскаты канонады. Под ее гул, рев вражеских самолетов, проносившихся над полями, колхозники с рассвета до темноты убирали урожай. А горожане трудились на своих местах, зная, что вот-вот начнутся налеты на Новгород.

Время, отведенное на доукомплектование в Красных Станках, Черняховский использовал рационально. С утра до ночи в дивизии шла боевая учеба. Много внимания Иван Данилович уделял ночным занятиям. За две недели, в течение которых дивизия дралась с противником, он убедился, что немцы боятся ночного боя, им казалось, что за каждым кустом их подстерегает смерть. Ночь мешала фашистам использовать боевую технику, то есть то, в чем состояло тогда их главное преимущество.

Анализируя опыт первых недель войны, Черняховский пришел к выводу, что партийно-политическая работа в боевых условиях должна в корне отличаться от партполитработы в

мирное время своей оперативностью. «Политически невежественный боец, — говорил Иван Данилович, — а тем более командир не может быть стойким защитником революционных завоеваний».

В один из первых дней, когда дивизия была отведена на формирование, Черняховский пригласил начальника политического отдела дивизии батальонного комиссара И.Н. Третьякова.

— В последнее время меня заинтересовали некоторые цифры, — начал разговор Иван Данилович.

— Какие цифры вы имеете в виду? — спросил Третьяков.

— Коммунистов у нас в дивизии пятьсот тридцать, а комсомольцев тысяча двести тридцать пять. Это же здорово!

— И это не все, — сообщил Третьяков. — На очередных партийных собраниях частей будет рассмотрено более тридцати заявлений комсомольцев о приеме их кандидатами в члены партии.

— Вопрос, конечно, не только в количестве. Во имя Родины командиры и бойцы идут в бой, не щадя жизни. Хотят быть коммунистами, подают заявления в партию. Надо, чтобы прием проходил без всяких проволочек. Комсомольцы и коммунисты у нас составляют третью часть дивизии. Это же большая сила! Мы должны поставить дело так, чтобы в учебе и в бою каждый коммунист и комсомолец повел за собой еще двух беспартийных. Пожалуй, настало время изменить стиль нашей агитационно-пропагандистской работы. В боевых условиях нет возможности проводить собрания, необходимо беседовать с каждым бойцом или с небольшими группами. Во всем рассчитывайте на мою помощь, Иван Нестерович.

Вскоре беседы с каждым бойцом или с небольшими группами стали в дивизии основным методом партийной и комсомольской работы. Члены партийных и комсомольских бюро полков постоянно находились в ротах и взводах. В качестве агитаторов использовали тех, кто отличался в боях.

На примерах фронтовиков учились мужеству черняховцы, учились воевать так, чтобы каждый стал героем в предстоящих боях.

2

В ночь на 14 августа колонна автомашин штаба дивизии въехала в Новгород. Над городом нависло черное небо. На его фоне едва вырисовывались силуэты церквей. Колонна остановилась перед высокой стеной. Водители не успели заглушить моторы, как последовала команда «вперед». Машины одна за другой ныряли под огромную арку Новгородского кремля.

Штаб дивизии разместился в здании древнего собора. Многие впервые видели знаменитый Новгородский кремль и были поражены величавой красотой древних стен, башен и храмов, особенно грандиозным памятником Тысячелетию России. С его высокого круглого постамента смотрели на бойцов отлитые из металла фигуры Ломоносова и Пушкина, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова. Выделялась фигура Александра Невского, семьсот лет назад разбившего псов-рыцарей на льду Чудского озера.

На рассвете из штаба фронта передали, что в дивизию выехали член Военного совета Северо-Западного фронта генерал Т.Ф. Штыков и командующий Новгородским укрепленным районом генерал И.Т. Коровников.

Начальник штаба капитан Пашков доложил полковнику Черняховскому план обороны Новгорода. Не успел он свернуть карту с обстановкой, как вдруг с дребезгом посыпались стекла из окон и штукатурка с потолка. Помещение заволокло дымом и красноватой кирпичной пылью, где-то поблизости разорвалась вражеская бомба. Пашкову осколком стекла поцарапало лицо.

— Товарищ полковник! — тревожно окликнул капитан.

— Все нормально, — отозвался Черняховский. — Я здесь! Видимо, пора нам отказаться от уюта и КП располагать в укрытии. Надо перебраться в подвал Грановитой палаты. Действуйте. А я пошел встречать члена Военного совета фронта.

Едва Иван Данилович вышел из здания, как воздух вновь наполнился пронзительным воем падающих бомб. Загремели разрывы. В пыли и дыму Черняховский пробирался к одной из башен Новгородского кремля под названием «Кукуй». Там уже собрались командиры частей дивизии. Вскоре туда прибыли и представители штаба фронта.

Генерал Штыков коротко рассказал об обстановке, создавшейся на фронте.

— Войскам, защищающим Ленинград. необходимо время, чтобы подготовить оборону на случай, если враг прорвется. Перед дивизией поставлена ответственная задача: задержать немцев на

подступах к Ленинграду в районе Новгорода. Военный совет фронта обращается к вам с одним требованием: Новгород защищать до последнего.

— Можете на нас положиться, товарищ генерал, — за всех ответил Черняховский. — Пока бьются наши сердца, Новгород без приказа не оставим врагу.

— Командование предоставляет вам полную инициативу, — сказал Штыков, обращаясь к Черняховскому, — учтите, что времени на организацию обороны осталось в обрез. Завтра враг может подойти к городу.

Черняховский понимал, что силы его дивизии ограничены, к тому же распылены, и ему представлялось разумным заранее подготовить город к обороне, чтобы противник, имеющий численный перевес, не захватил его с ходу.

Черняховский доложил члену Военного совета свое решение. Тот согласился с ним. Комдив тут же начал отдавать боевые распоряжения командирам частей первого эшелона. Одним он наносил обстановку прямо на их карты, другим ставил боевые задачи устно. Лаконичные, четко сформулированные приказы Черняховского понравились Штыкову.

— Товарищ полковник! Если удержите Новгород, представим на генерала!

— Не о том хлопочу, товарищ член Военного совета.

— Знаю.

— Нас прежде всего интересует, какая будет поддержка? Одна дивизия не выстоит перед столь крупной группировкой фон Буша.

— Так уж и не выстоит? Надо выстоять!

— Мы понимаем, товарищ генерал, что значит для Родины Новгород. А для нашей дивизии после Шяуляя Новгород — место, где на карту поставлен вопрос чести ее бойцов, командиров и политработников. Разработан план отражения врага, но мы надеемся, что будут использованы все силы, которые есть на этом направлении.

— Что ж, поможем!

Пожелав успеха, член Военного совета попрощался со всеми.

Вернувшись на свой командный пункт, Черняховский дал указания командирам батальонов, выделенных для подготовки города к обороне. Их суть сводилась к тому, чтобы в первую очередь подготовить к обороне каменные здания на перекрестках и площадях, создать систему взводных и ротных опорных пунктов, батальонных узлов сопротивления, учитывая пригодность зданий для кругового наблюдения и обстрела. Огневые точки в домах должны были прикрывать одна другую

фланговым огнем, чтобы здания, превращенные в опорные пункты, соединялись ходами сообщения, улицы, переулки и промежутки между домами, коридоры внутри домов перекрывались баррикадами.

Передовые части дивизии на рассвете 14 августа заняли оборону в четырех-шести километрах от западной окраины Новгорода. 55-й полк — на рубеже Григорово — Новая Мельница; 56-й полк — слобода Покровская — Юрьев, так что левый фланг его выходил к реке Волхову. Отдельный разведывательный батальон капитана Котова закрепился на втором рубеже, по обводному каналу на западной окраине Новгорода.

Жители помогали войскам готовить город к обороне. Все, кто мог держать оружие, становились в ряды его защитников. Вооружались подростки, женщины, старики.

В первой половине дня 14 августа противник шквалом артиллерийского огня обрушился на укрепления под Новгородом. А затем пошел на штурм. Наступал 1-й армейский корпус 16-й германской армии, оснащенный большим количеством танков и артиллерии, при мощной поддержке авиации. Командующий 16-й армией генерал-полковник фон Буш не сомневался, что с ходу захватит Новгород, после чего он рассчитывал нанести удар по Ленинграду с юга.

Дивизия Черняховского во взаимодействии с другими соединениями генерала Коровникова приняла бой с превосходящими силами противника. На правом фланге 28-й действовала 1-я горнострелковая бригада. Казалось, лучше приспособленная к позиционной обороне по сравнению с танкистами, действующими в непривычной для них роли пехоты, бригада, заняв оборону одновременно с 28-й дивизией, к сожалению, не успела окопаться и, не выдержав первых же атак гитлеровцев, стала отходить. Случилось именно то, чего больше всего опасался Черняховский. Отступая, бригада открыла правый фланг его дивизии, и находившийся на стыке батальон 55-го полка тоже не удержал обороняемый им населенный пункт Новая Мельница. В результате возникла серьезная угроза всей системе обороны дивизии.

Черняховский, отдав начальнику штаба необходимые распоряжения, прибыл на командно-наблюдательный пункт батальона, который только что оставил Новую Мельницу.

— Кто разрешил отходить? — сурово спросил Черняховский командира батальона.

— Соседи подвели, и огневых средств для подавления противника недостаточно.

— Приказываю отбить у гитлеровцев Новую Мельницу! Я

буду с вами вместе. Нет нам пути назад!

Черняховский только в особых случаях переносил свой командно-наблюдательный пункт в боевые порядки и управлял дивизией с переднего края только тогда, когда его присутствие могло оказать решающее влияние на исход боя. И на этот раз появление Черняховского на передовых позициях подняло боевой дух бойцов и командиров. Они знали, что в самой сложной обстановке их командир найдет выход.

…Красная ракета возвестила начало атаки. Батальон без танков, поддерживаемый лишь слабым огнем артиллерии, ринулся вперед на немцев, засевших в Новой Мельнице. Люди дрались с такой яростью, что гитлеровцы были вынуждены отойти.

Во второй половине дня на передний край обрушились артиллерия и авиация, противник перешел в наступление. Натиск врага усиливался. Черняховцы продолжали удерживать свои рубежи. Атаки врага были отбиты с чувствительными для него потерями. Гитлеровцы, подтянув резервы, вновь открыли артиллерийский огонь и под его прикрытием ринулись на наши позиции.

Снова жаркий бой разгорелся у села Новая Мельница. Фашисты артиллерийскими снарядами подожгли дома на его окраине. Кругом бушевало пламя. Немцы поднялись в полный рост и повторили атаку. Но и она была отбита.

Черняховцы стояли до тех пор, пока не получили приказа отойти.

Ночью части дивизии заняли новый рубеж по линии земляного вала на окраине Новгорода.

Всю ночь 28-я укрепляла свои позиции. А с утра начался ожесточенный бой. Враг вновь и вновь яростно атаковал на всем фронте обороны дивизии. Фашисты шли волна за волной, стреляя на ходу из автоматов.

Черняховский со своего командно-наблюдательного пункта, откуда было видно все поле боя, уверенно руководил частями дивизии, обеспечивая их четкое взаимодействие.

Бой принимал все более ожесточенный характер. Дивизионная артиллерия открыла шквальный огонь по гитлеровцам. Но те продолжали рваться вперед. Когда их цепи приблизились к земляному валу уже на триста-четыреста метров, черняховцы открыли ружейно-пулеметный огонь. Казалось, что атака захлебнулась. Но появились фашистские танки и вновь повели за собой пехоту. В бой вступили наши немногочисленные противотанковые орудия. И эта атака была отбита.

Во второй половине дня враг, подтянув резервы, перешел в

тринадцатую по счету атаку. В полках дивизии больше не оставалось ни мин, ни снарядов.

У комдива имелось еще несколько танков, которые он берег «для эмблемы», чтобы оставалось хотя бы какое-то основание называть дивизию танковой. Этот последний резерв предназначался для решающего момента.

И вот такой момент наступил, там, где через нашу передовую прорвались немецкие танки и пехота, их встретили огнем два тяжелых КВ и пять легких БТ-7. Иван Данилович возлагал на последний резерв большие надежды. Он лично проинструктировал командира танковой группы, приказал не отступать ни шагу назад, пока не будут отведены части дивизии.

Семь наших танков, быстро выйдя из-за холма, открыли огонь по немецким танкам, затем вновь скрылись за холмом. Такой маневр они повторили несколько раз. Разгорелась танковая дуэль. Не прошло и десяти минут, как были подбиты два вражеских танка. Это вдохновило бойцов дивизии. Батальоны, не дожидаясь команды, бросились в контратаку. Фашисты, не выдержав, откатились. Когда стемнело, части дивизии под прикрытием танкового резерва организованно отошли к стенам Новгорода, на последующий оборонительный рубеж. За ночь пополнились боеприпасами.

С утра 16 августа гитлеровцы открыли сильный огонь по позициям у земляного вала. Они были убеждены, что передний край нашей обороны проходит именно на этом рубеже. На самом деле здесь оставалось лишь боевое охранение. К тому времени отошедшие на новые позиции полки дивизии уже подготовились к отражению новых атак противника.

Правильность решения Черняховского подтвердилась на практике. Бойцы дивизии, заняв позиции за прочными крепостными стенами, находились в укрытии, а гитлеровцы наступали по открытой местности и несли огромные потери от плотного, прицельного огня. Немцы, натолкнувшись на упорное сопротивление, вынуждены были отойти к земляному валу.

Над городом снова повисло до пятидесяти вражеских пикирующих бомбардировщиков. Опять с неба с пронизывающим душу воем посыпались смертоносные бомбы. Силы были слишком неравными. После массированного воздушного налета в крепостных стенах образовались огромные бреши, в которые и устремился противник. Черняховцы бились за каждый квартал, за каждый дом. Вражеские танки и пехота подходили вплотную к зданиям и вели огонь прямой наводкой. Из окон и с чердаков в немецкие танки летели связки гранат.

И все же врагу удалось оттеснить части дивизии.

Черняховский успел организовать глубоко эшелонированную оборону. Наши части отходили на подготовленные позиции, навязывая врагу кровопролитные уличные бои.

В то самое время, когда дивизия под Новгородом изматывала противника, заставляя его истекать кровью на каждом шагу, немецко-фашистское радио лживо кричало на весь мир, что русские вынуждены бросить в бой женские батальоны. Никаких специальных женских батальонов и в помине не было. Конечно, среди новгородцев, вставших плечом к плечу с воинами на защиту родного города, сражались и женщины. Так, комсомолки педагогического института стали санитарками, медсестрами. Под вражеским огнем они вытаскивали раненых, оказывали им помощь.

Враг не переставал беспощадно обстреливать и бомбить город. Издали Новгород напоминал огромный полыхающий костер.

На следующий день в полках не осталось и трети личного состава. Черняховский приказал капитану Котову возглавить сводный отряд и до последней возможности оборонять Новгородский кремль. Основные же силы по приказу генерала Коровникова начали переправляться на восточный берег Волхова.

Отходили медленно, на руках несли раненых. С болью оставляли город, где геройски пали многие товарищи.

За ночь гарнизон кремля во главе с Котовым успел завалить ворота камнями и мешками с землей, организовать систему огня. Наутро, подпустив немецкую пехоту на двести-триста метров, черняховцы открыли пулеметный и автоматный огонь. Боевые порядки фашистов расстроились. Вражеские танки не могли преодолеть ров у крепостных стен и войти в кремль: въездной мост, ведущий к воротам, был заранее взорван. Толстые же каменные стены немецкой артиллерии разрушить не удалось.

В небе снова послышался рокот моторов…

До вечера осажденных бомбили вражеские самолеты, обстреливали орудия.

А с первыми лучами солнца в небе снова появились самолеты с крестами на плоскостях. Снова с визгом полетели бомбы.

Стены Новгородского кремля высотой почти десять метров и толщиной около четырех надежно защищали черняховцев. Окутанная дымом и пылью древняя крепость стояла величаво и несокрушимо, сверкая золотом церковных куполов. Гарнизон вел убийственный огонь по атакующим. Три вражеских танка вплотную подошли к крепостным стенам. Их подбили связками гранат. Черняховский находился уже на другом берегу Волхова, но, пользуясь радиосвязью, продолжал управлять боевыми

действиями гарнизона.

У стен кремля взрывались пятисоткилограммовые бомбы. Отряд капитана Котова вынужден был уйти в укрытия. Поддерживаемая танками, фашистская пехота снова пошла на штурм. У защитников кремля кончились боеприпасы. Тогда по приказанию Черняховского на противника был обрушен массированный огонь дивизионной артиллерии. Вражеская атака захлебнулась.

Однако гитлеровцам все же удалось через проломы в стенах, образовавшиеся в результате бомбежки, ворваться во Владычный двор кремля. Яростная схватка шла не только в кремле. Тяжелые бои на восточной окраине Новгорода вел полк, которым командовал майор Никифор Игнатьевич Герко.

Одним из главных опорных пунктов в системе обороны полка был Дом Красной Армии. В нем упорно дрались двадцать три отважных воина во главе с начальником штаба подполковником В.А. Корниловым. За четыре дня они отразили более десяти атак врага. Немцы уже давно вклинились в нашу оборону, но на участке Корнилова противник так и не мог продвинуться.

Основными силами полка не раз предпринимались контратаки, чтобы помочь товарищам, обороняющимся в Доме Красной Армии. Во время одной из таких контратак майор Герко был тяжело ранен, и бойцы на руках вынесли его из-под огня.

Враг, так и не сумев взять Новгородский кремль, прекратил наступление. Обойдя гарнизон с севера, гитлеровцы устремились на Ленинград.

Радиосвязь осажденного гарнизона кремля со штабом дивизии внезапно прервалась. Как ни старался радист капитана Котова, восстановить связь не удалось: разрядились аккумуляторы.

Черняховский, обеспокоенный судьбой отряда Котова, направил к нему своего связного — сержанта Владимира Чижика. Он должен был передать Котову приказ: присоединиться к главным силам дивизии.

Пробраться в кремль оказалось делом нелегким. Тогда сержант Чижик приспособил металлическую трубку для дыхания под водой и поплыл.

Темная ночь и волны Волхова укрывали смельчака от вражеских наблюдателей. У прибрежного кустарника он осторожно вылез из воды, всматриваясь в темноту и прислушиваясь к каждому шороху. Он должен был не только передать приказ, но и вывести отряд Котова на восточный берег Волхова.

Вокруг кремля то и дело взвивались в темное небо

осветительные ракеты: гитлеровцы бдительно следили за обороняющимися. Где ползком, где пригибаясь, припадая к земле каждый раз, как только вверху, шипя, взвивалась ракета, Чижик пробрался к осажденным. Неожиданное появление сержанта вызвало бурную радость бойцов разведывательного батальона. Котов обнял связного и расцеловал. Чижик передал приказ Черняховского.

В расположении главных сил дивизии было тихо. Напряженно ждали сигнала артиллеристы, которым предстояло обеспечить выход отряда Котова из окружения.

Было условлено, что прорывающиеся укажут цели нашим артиллеристам короткими очередями трассирующих пуль.

А в отряде в это время не могли найти патронов с трассирующими пулями. Проверяли остатки боекомплектов. Нет. Что делать? Наконец у тяжело раненного пулеметчика обнаружили диск с патронами.

И вот пунктиры трассирующих пуль прочертили темноту неба. Не прошло и минуты, как заработала дивизионная артиллерия. Внезапный удар загнал гитлеровцев в убежища. Этим воспользовались бойцы разведывательного батальона и присоединились к главным силам дивизии. Отважный разведчик, комсомолец сержант Чижик с честью выполнил приказ Черняховского. Он был представлен к награждению орденом Красного Знамени.

Дивизия Черняховского отошла в район Кирилловского монастыря, в трех-четырех километрах восточнее Новгорода. Личный состав ее вместе с прибывшим пополнением едва равнялся численности стрелкового полка.

При взятии Кирилловского монастыря бессмертный подвиг совершил младший политрук Александр Панкратов, предвосхитивший подвиг Александра Матросова. Александр Панкратов грудью закрыл вражеский пулемет, проложив дорогу вперед всей роте. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В конце августа 28-я дивизия вела тяжелые бои в нескольких километрах восточнее Новгорода. Полки соседних стрелковых дивизий начали отход с рубежа реки Волховца. Враг обходил фланги дивизии Черняховского, а у него не было резервов, чтобы заткнуть образовавшуюся брешь. Связь с отступающими частями правого соседа отсутствовала. Положение на этом участке становилось катастрофическим. Но вдруг на гитлеровцев обрушилась наша авиация. Отступающие стрелковые части, перестроив боевые порядки, стремительно контратаковали врага.

Черняховский, воспользовавшись этим, тоже частью сил

перешел в контратаку. Обстановка резко изменилась. Прорвавшиеся немецкие части были зажаты в тиски и, оставив на поле боя сотни убитых, бросая технику, отступили. В этих боях тяжело ранило капитана Пашкова, который возглавлял одну из контратакующих групп. Начальником штаба дивизии вместо него был назначен майор А.Б. Хантемиров.

Смяв и уничтожив вклинившихся на правом фланге гитлеровцев, подразделения дивизии соединились с нашими частями, наносившими по врагу встречный удар. Здесь, на поле боя, произошла неожиданная встреча Черняховского с начальником штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенантом Ватутиным. Когда после победного завершения боя комдив прибыл с докладом к Ватутину, тот, крепко пожав ему руку, сказал:

— Спасибо за помощь. Правильно действуете, полковник. Сам погибай, но соседу помогай…

— Товарищ генерал, что за чудо произошло — отступающие вдруг перешли в наступление, как будто подменили войска?!

— Бойцы и командиры те же, только вот вовремя помощь подоспела. — Ватутин показал на сопровождавшего его полковника в авиационной форме. — Хорошо проутюжили фашистов наши летчики.

Командующий 16-й немецкой армией генерал-полковник фон Буш вторично посчитал дивизию Черняховского разгромленной и против участка, который она занимала, снял полк, намеревался снять и другой. Но фон Буш и на этот раз ошибся в оценке боеспособности 28-й дивизии. Первый раз он «похоронил» ее еще в Прибалтике, летом. Между тем черняховцы продолжали наносить яростные контратаки и мешали противнику развить наступление на их участке.

Воспаление легких на три недели приковало Черняховского к постели. В его отсутствие дивизия была переброшена в район Демянска в распоряжение командующего 27-й армией генерала Н.Э. Берзарина, армия которого вела упорные бои с выдвигавшейся к востоку демянской группировкой противника.

16 сентября Черняховский выписался из госпиталя и в тот же день явился на командный пункт фронта к начальнику штаба генералу Ватутину.

Николай Федорович тепло встретил его.

— Скорей в строй, Иван Данилович. Время сейчас наитяжелейшее. Немец в Демянске. Дивизия с трудом вышла из окружения, в ней осталось всего пятьсот человек.

Черняховский тяжело вздохнул.

— Когда она приняла первый бой, в ней было девять тысяч

триста человек и около двухсот пятидесяти танков…

Вскоре дивизию Черняховского посетили командующий Северо-Западным фронтом генерал-лейтенант Павел Алексеевич Курочкин и начальник оперативного управления генерал-майор Петр Иванович Иголкин. Вместе с ними приехал корреспондент фронтовой газеты батальонный комиссар Б.А. Бялик. Инспектирующие генералы вскоре уехали в штаб армии. «На КП мы пришли в самый трудный момент, когда гитлеровцы поднялись в атаку, — писал во фронтовой газете Бялик. — Но Черняховский спокойно поглядывал в стереотрубу, без суеты отдавал распоряжения. А было от чего потерять спокойствие. На левом фланге немецкие танки и пехота уже начали теснить черняховцов. Вот-вот гитлеровцы ворвутся на позиции. Надо кого-то послать на левый фланг, выправить положение. Заместители комдива были в частях. Он позвал начальника политотдела, батальонного комиссара Третьякова и сказал ему: „Иван Нестерович, сейчас решается все. Резервов нет. Возглавьте штабные подразделения, контратакуйте на левом фланге“. Я хотел пойти вместе с батальонным комиссаром на левый фланг, но Черняховский остановил меня: „Главные события развернутся не на левом фланге, а здесь“. И верно — гитлеровцы, контратакованные на левом фланге, перенесли удар в центр. На КНП комдива было жарко, как на передовой. Гитлеровские автоматчики дважды врывались туда. Полковник Черняховский и в эти напряженные моменты не терял самообладания, руководил контратаками.

По приказу Ставки 28-я дивизия 21 сентября 1941 года была выведена в тыл для переформирования, она пополнялась вооружением и людьми. А своих прославленных танкистов, составлявших ядро дивизии, Черняховский, хотя и жаль ему было расставаться с боевыми друзьями, направил на укомплектование танковых соединений. Он отлично знал, как нужны там кадры опытных танкистов.

У командира бывшей танковой дивизии появились новые заботы. Нужно было пересадить подразделения с автомобильного транспорта на конную тягу.

На полигонах и стрельбищах дивизии днем и ночью шла усиленная боевая подготовка. Иван Данилович старался, чтобы ни один день, ни один час не пропали даром.

Не достигнув желаемого успеха под Новгородом, враг сосредоточил свои усилия в направлении на Старую Руссу и стал угрожать городу Валдаю (эти действия немцев были частью их

наступления на Ленинград). Дивизию Черняховского после доукомплектования перебросили на защиту Валдая и Валдайских высот. В первых числах ноября она заняла оборонительные позиции на угрожаемом направлении.

9 ноября начальник штаба дивизии майор Хантемиров доложил Черняховскому:

— Из штаба армии сообщили, что на нашем участке ожидаются активные действия противника. Приказано ускорить оборонительные работы. Противник ведет бои за Тихвин. Ленинград отрезан. Боюсь, что его судьба решена…

— Товарищ майор, не сгущайте краски.

— Считаю своим долгом докладывать обстановку объективно.

— На весь мир трубило фашистское радио о том, что судьба Москвы решена и седьмого ноября на Красной площади Гитлер будет принимать парад своих войск. А чей парад там состоялся? Наш. История еще не знала парада такого масштаба под гром вражеской канонады. У Мавзолея Ленина наши бойцы давали клятву победить врага и прямо с парада вступали в бой. Гитлер застрял под Москвой. А что Ленинград отрезан — плохо, конечно. Но делать выводы еще рано.

— Товарищ полковник, нам нужны танки и самолеты. Пока фронт их получит…

— Да, техника необходима. Но не только в ней наша сила. Вы знаете, — вспомнил Черняховский, — в штабе армии я встретился со связным одного из наших партизанских отрядов. Он рассказал, что, когда они в тылу врага услышали по радио речь Сталина, говорившего с трибуны Мавзолея, у людей слезы на глазах выступили от волнения и от радости, что Москва стоит прочно. И все поклялись биться с врагом до последнего! Вот так-то, товарищ майор. Доложите, как подготовлена противотанковая оборона.

— Мы побывали с командующим артиллерией на танкоопасных направлениях, — ответил Хантемиров. — Решили все оставить так, как предусмотрено в плане обороны. — Он развернул топографическую карту на столе комдива.

— На карте у вас разрисовано все хорошо. Назначены ли ответственные за секторы обстрелов на стыке с соседом?

— Ответственными назначены командиры стрелковых рот и батальонов. Они поставили задачу артиллеристам.

— Поставить задачу — это еще не все. Важно, чтобы не было обезлички, чтобы каждый отвечал за свой сектор и не надеялся на соседа. Из вашей карты видно, что противотанковым орудиям неправильно определены секторы обстрела. Все они почему-то нацелены противнику в лоб. А надо расставить их так, чтобы они били немецкие танки с флангов. Начальника оперативного

отделения с представителем штаба артиллерии направить в полки. Пусть разберутся на месте, внесут коррективы.

Для принятия окончательного решения срочно потребовались дополнительные разведданные о противнике. Полковник Черняховский вызвал к себе одного из лучших разведчиков — Владимира Чижика.

— Товарищ сержант, — сказал он Чижику, — дивизии приказано удержать очень важный в стратегическом отношении город Валдай и Валдайские высоты. Гитлеровцы не собираются оставаться на зиму в низинах между озерами Селигер и Белье, непременно постараются выбить нас. Кстати, при наличии успеха, гитлеровцы будут развивать наступление на Ленинград с юга. А ленинградцам и так нелегко. Мы должны выстоять. Для этого нам очень важно иметь разведданные. Исходные позиции противник оборудовал инженерными сооружениями с применением заграждений. Пытаются убедить нас, что не собираются наступать. Но это не так. Мы многого не знаем о противнике, с которым нам предстоит иметь дело. Полковые разведчики пытались проникнуть в стан врага, но либо погибали, либо возвращались ни с чем. Те, кто вернулся, утверждают в один голос, что оборона немцев очень плотная. Не то что человек, даже мышь не проскочит. На вас, сержант, я возлагаю особую надежду. Вы не раз с честью выходили из самых трудных положений. Однако сейчас задание крайне сложное. Необходимо разведать построение обороны и группировку противника в районе села Ореховка. Подробный инструктаж получите у капитана Котова. Напарника возьмите по своему усмотрению. Что вы на это скажете?

— Ваше доверие, товарищ полковник, оправдаю, приказ будет выполнен!

— Володя, как сына прошу, будь осмотрителен. — Черняховский подошел к Чижику и обнял его…

Капитан Котов встретил сержанта приветливо. В блиндаже на сколоченном из ящиков столе капитан разложил карту и подробно рассказал Чижику о построении немецкой обороны и режиме дня вражеских часовых и наблюдателей. Вместе с Котовым они детально разработали план действий, согласовали сигналы и порядок обеспечения прикрытия. На прощание Котов крепко пожал ему руку.

Чижик выбрал в напарники Михаила Назарова, который владел немецким языком и мог при случае допросить пленного на месте. Володя с Михаилом не так давно стали друзьями. Но на фронте люди познаются быстро, и они были уверены один в другом.

С наступлением темноты разведчики, приняв все меры предосторожности, ползком преодолели нейтральную полосу и залегли в траве у проволочного заграждения перед вражескими траншеями. Все тихо. Уже собирались резать проволоку, но оказалось, метрах в десяти от них сидя дремал часовой. Пришлось отползти и делать проход в стороне.

В траншее их чуть было не обнаружили. Часовой, стоявший метрах в ста от дремавшего, пробормотал что-то по-немецки, однако тревогу поднимать не стал. Видимо, решил, что свои. После небольшой паузы разведчики осторожно вылезли из траншеи и поползли к кустам, едва проступавшим в темноте.

К утру Чижик и Назаров благополучно пробрались к Ореховке. На день они расположились в большом стоге сена на западной окраине села. Отсюда хорошо просматривались окрестности. Когда поднялось солнце, разведчики с помощью бинокля нанесли на карту много полезного для командования. Но этого было недостаточно. Во что бы то ни стало следовало захватить «языка». Однако это было нелегким делом — кругом полно вражеских солдат, и все как на ладони. Решили дождаться ночи и под покровом темноты попытаться захватить часового поближе к переднему краю.

С наступлением сумерек неожиданно повезло — какой-то обозник на телеге, запряженной парой лошадей, приехал за сеном. Взяли его без звука. Перепуганный солдат выложил все, что знал. Назаров еле успевал переводить. Казалось, все шло хорошо, но вдруг обознику, оправившемуся от испуга, удалось оглушить каской переводчика и броситься наутек. Чижик догнал его и прикончил ножом.

Опустилась ночь. Заморосил холодный осенний дождь. Это было на руку разведчикам — обратный путь мог стать более легким. Однако Черняховский не зря предупреждал, что оборона у гитлеровцев плотная. Когда до передовой оставалось километра два, разведчики наткнулись на вражеский дозор.

Далее все происходило с молниеносной быстротой. Из двух бегущих к Чижику фигур первую он сразил почти в упор.

— Уходи! Я прикрою! — крикнул сержант Назарову. — Иначе оба пропадем!

Между тем вторая фигура вынырнула метрах в десяти из-за дерева и ринулась прямо на Чижика. Короткой очередью сержант остановил ее. Среди деревьев замелькали новые тени. Несколько минут Чижику удавалось держать гитлеровцев на расстоянии. Но перезарядить последним диском свой автомат сержант не успел — на него навалились сзади. Вырвавшись, разведчик свалил одного из нападавших ударом приклада, но на него тут же

набросились еще трое, оглушили, скрутили руки. Назарову удалось оторваться от преследователей и вернуться в дивизию. Хмуро слушал командир печальный рассказ солдата. Было ясно — Чижик не вернется.

Сержанта Чижика стали допрашивать, гитлеровцы долго пытали его, но добиться своего им так и не удалось. Тогда пленного передали эсэсовцам. Чижика поместили в дальнем конце колхозного двора, за левую руку приковали цепью к воротам сарая и закрыли. Потом все куда-то заторопились и уехали.

Дневной свет, сочившийся в сарай сквозь щели в стенках, постепенно померк, вот уже и совсем стемнело. Чижик напряженно прислушивался. Судя по тому, что вблизи сарая было тихо, он понял — его оставили без охраны.

Он начал потихоньку одной рукой выламывать доски сарая в надежде освободиться. Наконец ему удалось оторвать одну из досок. Он просунул руку, ощупал цепь и р отчаянии опустил ее: конец цепи был закреплен на сварной железной раме, составлявшей основу ворот. Отсоединить ее было невозможно.

«Может быть, попытаться разбить или разорвать цепь? Ведь достаточно нарушить только одно звено», — думал он. С яростью Чижик стал колотить камнем то по одному, то по другому звену. Но вскоре с горечью отшвырнул камень.

Тяжело дыша, Чижик сидел, в отчаянии прислонясь разгоряченным лбом к шершавым доскам ворот.

«Надо же, попался, как волк в капкан, — мрачно думал он. — Тот хоть может отгрызть себе лапу и спастись. А я? Мне-то что делать?»

В ночной тишине где-то возник тукоток мотоциклетного мотора. Он слышался все явственнее. Чижик понимал, что, вернувшись, гитлеровцы продолжат допрос, снова начнутся пытки. В конце концов они замучают его до смерти. Карта с разведданными о противнике останется лежать под гнилым пнем, куда сержант успел сунуть ее, прикрывая отход Назарова. В разведку пойдут другие, опять кто-нибудь погибнет, хотя почти все уже было сделано.

Вспомнилось надменное лицо офицера-эсэсовца, руководившего допросом, его злые глаза. И увидел Чижик в этих глазах пылающие деревни, виселицы с трупами. Вспомнились бои, бесконечные и настойчивые атаки гитлеровской пехоты и танков, которые упорно двигались вперед. Мысли сержанта прервал сильный рокот мотора.

«Это за мной, — резануло в голове. — Что делать?»

Тем временем мотоцикл протрещал по улице, бегущие

отсветы луча его фары мелькнули в щелях, которых было много в дощатой стене сарая. И вдруг разведчик вспомнил о запасном ноже. Сунул пальцы свободной руки за голенище сапога. Там хранился нож, который гитлеровцы при захвате и обыске с ног до головы не обнаружили. Чижик крепко сжал рукоятку ножа правой рукой. Приложил лезвие к запястью левой, чуть ниже места, где сталь цепи охватила руку. На секунду он замер… Вспомнил о необходимости затянуться жгутом. Стал искать кусок веревки. «Иначе изойду кровью», — подумал он. Валялись тряпки, обрывки проволоки. Наконец он нащупал веревку. Разрезав ее пополам, закрутил на левой руке перед запястьем два тугих жгута.

Собравшись с духом, не давая себе времени для раздумий, Володя с силой вдавил лезвие ножа в трепетно напрягшиеся сухожилия. В глазах у него потемнело от боли. В висках шумела кровь, гулко стучало сердце. Но, превозмогая боль и подступившую слабость, он быстро отсек кисть левой руки и от страшной боли потерял сознание. Едва очнувшись, он подумал: «Теперь не терять ни минуты, чего бы то ни стоило, но вернуться к своим. Пусть комдив узнает: сержант Чижик оправдал его доверие, не дался немцам. Врете, фашисты, не так просто Чижика одолеть!»

Стук моторов вражеских мотоциклов снова стал слышен совсем близко.

Вбежав в ближайшие кусты, Чижик почувствовал, что нижний жгут развязался и опять заструилась кровь. Он, наскоро затянув жгут, придерживая изувеченную руку здоровой, поспешил к лесу, темневшему невдалеке.

Рана нестерпимо болела, словно ее жгло огнем. Едва переставляя ноги, сержант блуждал довольно долго. Еще на дальнем расстоянии Чижик разглядел передний край обороны своей дивизии. Потом он узнал ложбинку, по которой вместе с Назаровым пробирался во вражеский тыл. По ней сержант повторил весь путь до пня, где была спрятана карта, и с трудом выбрался обратно.

Каково же было удивление бойцов, когда солдаты из боевого охранения доставили в разведывательный батальон бледного, измученного Чижика! Левое запястье сержанта было обмотано окровавленной тряпкой.

Весть о возвращении Чижика быстро облетела все соединение. Доложили Черняховскому. Пока сержанта привезли на командный пункт дивизии, комдив отдал распоряжение срочно вызвать в разведывательный батальон главного хирурга медсанбата. Но было уже поздно. Сержант Владимир Чижик умер, до конца выполнив свой воинский долг.

— Разведывательные данные и топографическая карта с пометками сержанта Чижика, — рассказывал много лет спустя полковник запаса Иван Иванович Котов, — помогли Черняховскому принять правильное решение и значительно уменьшить потери. Сержант Чижик спас жизнь многим своим однополчанам, боевым товарищам.

На участке дивизии немцы натолкнулись на решительное и хорошо организованное противодействие. На этом направлении дивизией были созданы сильные инженерные сооружения и заграждения, которые считались одними из лучших в армии. В упорных боях черняховцы отстояли Валдай, заставили врага перейти к обороне, вынудили его остановиться на зиму в приозерьях Селигер и Вилье.

Командующий 27-й армией генерал-лейтенант Н.Э. Берзарин и член Военного совета бригадный комиссар М. В. Рудаков высоко оценили боевые заслуги командира дивизии полковника Черняховского. В своих реляциях они отмечали:

«…В боевой обстановке проявляет настойчивость и отвагу, решителен и бесстрашен. Достоин награждения орденом Красного Знамени…»

За оборону Новгорода, за мужество и отвагу Иван Данилович Черняховский Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1942 года был награжден орденом Красного Знамени.

В декабре 1941 года решением Ставки 28-я танковая стала именоваться 241-й стрелковой дивизией и вошла в состав 34-й армии, которой теперь командовал Берзарин.

241-я стрелковая дивизия приняла активное участие в зимних наступательных операциях Северо-Западного фронта. Соединения 3-й ударной армии генерал-лейтенанта М.А. Пуркаева и 11-й армии генерал-лейтенанта В.И. Морозова в начале января прорвали оборону противника южнее озера Ильмень и начали стремительно продвигаться к Старой Руссе. Полки Черняховского нанесли главный удар в направлении на Жабье, наступая по льду озера Селигер. Ожесточенные бои развернулись на его ледяной равнине. Под сильным огнем противника наша пехота залегла на льду. Казалось, не было такой силы, чтобы вновь поднять людей в атаку. Приказав артиллерии усилить огонь по врагу, Черняховский с автоматом в руках появился среди залегших под огнем бойцов. Вслед за комдивом воины лавиной бросились в атаку и овладели опорными пунктами противника на противоположном берегу. По глубокому снегу они продвинулись еще на двенадцать километров, на окраине села Монакова

захватили штаб 415-го немецкого пехотного полка и ночью полностью овладели селом Монаковом.

20 февраля войска Северо-Западного фронта окружили демянскую группировку противника: семь дивизий 16-й немецкой армии генерал-полковника фон Буша. Однако 21 апреля немецко-фашистскому командованию удалось прорвать фронт обороны 34-й армии генерала Берзарина и соединиться с окруженной группировкой. Попытки частей 11-й и 1-й ударной армий ликвидировать образованный гитлеровцами так называемый «рамушевский коридор» успеха не принесли.

241-я стрелковая дивизия вошла в состав соседней 53-й армии и на широком участке перешла к жесткой позиционной обороне.

За успешное руководство боевыми действиями по окружению частей 16-й немецкой армии в районе Демянска полковник Черняховский 3 мая 1942 года был награжден вторым орденом Красного Знамени, а 5 мая ему было присвоено воинское звание генерал-майора.

Опыт боевых действий по окружению демянской группировки противника не прошел для Черняховского даром. В руководстве войсками в последующих боях и операциях для него стало непреклонной закономерностью: сосредоточение сил на узком участке прорыва и создание подвижных резервов для развития наступления в глубине обороны противника.

В июне 1942 года генерал-майора Черняховского вызвали в Москву. Иван Данилович приказал адъютанту Комарову и водителю Виноградову срочно подготовиться к отъезду.

…На опушке леса выстроились подразделения штаба дивизии, офицеры, Черняховский обошел строй.

— Прощайте, дорогие друзья, боевые товарищи! — сказал он, и все заметили, как взволнован комдив. — Берегите славные традиции дивизии!..

…Москва выглядела сурово. При въезде в город Иван Данилович увидел на дороге надолбы и противотанковые рвы. Дома, перекрашенные в серый цвет, казались мрачными. Везде еще оставались следы тех дней прошлой осени, когда враг стоял на подступах к столице.

В Главном автобронетанковом управлении Красной Армии Черняховскому вручили предписание и предложили с первым самолетом лететь на новое место назначения в район Воронежа.

Семья Черняховского после эвакуации находилась в Москве. Он не смог предупредить их о своем приезде телеграммой и явился домой неожиданно. Жена и дети с радостью встретили его. С восхищением рассматривали ордена на его груди,

генеральские звезды на петлицах.

Иван Данилович недолго побыл с семьей. На другой же день Анастасия Григорьевна, Нила и Алик проводили его на аэродром.

Часть третья
КОМАНДУЮЩИЙ АРМИЕЙ

1

К июню 1942 года немецко-фашистские войска полностью оккупировали Прибалтику, Белоруссию, Украину, западные и южные районы РСФСР. Советский Союз был лишен угля Донбасса, марганца Никополя, железной руды Кривого Рога, а также богатейших сельскохозяйственных районов Украины. Враг находился менее чем в пятистах километрах от Москвы. Войска фельдмаршала фон Кюхлера стояли у ворот Ленинграда. Фельдмаршал фон Клейст развивал наступление на Кавказ. Главные силы группы армий «Юг» продвигались к Воронежу.

Гитлеру казалось, что фашистская Германия действительно стоит на пороге мирового господства. В немецком генеральном штабе разрабатывались планы еще более решительных действий.

Стремясь осуществить свои бредовые замыслы, Гитлер летом 1942 года главный удар нанес на юго-западе Советского Союза. Западные союзники не спешили с открытием второго фронта в Европе и тем самым дали возможность немецко-фашистскому командованию перебросить из Франции на Восточный фронт дополнительно двенадцать дивизий.

Вооруженные силы фашистской Германии все еще продолжали пользоваться некоторыми преимуществами нападающей стороны. Однако провал доктрины блицкрига в сорок первом году и огромные потери в сорок втором оказывали влияние на многих, кто до этого во всем слепо верил своему фюреру. С каждым днем увеличивалось число генералов, офицеров и солдат немецко-фашистской армии, которые уже не верили в молниеносную победу. Даже такой известный военачальник, как фельдмаршал Вицлебен, сомневался в победе вермахта и не разделял авантюристических планов Гитлера (впоследствии, после неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля 1944 года, фельдмаршал Вицлебен был казнен).

Благодаря героическому труду советских людей, мобилизующей и руководящей роли партии военная промышленность набирала высокие темпы и производство военной техники в 1942 году значительно возросло: по танкам в 3,7 раза и самолетам в 3,3 раза. Вооруженные Силы Советского Союза наращивали свою мощь. На фронте к руководству выдвигались смелые, энергичные генералы и офицеры, проявившие свои способности на поле боя. Н.Ф. Ватутина назначили командующим войсками Воронежского фронта, И.Д. Черняховского — командиром вновь сформированного 18-го танкового корпуса. Соединение, командование которым

Черняховский летел принимать, состояло из трех танковых и одной мотострелковой бригады и было укомплектовано первоклассными танками: тридцатьчетверками и КВ.

К концу июня 1942 года на юго-западном крыле советско-германского фронта сложилась напряженная обстановка. Враг сосредоточил крупные силы и развернул наступательную операцию, носившую условное название «Блау» («Синяя»). Общий замысел ее сводился к тому, чтобы нанести два рассекающих удара по сходящимся направлениям: один — из района северо-восточнее Курска на Воронеж и другой — из района Волчанска на Острогожск. Целью операции было разгромить советские войска, оборонявшиеся на Воронежском направлении, и захватить плацдарм на левом берегу Дона.

Утром 28 июня армейская группа «Вейхс» перешла в наступление на левом крыле Брянского фронта между верховьем реки Сосны в районе Щигры, имея в своем первом эшелоне семь дивизий, поддерживаемых самолетами 4-го воздушного флота. Такому количеству вражеских войск противостояли лишь три наши стрелковые дивизии, одна — 13-й армии и две — 40-й армии Брянского фронта. Они не смогли отразить этого удара и понесли большие потери.

29 июня противник на своем главном направлении вышел к рубежу реки Кшени на 40-километровом участке. Вражеские танковые дивизии вступили в бой с частями 16-го танкового корпуса и стрелковыми дивизиями, составляющими второй эшелон 40-й армии.

Немецко-фашистское командование подтянуло сюда моторизованные и пехотные дивизии для развития успеха в направлении на Горшечное, Старый Оскол. Создалась явная угроза окружения войск левого крыла 40-й и правого крыла 21-й армий. В ночь на 30 июня Верховный Главнокомандующий вызвал по ВЧ командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова и потребовал доложить обстановку.

— Товарищ Сталин, враг прорвал оборону на левом крыле силами двух танковых и до пяти пехотных дивизий, их прикрывают с воздуха самолеты 4-го воздушного флота! Прошу отвести войска левого крыла 40-й армии на рубеж Быстрин — Архангельское.

— Мы считаем, что отвод армии будет опасен, так как рубеж этот не подготовлен и отвод превратится в бегство. Хорошо бы, если из района Оскол один танковый корпус, например корпус Мишулина (4-й ТК), направить для удара на Горшечное, а танковый корпус Фекленко (17-й ТК) направить с севера на юг — тоже для удара на Горшечное. Все это против вражеских танков,

занявших Быково. Сюда же надо направить корпус Павелкина (16-й ТК), рядом с Фекленко, или иметь его во втором эшелоне. — Немного помолчав, Сталин продолжил: — К тому же 18-й танковый корпус генерала Черняховского в эшелонах, к концу дня второго июля он поступит в ваше распоряжение.

Тяжелая обстановка сложилась и на правом крыле Юго-Западного и на левом крыле Брянского фронтов. Вскоре 6-я армия противника перешла в наступление из района Волчанска, прорвала оборону наших войск и вклинилась на глубину до восьмидесяти километров. Ставка Верховного Главнокомандования, определив направление главного удара противника, стала выдвигать свои резервы в район Воронежа. Эшелоны с соединениями 18-го танкового корпуса спешили на Брянский фронт.

Командование корпусом временно, до прибытия Черняховского, было возложено на полковника Н.Ф. Завалишина.

В ночь со 2 на 3 июля обстановка на Воронежском направлении резко ухудшилась. Все резервы фронта к этому времени были уже втянуты в бой, а противник ввел в сражение отборные танковые и моторизованные дивизии. Вражеские войска вышли к Дону и к подступам Воронежа. Исход сражения зависел от стойкости войск, мужества и умения командования принимать правильные решения и твердо проводить их в жизнь.

Генерал Голиков вводил в сражение соединения 18-го корпуса по частям, по мере подхода железнодорожных эшелонов. 18-я мотострелковая бригада заняла оборону севернее Воронежа; 180-я танковая бригада развернулась на рубеже села Олень Колодезь; 110-я танковая бригада — южнее Воронежа; 181-я танковая бригада должна была уничтожить противника, вклинившегося юго-западнее Воронежа.

К приезду Черняховского бригады корпуса вступили в столкновение с противником. Стрелковые части, в тяжелых боях отстаивавшие правый берег Дона, с надеждой встречали прибывшие танковые соединения.

В те дни в корпус приехал член ЦК Коммунистической партии Е.М. Ярославский. Командование корпуса решило провести митинг делегатов от соединений, на нем выступил товарищ Ярославский.

С волнением слушали воины слова ученика и соратника Ленина. Обращаясь к танкистам, он сказал:

— …Верные сыны Страны Советов! Центральный Комитет Коммунистической партии просит вас удержать Воронеж до подхода резервов… Родина в опасности. Коварный враг бросил на Воронеж свои отборные танковые дивизии. Гитлеровские

головорезы должны быть остановлены. Ни шагу назад! История по достоинству оценит ваш ратный подвиг во славу Отечества…

Танкисты, воодушевленные призывом Центрального Комитета партии, дали клятву остановить врага, не допустить его к Воронежу.

4 июля на окраине Воронежа в штабном автобусе над оперативной картой склонились Черняховский и комиссар корпуса полковник С.К. Романов. Оценив обстановку, уточнили направление главного удара противника.

— Командование развернуло наш корпус на слишком широком фронте, — обратился Черняховский к Романову. — Бригады растянуты в ниточку, и радиосредства на таких больших расстояниях вряд ли позволят устойчиво управлять соединениями. Гитлеровцы наращивают удары против 40-й армии клиньями, в острие каждого клина отборные силы, и прежде всего танки. К тому же в воздухе господствует немецкая авиация. Противник уже вбил танковый клин в оборону 40-й армии. Чтобы немецкие танки не раскололи нашу оборону, нужен мощный контрудар. Ведь клин клином вышибают. Давайте предложим командованию свой вариант использования нашего корпуса.

— На мой взгляд, обстановка сейчас не позволяет нам планировать наступательные действия. Надо во что бы то ни стало остановить врага, не допустить его продвижения в глубь страны. То, что корпус растянули на широком фронте, очевидно, неизбежно. Такова обстановка.

— Нет, товарищ полковник, — не согласился Черняховский, — слабой обороной по всему фронту мы только облегчим задачу противнику. Ему не составит большого труда проткнуть нашу оборону бронированным кулаком. Можно растянуть, если это необходимо, стрелковую дивизию. Но зачем же танковый корпус лишать его преимуществ? А преимущества эти, как вам известно, в массированном его использовании.

— Товарищ генерал, я не могу выступать с критикой решения командующего или с новыми предложениями.

— Жаль, что мне приходится принимать командование корпусом в то время, когда его соединения уже пятый час ведут боевые действия. Ломать ранее принятое решение и план боя сейчас, конечно, трудно.

Сражение принимало все более ожесточенный характер. Сотни фашистских стервятников непрерывно бомбили древний Воронеж. Дым пожарищ клубился над городом. Гитлеровцы бешено рвались к Дону. Ценой огромных потерь им удалось выйти в район Воронежа и на подступы к Сталинграду. Здесь в те жаркие дни 1942 года, на рубеже Волги и Дона, решалась судьба

нашей Родины.

Бои шли уже на окраинах города. 6 июля перед рассветом противник ввел в сражение новые резервы. Многое зависело в те трудные часы от умелых действий танкового корпуса.

Комкор уточнил задачу командирам 181-й и 110-й танковых бригад: фланговыми контратаками уничтожить танки и мотопехоту противника в районе совхоза «Ударник» и поселка Малышева. На рассвете, в три часа тридцать минут, тридцатьчетверки на повышенных скоростях напрямик через поле пшеницы помчались на врага, ведя огонь на ходу. Наши танки наступали ромбом. Такой боевой порядок позволял наращивать силы по мере выяснения обстановки. Машина комкора шла вслед за первым эшелоном. Черняховскому хотелось досконально знать, как ведет себя противник. Но неровная местность мешала наблюдению. И только когда его танк выскочил на бугор, Черняховский увидел около двадцати немецких танков на фронте примерно в два километра, а на левом фланге — до батальона мотопехоты противника. С командиром корпуса шли четырнадцать танков. Но ни один из них направить на левый фланг против мотопехоты противника было невозможно, их было мало против двадцати идущих на сближение вражеских танков. Не решился Черняховский ввести в бой и резерв, который мог понадобиться в более трудный момент, на случай отражения атаки второго эшелона танков противника. Иван Данилович нашел все же выход: быстро перенацелил три артиллерийских дивизиона на подавление мотопехоты противника.

В это время в воздухе завыли вражеские пикирующие бомбардировщики. Боевой порядок танков — ромб — растянулся. Бомбардировщики, свалив свой груз, улетели. Между нашими и немецкими танками оставалось лишь каких-нибудь триста метров. Еще минута, другая, и начнется ближний бой — яростный, со стрельбой почти в упор. Некоторые тридцатьчетверки пошли на таран. Черняховский видят в перископ: искры от удара металла о металл посыпались на землю. Машину комкора обходят танки справа и слева. С обеих сторон грохочет артиллерия. Горит немецкий танк T-IV, только что подбитый самим командиром танковой бригады. Боевые порядки наших и немецких танков перемешались. Машины вспыхивают одна за другой, горят наши и немецкие танки.

Враг в решающий момент ввел в бой еще около двадцати танков. Черняховский решил резервным батальоном контратаковать противника с правого фланга. Удар оказался столь внезапным, что боевой порядок немецких танков сразу же распался. Им стало трудно вести огонь — они мешали друг другу.

На поле боя осталось еще восемь пылающих машин врага.

Увидев, как отступают танки дивизии «Великая Германия», командир бригады приоткрыл люк. И эта неосторожность стоила ему жизни. Черняховскому пришлось взять на себя командование бригадой.

Он решил преследовать гитлеровцев.

— Вперед! — скомандовал по радио Черняховский.

Его танк опередили другие. И вдруг вражеский снаряд ударил в бортовую броню. Перед глазами Ивана Даниловича взметнулись лиловые искры. Ему казалось, что тело проваливается, теряет вес. Голова кружилась. Он силился и не мог открыть глаза.

…Черняховский пришел в себя, когда Комаров стал вносить его в санитарную машину. В медсанбате Черняховскому оказали первую помощь. Но через два часа Иван Данилович уже оделся и вызвал к себе адъютанта.

— Есть связь с корпусом?

— Какая связь? — удивился Комаров. — Приказано вас госпитализировать!

— Здорово! — усмехнулся Иван Данилович. — Все по нотам расписали! А кто организует бой на завтра? Немедленно заправляйте машину.

Под Воронежем продолжались ожесточенные сражения. Ставка Верховного Главнокомандования в целях стабилизации обороны на юго-западных подступах к Москве решила нанести контрудар силами резервных соединений Брянского фронта из района южнее Ельца в тыл воронежской группировки противника.

Оперативное командование вермахта не рассчитывало на такое дерзкое решение со стороны советского командования и было вынуждено снять с Воронежского направления 24-й танковый корпус, три пехотные дивизии и направить их в район южнее Ельца.

7 июля 181-я танковая бригада продолжала удерживать западную окраину Воронежа. Противник вел сильный артиллерийский огонь и продолжал вводить в бой все новые и новые силы. Положение бригад корпуса Черняховского становилось все более трудным. Артиллерия, которая не была подчинена танкистам, оставила танки без поддержки и, покинув город, отошла на восточный берег реки Воронеж.

Черняховский, еще не оправившийся после контузии, вновь взял управление войсками корпуса в свои руки, добился поддержки 181-й танковой бригады огнем гвардейских минометов и дальнобойной артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования.

Командуя танковым корпусом, Черняховский столкнулся с

массой непредвиденных обстоятельств. Не по его желанию и не по его вине корпус вводили в бой по частям. 181-я и 110-я бригады действовали одни против мотопехоты противника западнее и юго-западнее Воронежа, в то время как 18-я мотострелковая бригада по распоряжению штаба фронта вела боевые действия в другом направлении, севернее Воронежа. Ограниченная дальность действий радиостанций не обеспечивала управления войсками, корпус не имел зенитных средств прикрытия с воздуха.

В ожесточенной схватке с врагом победило мужество советских воинов. Семь суток черняховцы днем и ночью стойко отражали натиск танковых дивизий врага.

Все попытки немцев форсировать реку Воронеж и развить наступление на восток были отражены контратаками танкистов генерала Черняховского и пехоты генерала Москаленко. Отборные танковые дивизии немцев, не достигнув цели, повернули на юг и двинулись вдоль Дона.

Для удобства управления войсками 7 июля был создан Воронежский фронт под командованием генерал-лейтенанта Филиппа Ивановича Голикова. С 14 июля фронтом стал командовать генерал-лейтенант Николай Федорович Ватутин.

Лучи жаркого июльского солнца проникали через открытую дверь в блиндаж командного пункта корпуса, где, укутавшись в кавказскую бурку, лежал больной Черняховский. Зуммерили телефоны. Адъютанту было запрещено пропускать в блиндаж тех, кто непосредственно не связан с управлением войсками. Но корпусной врач все же прошел к Черняховскому. Он позвонил начальнику медицинской службы армии: «У командира корпуса приступ малярии, температура 40,4 градуса, состояние больного кризисное, эвакуироваться отказался».

Черняховский, напрягая все силы, приказывает по телефону:

— Командиру артбригады открыть сосредоточенный огонь по высоте Фигурной юго-восточнее Подклетного. Начальнику разведки уточнить, подавлены ли закопанные танки и противотанковые пушки противника у перекрестка дорог в районе Подклетного… Огонь продолжать, пока танки не подойдут к рубежу…

Корпусной врач не знал, как же приступить к разговору с Черняховским.

— Товарищ генерал, командарм приказал эвакуировать вас в госпиталь.

— Никуда я не поеду, пока бой не будет закончен. — Генерал

вновь взялся за телефонную трубку.

Артиллеристы сосредоточенным огнем парализовали противотанковую оборону врага. Танкисты Черняховского прорвали оборону и, уничтожив сотни фашистских солдат и офицеров и большое количество боевой техники, перерезали шоссе между Воронежем и Подклетным. Однако наступление, проходившее при равном соотношении сил, не получило дальнейшего развития.

Задача, поставленная 60-й армии — выбить врага из Воронежа, — осталась невыполненной. Все это тревожило командующего фронтом. Чтобы разобраться с положением дел на месте, он приехал к Черняховскому, которого знал еще по Северо-Западному фронту. Ватутин начал с того, что более всего его беспокоило:

— Товарищ генерал, помните, как на северо-западе вы жаловались, что нет танков. Теперь они у вас есть, но где же успехи?

— Товарищ командующий! Дело не только в нас, командование 60-й мало заботится о том, чтобы обеспечить действия корпуса артиллерией и поддержать авиацией. Командарм продолжает, по-видимому, считать, что если танкисты в броне, то им не нужно помогать огнем. Танковые бригады несут потери с флангов, особенно от огня противотанковой артиллерии врага. Поэтому они не могут прорваться в глубину обороны противника.

— Только ли эти причины мешают решительно действовать?

— Есть и другие трудности. По штатной структуре корпуса не предусмотрена зенитная артиллерия. Танкисты становятся беспомощными, когда на них пикируют бомбардировщики врага. Ну и еще, чего греха таить, признаюсь, что у наших командиров бригад, да и командования корпуса, нет достаточного опыта в управлении таким большим количеством танков в бою. Самая же главная беда наша в том, что действуем мы пока по старинке, плохо учитываем опыт войны в применении массированного удара танков на направлении прорыва. Бригады разбросаны, и мне пока не дают возможности собрать их в единый кулак.

— Иван Данилович, Военный совет фронта разберется во всем и поможет вам. Но и вас прошу в кратчайший срок подучить командный состав корпуса и бригад грамотно управлять танковыми соединениями и частями.

— Сделаем все, что зависит от нас.

Ватутин и Черняховский предприняли ряд мер, чтобы в кратчайший срок повысить боеспособность корпуса. Несмотря на все трудности, 18-й танковый корпус совместно с соединениями

40-й и 60-й армий остановили дальнейшее продвижение врага под Воронежем. Боевые действия, проведенные Черняховским летом сорок второго года, выдвинули его в ряд талантливых молодых генералов, способных плодотворно управлять войсками, оснащенными современной боевой техникой.

Вскоре к Черняховскому приехал представитель штаба фронта с предложением от генерала Ватутина принять командование 60-й армией. Иван Данилович был серьезно озадачен столь неожиданным для него оборотом событий. Обстановка так сложилась, что вскоре Ватутин сам заехал к Черняховскому. Поздоровавшись, он сказал ему с улыбкой:

— Так что же, товарищ генерал, если командующий фронтом сам приехал просить вашего согласия, это, наверное, что-то значит?

— Товарищ командующий! Я и месяца не командую корпусом. К тому же такое быстрое мое продвижение по службе может вызвать у других обиду.

— Иван Данилович, месяц на войне — это немало! И нам сейчас не время заботиться о самолюбии кого бы то ни было. Враг навязал нам жестокие и суровые условия борьбы. Война требует от командующего армией прежде всего полководческих способностей, знания и твердого характера. Нам кажется, мы не ошибемся, выдвинув вас на эту должность. Если бы мы говорили об этом на Северо-Западном фронте, я согласился бы подождать. А сейчас не соглашусь.

— Николай Федорович, по образованию да и по призванию я танковый командир.

— Как танковый командир вы блестяще подтвердили свою репутацию в боях под Шяуляем, на Западной Двине и здесь, под Воронежем. Но ведь сначала-то вы были артиллеристом, а звание генерала получили от инфантерии! Так какой же вы танковый командир? Уж я-то знаю, что в боях за Новгород ваша танковая, сражаясь без танков, показала железную стойкость, геройски сражалась!

На этом разговор был прерван: из штаба 60-й армии передали, что командарм срочно вызывает командира корпуса на Военный совет. Ватутин попрощался с Черняховским и уехал к себе в штаб фронта.

На Военном совете все уже были в сборе, когда Черняховский доложил о своем прибытии. Перед собравшимися за столом сидел командующий армией генерал-лейтенант М.А. Антонюк, которого Черняховский знал как крупнейшего руководителя — начальника

пехоты Красной Армии. Рядом с ним член Военного совета армейский комиссар второго ранга Ф.Ф. Кузнецов. Антонюк жестом предложил Черняховскому сесть.

— Товарищи, на повестке дня один вопрос — доклады командиров соединений о причинах неудач в июльских наступательных операциях. — Генерал Антонюк, сделав небольшую паузу, продолжал: — Военный совет ждет от вас самокритичных выступлений. Генерал Черняховский, доложите, как это случилось, что мы остались без танкового корпуса!

Постановка вопроса командармом и недавний разговор с Ватутиным никак не укладывались в голове Черняховского. От отчетливо представил себе, что ожидает командира, потерпевшего поражение. В душе он не соглашался с заявлением Антонюка. Ведь немцы под Воронежем понесли гораздо большие потери и корпус удержал восточную часть Воронежа.

Внезапно открылась боковая дверь зала заседания, вошел лейтенант с узла связи и доложил:

— Товарищ командующий! Вас вызывает к аппарату ВЧ товарищ Сталин.

Командарм быстро вышел за связистом. В зале притихли. Молчание продолжалось недолго, через несколько минут Антонюк вернулся и сообщил:

— Генерал Черняховский, вас вызывает к аппарату товарищ Сталин.

Антонюк прошел к столу президиума и сел не на свое председательское место, а в сторонке, рядом с членом Военного совета армии.

В зале заседания стояла тишина. Ждали возвращения Черняховского. И когда он прошел к столу и занял место председателя Военного совета, все поняли, что произошло.

— Товарищи! — обратился ко всем Черняховский. — Приказом Верховного Главнокомандующего я назначен командующим 60-й армией. — Помедлив секунду, сказал: — Военный совет продолжает свою работу. Слово для справки предоставляется генерал-лейтенанту Антонюку.

— Видимо, всем ясна суть дела, — привстал Антонюк, — меня отзывают в Москву.

— Считаю своим долгом напомнить Военному совету, что Красная Армия испытывает трудности на юге страны, — продолжал новый командарм. — Враг захватил Донбасс, угрожает Сталинграду и Кавказу. Сталинградский фронт втянулся в ожесточенные сражения на подступах к Волге. В этой обстановке мы должны, как никогда, активизировать боевые действия, чтобы не дать врагу снять ни одной дивизии перед фронтом нашей

армии для переброски на излучину Дона. Полагаю — всем понятно, что может случиться со Сталинградом, если мы, а вместе с нами и наши соседи, не выполним поставленную Ставкой задачу.

Черняховский предоставил слово командующим родами войск армии. Разговор шел об организации взаимодействия в наступлении. Затем Иван Данилович внимательно выслушал доклад командира 232-й стрелковой дивизии и сообщения командиров других соединений.

2

На молодого командарма свалилось множество забот. К концу июля в состав его армии входило семь стрелковых дивизий, три танковых корпуса и две истребительно-противотанковые бригады. Анализируя их боеспособность, Черняховский пришел к выводу, что подчиненные ему войска нередко ведут боевые действия теми же методами и способами, которыми пользовались еще в гражданскую войну. Личная отвага, удаль, рукопашная схватка, воспетые в народной песне… Бойцы и командиры искали близкой встречи с врагом, а противник, не дожидаясь рукопашной, открывал губительный огонь.

Иван Данилович еще в первые месяцы войны разгадал многие тактические приемы ведения боя противником. Но чтобы научить командиров соединений противопоставлять врагу свой маневр, требовалось время.

В те дни Военный совет армии проводил важные мероприятия, направленные на укрепление боеготовности войск. Были выявлены серьезные недостатки в 107-й стрелковой дивизии, которая находилась в резерве армии. В течение трех дней вновь прибывшим воинам оружие не выдавалось, подразделения не пополнялись боеприпасами.

Командиру и комиссару дивизии Военный совет армии объявил строгий выговор с предупреждением и потребовал от них немедленно привести дивизию в полную боевую готовность.

— Федор Федотович, удобно ли свою деятельность новому командующему начинать с выговоров? — советовался Черняховский с членом Военного совета, прежде чем подписать приказ.

— Удобства за счет интересов Родины нам не нужны, — ответил на это Кузнецов. — Я тоже начинающий, только на неделю раньше приступил к исполнению своих обязанностей. Разгильдяйству у нас пощады не будет.

— После приказа нам надо обязательно побывать в 107-й, надо подсказать работникам политотдела дивизии, как лучше организовать партийно-политическую работу, лучше подготовить людей к предстоящим схваткам.

— Помочь, конечно, надо, — согласился Кузнецов. — И не только командованию 107-й. Прежде всего следует поднять роль штабов и политических отделов дивизий.

Черняховского очень беспокоило то, что некоторые командиры соединений пассивны в решении боевых задач, полагаются только на указания свыше, не проявляют должной

инициативы. Командарм больше половины своего времени находился в войсках, оказывая помощь на местах, передавая опыт подчиненным.

Под Воронежем немецко-фашистское командование крупных наступательных действий не предпринимало. Решающие события на советско-германском фронте развернулись под Сталинградом. Красная Армия оказывала гитлеровским войскам упорное сопротивление, в результате в июле враг не смог с ходу прорваться к Сталинграду и был вынужден в августе готовить новое наступление. Оперативное командование вермахта планировало концентрическим ударом с запада и с юга силами 6-й армии генерал-полковника Паулюса и 4-й танковой армии генерал-полковника Гота взять в клещи и разгромить соединения 62-й и 64-й армий, захватить город.

Войскам генерала Паулюса лишь в августе удалось выйти к Волге севернее Сталинграда, этим самым противник создал непосредственную угрозу городу, отрезав соединения 62-й армии от остальных сил Сталинградского фронта. На этом участке развернулись кровопролитные сражения. Советские воины стояли насмерть на подступах к крепости на Волге. Сталинградцы, несмотря на постоянные авиационные налеты противника, каждые три дня продолжали выпускать для Красной Армии столько орудий и танков, что позволяло вооружить артиллерийскую дивизию и танковый батальон. Советские люди в Сталинграде продемонстрировали непоколебимое мужество и умение в любых условиях, перед лицом самых невероятных трудностей противостоять врагу.

Судьба Сталинграда зависела не только от усилий войск, сражавшихся под его стенами, но и от тех комплексных мероприятий, которые проводила Ставка: подвоз пополнения, оснащенного боевой техникой, созданной руками советских людей в глубоком тылу, и от результатов активных боевых действий на соседних фронтах. Очередная попытка оперативного командования вермахта перебросить хотя бы одну пехотную дивизию из состава 2-й армии с Воронежского направления под Сталинград вновь была сорвана войсками Черняховского и Москаленко.

Командующему 2-й немецкой армией генералу фон Зальмуту было приказано предпринять активные действия. В августовское раннее утро разрывы множества снарядов и бомб нарушили тишину в полосе армии Черняховского. Главный удар враг наносил по сибирской 232-й стрелковой дивизии полковника И.И. Улитина. Молчавшие окопы боевого охранения дезориентировали гитлеровцев. Их танки стремительно вырвались вперед. Но вскоре

они наткнулись на мощный огонь артиллерии дивизии и повернули назад. С флангов по ним ударила артиллерия стрелковых полков. Надежды, которые возлагало немецкое командование на свои танки, не оправдались.

В этих боях также отличились части 303-й стрелковой дивизии. Гитлеровцы, не выдержав стремительного натиска сибиряков, оставили свою первую позицию. На НП этой дивизии, вблизи села Подгорного, приехали командарм и член Военного совета. Оттуда они стали наблюдать за полем боя. Противник вел ураганный огонь по нашим позициям, вокруг рвались мины и снаряды. Очередным, залпом гитлеровцы накрыли НП. Вражеская мина упала под ноги командарму. Кузнецов успел занять укрытие. Черняховекий, понимая всю безвыходность ситуации, внешне спокойно продолжал наблюдать за картиной боя, только лоб его покрыла холодная испарина. К счастью, мина зарылась в песок и не разорвалась.

— Товарищ полковник, — обратился Черняховский к командиру дивизии, громко распекавшему в это время по телефону своего командира полка, — стыдитесь! Вы же полковник… Раз и навсегда запомните, товарищ полковник, что советский командир не привык, чтобы его оскорбляли. Он не потерпит этого. Умейте завоевывать авторитет у подчиненных примером личного мужества и разумностью отдаваемых вами распоряжений, а руганью, кроме обиды и раздражения, ничего не добьетесь. Вызовите ко мне командующего артиллерией дивизии и подумайте над тем, что я вам сказал.

Черняховский распорядился срочно подавить батарею врага.

Когда вражеские батареи были подавлены, Иван Данилович поехал на командный пункт дивизии. Вездеход мчался по проселочной дороге. Машину вел сам Черняховский, рядом с ним сидел член Военного совета Кузнецов. Впереди показался опущенный шлагбаум. Иван Данилович нагнал на тормоза и вместе с Кузнецовым вышел из машины. Вдруг из леса появился медведь и пошел прямо на них. Кузнецов схватился за пистолет.

— Федор Федотович, не вздумайте стрелять! Не попадете — он нас разорвет.

— Он же идет прямо на нас!

А медведь, не торопясь, переваливаясь с боку на бок, подошел к ним уже совсем близко и, остановившись, исподлобья смотрел на них.

Косолапый подошел вплотную к Ивану Даниловичу и стал обнюхивать его, а затем поднялся на задние лапы и стал урчать. В это время к ним спешил с рапортом па-начальник штаба дивизии.

— Товарищ подполковник, — сказал ему Черняховский, —

командира дивизии не можете обеспечить связью с артиллерией, а на КП цирк завели!

Начальник штаба, смутившись, стал докладывать:

— Товарищ командующий, дивизия формировалась в Сибири, земляки, провожая нас, подарили медвежонка. Вот он п растет у нас. Солдаты его очень любят. Мишка не боится ни бомбежек, ни артналетов, ведет себя смело.

— Товарищ подполковник, доложите, почему у вас нет связи с артиллерийским полком?

— Противнику удалось мощным огневым налетом одновременно нарушить связь как по линии НП, так и по линии КП. Но пока вы ехали к нам, связь уже восстановили.

Черняховский и Кузнецов в этот день побывали еще в нескольких дивизиях. Подводя итоги боевым действиям под Воронежем, они пришли к выводу, что артиллерия слабо привлекалась со второстепенных направлений а интересах войск, действующих на главном направлении. Реактивная артиллерия не участвовала в подавлении противника в траншеях. Черняховский указал на это командующему артиллерией армии генералу Баренцеву.

Варенцов был старше Черняховского. Он держался с апломбом и о полученных от командарма указаниях со своими комментариями незамедлительно доложил по инстанции.

Начальник реактивной артиллерии фронта после этого выразил Черняховскому свое неудовлетворение:

— Чем объясняется ваше вмешательство в дела артиллерии? Варенцов — крупный специалист, всегда пользовался доверием командующих армиями. Зачем вы пытаетесь нас подменять?

— Речь идет не о подмене, а более эффективном использовании артиллерии, — ответил Черняховский.

— Ваши указания противоречат этому. Если вы намереваетесь и впредь вмешиваться в наши функции, мы вынуждены будем доложить командующему артиллерией и начальнику штаба фронта.

— Докладывать можете, но артиллерия, приданная армии, целиком и полностью подчиняется командарму. К тому же фронтовая артиллерия должна работать на общевойсковое объединение.

О том, что генерал Варенцов недоволен назначением молодого генерал-майора Черняховского на должность командующего армией, стало известно члену Военного совета Кузнецову. Он серьезно поговорил с Варенцовым.

Отношения Черняховского с Варенцовым быстро нормализовались. Иван Данилович понимал и умел прощать

слабости, присущие тем или иным людям. При общении с подчиненными он был исключительно тактичен. Ему в этом помогали большой кругозор, хорошее знание военного дела, храбрость, умение держать себя в коллективе, чуткий подход к людям.

К концу августа враг, не считаясь с огромными потерями, прорвался к Сталинграду, в городе шли ожесточенные бои. Под Воронежем наступило затишье, стороны вели позиционную войну. В Резерв Ставки из состава 80-й армии убыли 159 и 161-я стрелковые дивизии и все три танковых корпуса. Черняховский, докладывая командующему фронтом Ватутину о состоянии армии, попросил времени на подготовку к приведению в порядок частей и соединении, уставших от непрерывных наступательных боев с упорно обороняющимся противником.

— Для многих все-таки непонятна сущность наших наступательных действий, которые не дают непосредственного успеха, — докладывал командарм. — Противник успел создать прочную оборону. Данные разведки дают основание предполагать, что немцы готовят наступление с целью расширить воронежский плацдарм и помешать нам снять оттуда дивизии, чтобы перебросить их к Сталинграду.

— Вы предлагаете временно прекратить наступательные действия местного значения, так называемые отвлекающие удары? — спросил Ватутин. — Я над этим думал и с вами, Иван Данилович, согласен…

Вскоре войскам Черняховского было приказано прочно удерживать занимаемые рубежи и продолжать совершенствовать оборону в инженерном отношении.

Черняховский и Кузнецов с утра до вечера находились в войсках. Снова они в штабе 303-й дивизии. На этот раз медведь не встречал их у шлагбаума. Они, не договариваясь, спросили:

— Что случилось с медведем?

— Увы… пропал.

— Значит, проворонили? Мне кажется, только танкисты могли увести. Федор Федотович! — обратился Черняховский к Кузнецову. — Вы будете в штабе 18-го танкового корпуса. Передайте мой приказ генералу Корчагину вернуть медведя. Сибирякам без косолапого скучно.

Вскоре вездеход доставил члена Военного совета армии на КП корпуса. Федор Федотович, выходя из машины, дал понять встречавшему комиссару корпуса Романову, что официального рапорта он принимать не желает.

— Где медведь? — строго спросил он.

Романов смутился от неожиданного вопроса.

— Чтобы немедленно медведь был доставлен на КП 303-й. Через час доложите командующему об исполнении.

Сибиряки обрадовались возвращению медведя, и в честь него баянист дивизионного клуба исполнил «Калинку». Мишка урчал от удовольствия.

Немецко-фашистское командование, не добившись успехов в дневных наступательных боях, решило достичь поставленной цели ночными атаками. Это было следствием того, что некоторые наши части не только сами не проводили активных ночных действий, но и не готовились к отражению действий противника ночью…

Приказ Черняховского, основанный на тщательном изучении действий противника, оказал тогда решающее влияние на подготовку войск его армии к ведению боя в ночных условиях.

Во всем, что касалось ведения боев, в те тяжелые для нашей Родины дни, летом сорок второго года, Иван Данилович искал новое и делал все для того, чтобы передовым опытом ведения современной войны в кратчайший срок овладели все командиры, все воины его армии. Распространение новых способов ведения боя стало для него одной из главных задач.

Для обмена опытом в 232-й стрелковой дивизии по инициативе Черняховского был созван слет ее боевого актива. Собрались самые стойкие и храбрые воины: меткие стрелки, пулеметчики, минометчики, бронебойщики, артиллеристы, лучшие связисты и саперы — гордость дивизии.

Открывая слет, командир дивизии полковник Улитин зачитал приветственную телеграмму от командующего и члена Военного совета 60-й армии, в которой говорилось: «Боевой актив — краса и гордость подразделения, части, опора командира. Поэтому командиры всех степеней должны постоянно работать со своим активом, распространять его боевой опыт…»

Слеты по обмену боевым опытом прошли не в одной дивизии Улитина, а во многих соединениях. Все воины 60-й армии — от солдат до генералов — упорно овладевали наукой побеждать. С каждым днем улучшалась боевая выучка. В этой большой работе чувствовалась твердая рука командарма Черняховского.

Готовясь к наступлению, Иван Данилович особое внимание уделял изучению противника, организации разведки. В этом деле, как и во всех других, он широко предоставлял инициативу подчиненным, учил их и сам учился на их опыте.

В приказе войскам армии от 18 октября 1942 года Черняховский дал анализ организации разведки 24-й стрелковой бригады в районе Старые Семилуки. Серьезный упрек получил командир бригады, который потерял в ходе боя связь с разведотрядом.

Немало было сделано и для того, чтобы улучшить солдатский быт во фронтовой обстановке. Бойцы ощущали не только требовательность, но и заботу командования. Это поднимало их дух.

Прочно удерживая занимаемые рубежи, 60-я армия продолжала упорно готовиться к решающим схваткам.

Командование фронтом дало высокую оценку деятельности командарма и члена Военного совета армии. В конце октября Федора Федотовича Кузнецова выдвинули членом Военного совета фронта. Черняховскому трудно было расставаться с ним. Многому научился он у этого опытного политработника.

Членом Военного совета 60-й армии был назначен корпусной комиссар Александр Иванович Запорожец. Ватутина перевели командующим Юго-Западным фронтом, а командование Воронежским фронтом в конце октября принял Голиков. В его взаимоотношениях с Черняховским сразу почувствовался холодок. Голиков помнил Черняховского в должности начальника штаба танкового батальона 8-й механизированной бригады, которой он командовал в тридцатые годы, и не представлял себе, насколько вырос Черняховский как командир.

При всех обстоятельствах Иван Данилович старался не обострять отношений с командующим, держался спокойно и безупречно исполнял свои обязанности, весь отдаваясь делу.

Одной из важнейших проблем для Черняховского в то время была организация бесперебойного и четкого управления войсками. Потерю управления он считал равноценной поражению. Еще командуя дивизией и корпусом, не раз встречал таких командиров, которые после очередного успеха подчеркивали: «Это я командовал». А после крупного просчета говорили: «Штаб не обеспечил управления». Иван Данилович обычно в таких случаях говорил: «Нет плохих штабов, есть плохие командиры», и сам никогда не ссылался на штаб. Он уделял большое внимание командирской учебе и комплектованию штабов лучшими кадрами. В одном из своих приказов по армии он определил для штабных командиров программу занятий, причем вся она строилась применительно к тем практическим задачам, которые предстояло решать войскам. Так, к середине января 1943 года штабы всех степеней должны были изучить тему: «Работа штабов в наступлении зимой на сильно

укрепленные позиции противника».

Несмотря на огромную занятость, Черняховский находил время для того, чтобы встречаться и с командирами разных рангов, и с бойцами. Он знал, как много значит для них слово командарма. В начале декабря было созвано совещание армейских снайперов. Его открыл Черняховский.

Командарм знал многих из отличившихся в боях, и поэтому его речь была конкретна. Он назвал знаменитых снайперов, таких, как Абдулов, Беляев, Климов, уничтоживших свыше сотни гитлеровцев каждый. Черняховский сообщил, что снайперы 60-й армии в общей сложности выбили из строя так много гитлеровцев, что из них можно было бы собрать без малого дивизию. Командарм призвал снайперов беспощадно истреблять фашистов. Снайперы 60-й надолго запомнили встречу со своим командармом.

На переднем крае в одном из блиндажей красноармейца Абдулова ждали со слета земляки. Наконец он попал в объятия друзей.

— Видел генерала Черняховского?

— Видел!

— Какой он?

— Выше среднего роста, карие глаза, русые, слегка волнистые волосы, красивое смуглое лицо, что еще тебя интересует?

— Не знаешь, что интересует солдата на войне? Что он сказал о нашей победе?

— Ничего не сказал.

— Значит, ты не видел командующего в глаза?

— Как не видел, генерал со мной за руку поздоровался, — с гордостью сказал Абдулов. — В своем выступлении обо мне говорил.

Абдулов постарался в точности передать слова Черняховского:

— «…Вот я представляю себе, Абдулову будет легко отчитываться перед Родиной, он скажет: „Я истребил сто двадцать немецких оккупантов“. Легко будет отчитываться Беляеву, ведь он уничтожил сто двадцать пять гитлеровцев… И трудно будет держать ответ тому, кто искал себе легкое место, кто в бою с врагом не был смелым, решительным».

— Неужели и в самом деле генерал назвал твою фамилию первой? — усомнился Оразбаев.

— Не веришь? Прочитаешь в армейской газете!

Вечером, когда они вернулись со снайперской охоты, действительно их в блиндаже ждала свежая газета с выступлениями командарма Черняховского и красноармейца

Абдулова на слете снайперов.

Оценивая боевые действия наших войск в районе Воронежа, «Правда» в передовой статье от 12 декабря 1942 года писала: «… Замыслы гитлеровцев с треском провалились. Правда, им удалось добиться тактических успехов, но они оказались незавершенными ввиду явной нереальности стратегического замысла германского командования. И в крушении этого плана немалую роль сыграла оборона Воронежа».

В ходе подготовки к предстоящим наступательным операциям в 60-й армии проводился комплекс различных мероприятий. Наиважнейшей из них являлась работа, направленная на сбережение сил и здоровья воинов. Командарм с членом Военного совета армии приняли участие в совещании политработников по обмену опытом в партийно-политической работе. На этом совещании коммунисты рассмотрели особенности партийно-политической работы в наступлении в суровых зимних условиях и вопросы о постоянном повышении боеспособности войск.

3

20 января 1943 года Черняховский ознакомился с замыслом Воронежско-Касторненской операции, которая проводилась усилиями войск Брянского и Воронежского фронтов. Ведущая роль в этой операции отводилась 40-й армии генерал-лейтенанта К.С. Москаленко и 13-й армии генерал-майора Н.П. Пухова. Войскам 60-й армии ставилась задача: соединениями левого крыла уничтожить противостоящего противника и выйти в район Нижней Ведуги, где соединиться с частями 38-й армии генерал-лейтенанта Н.Е. Чибисова, наступающими навстречу, и совместно с ними завершить окружение и уничтожение воронежской группировки противника. Соединения правого крыла должны были сковать врага на фронте Кулешовка — Воронеж — Гремячье и не дать ему возможности снимать отсюда силы против войск 40-й армии.

В ночь на 21 января командарм И.Д. Черняховский, член Военного совета А.И. Запорожец и начальник штаба армии С.Н. Крылов не один раз возвращались к вопросу сосредоточения сил на направлении главного удара. На карте это направление было отмечено большой красной стрелой, которая, проходя полукольцом через десятки населенных пунктов, рассекала оборону гитлеровцев и выходила в тыл воронежской группировке врага, к населенному пункту Нижняя Ведуга, находившемуся примерно в тридцати километрах западнее Воронежа.

Черняховский знал, что успех наступательной операции вверенной ему армии во многом зависит от того, как будет разработан ее детальный план. Иван Данилович не одну ночь просидел над картой наступления: подсчитывал и выверял соотношение сил на главном и второстепенном направлениях, продумывал возможный ход развития сражения в глубине обороны противника. За это время он искурил столько своих любимых папирос «Казбек», что у него начались спазмы головных сосудов. В те дни он бросил курить.

Прежде чем принять окончательное решение, Иван Данилович побывал на переднем крае, рассматривал в стереотрубу оборону врага, местность, где будут наступать наши войска. Советовался с бойцами и командирами. Многих он знал по фамилиям, знал об их подвигах. Ему были известны их настроения, готовность нанести противнику сокрушительный удар. Черняховский был уверен, что с такими воинами добьется победы.

60-я армия готовилась нанести удар на своем левом фланге,

на стыке с 40-й армией. На главном направлении наступала прославленная в обороне Воронежа 232-я стрелковая дивизия полковника Улитина. На первом этапе войска генерала Черняховского должны были во взаимодействии с соединениями генерала Чибисова, совершая глубокий маневр, полностью освободить от врага Воронеж и его окрестности, а на втором этапе совместно с 13-й и 38-й армиями завершить окружение и уничтожение воронежской группировки противника.

Штабы и командиры соединений армии с утра начали напряженную работу на местности. От того, насколько правильно будут спланированы и организованы предстоящие боевые действия, зависел в конечном итоге исход всей операции.

Накануне наступления утром 24 января была произведена разведка боем. С востока на Касторное от каждой дивизии первого эшелона 60-й армии наступало лишь по одному передовому батальону с задачей вскрыть систему огня противника. Армия генерала Москаленко наносила удар на день раньше с юга в направлении на Касторное.

Одновременные боевые действия наших войск на различных направлениях гитлеровцы приняли за начало общего наступления и обрушились на передовые батальоны 60-й ожесточенным пулеметно-артиллерийским огнем. Однако батальоны, следуя за массированным огнем своей артиллерии, ворвались в окопы противника, уничтожили и захватили в плен сотни гитлеровцев. Артиллеристы успели засечь вражеские огневые точки.

Ударная группировка 60-й армии заканчивала подготовку к прорыву вражеской обороны. Наступила последняя ночь перед атакой. На КП армии приехал представитель Ставки генерал армии Александр Михайлович Василевский в сопровождении члена Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенанта Федора Федотовича Кузнецова.

Черняховский доложил свое решение. Василевский, внимательно выслушав командарма, проинформировал его о вероятных контрдействиях противника, о целях и задачах фронтовой операции, предусматриваемых Ставкой. Василевский, не сковывая командарма своими указаниями, вместе с тем раскрыл перспективу предстоящей фронтовой операции, дал понять, что требуется от войск 60-й армии и самого командарма.

Он подчеркнул, что Воронежско-Касторненская наступательная операция предусматривает ударом на Касторное с юга силами армии Москаленко и ударной группировкой 60-й армии, а с севера армиями генералов Пухова и Чибисова

окружить и уничтожить основные сипы 2-й немецкой армии, освободить важные в оперативном отношения города Воронеж, Касторное и создать необходимые условия для развития наступления на запад. Александр Михайлович подробно изложил ход боевых действий, начатых с тринадцати часов 24 января войсками Москаленко, которые за первые два часа боя преодолели оборону врага на глубину до восьми километров и к пятнадцати часам достигли района Лебяжье. Он также остановился на недостатках во взаимодействии пехоты с танками и артиллерией.

В ночь перед прорывом в войсках Черняховского продолжалась напряженная работа. На партийных собраниях в частях коммунисты коротко и деловито докладывали о готовности к предстоящему прорыву. Парторги подразделений получили десятки заявлений о приеме в партию: бойцы и командиры просили в случае гибели в бою считать их коммунистами.

В эту ночь все, казалось, было готово: связисты дежурили у аппаратов, саперы заканчивали оборудование многочисленных дополнительных наблюдательных пунктов. Штабные командиры, не спавшие уже несколько ночей, проверив готовность к бою непосредственно на передовой и отдав последние распоряжения, отдыхали перед боем. Только в блиндаже командарма тускло горела лампа. Пламя ее вздрагивало: в дверь рвалась сильная вьюга.

Командарм вызвал к себе начальника разведки армии. Получив свежие данные об изменениях в составе группировок противника, он внес, пока еще было возможно, уточнения и поправки в уже принятый план операции, отдал дополнительные распоряжения.

— Товарищ генерал! Вам надо поспать. Неужто так и будете без конца вносить поправки? Времени осталось мало, командиры все равно не успеют провести их в жизнь, — заметил адъютант Комаров.

— Не время думать о сне, Алеша. Уточняющие распоряжения по срокам исполнимы. Штаб армии проконтролирует их выполнение.

— Вот и поспали бы часика четыре. Все о наступлении думаете.

— Не только… — признался Иван Данилович, — сейчас вот о Саше думаю.

Еще днем Комаров принес газету «Красная звезда». В ней сообщалось, что Александр Черняховский совершил героический подвиг: израсходовав все снаряды, он своей машиной таранил

вражеский танк…

— Давно с братом не виделись, Иван Данилович?

— Давненько… Если бы ты знал, как я соскучился по Саше! Сердцем чувствую, что он воюет где-то рядом, скоро встретимся… Да, отвлеклись мы! — спохватился Иван Данилович и снова склонился над картой.

За окном все злее бушевала вьюга. «А ведь на дорогах возможны заносы, — подумал Иван Данилович, — машины с „катюшами“ застрянут… Вот что! Еще одно уточнение: дивизион „катюш“ надо подчинить непосредственно Улитину. Чтобы уже сейчас они были при нем. Кажется, теперь предусмотрено все… Нет, нет, еще не все!»

— Срочно ко мне начальника отдела кадров.

Начальник отдела кадров армии явился быстро. Приветливо поздоровавшись с ним, Черняховский сказал:

— Напишите приказ о снятии взысканий, наложенных мною. И известите об этом всех командиров дивизий и полков, у которых имелись взыскания.

— Товарищ генерал! А как быть с представлением в военный трибунал на помощника начальника связи армии? Тоже отставить? — спросил начальник отдела кадров.

— Нет, о нем не может быть и речи! Пусть будет урок другим.

Черняховский знал, что этот человек всю жизнь ловчил, ради своего благополучия прикидывался честным. Напился, не выполнил возложенную на пего боевую задачу! Вдобавок обманул начальника штаба. Командный пункт по его вине в течение нескольких часов находился без связи.

Внезапный телефонный звонок нарушил ночную тишину в блиндаже командарма. Спрашивали Черняховского.

— Кто двадцать первого спрашивает? — Комаров говорил почти шепотом.

— Тридцать первый.

Это был позывной командира 121-й стрелковой дивизии. Трубку параллельного телефона уже взял Черняховский.

— У телефона двадцать первый.

— В расположении противника замечена активизация движения транспорта с линии фронта в тыл.

Для Ивана Даниловича это сообщение не было неожиданным. Оно лишь подтвердило последние разведывательные данные.

Перед командармом встал вопрос: когда начать атаку, немедленно, ночью, всеми силами армии или частью ее сил либо действовать с утра, как было запланировано ранее?

К тому времени у нас еще не было достаточного опыта боевых действий ночью в составе целого армейского

объединения. Поэтому речь могла идти о таком наступлении лишь отдельными частями или соединениями. А это могло привести к распылению сил и средств, а следовательно, к ослаблению удара. Отказаться от преследования врага ночью значило бы упустить заманчивую возможность нанести внезапный удар.

Черняховский решил немедленно перейти в наступление на правом фланге двумя стрелковыми дивизиями — 100-й и 121-й, а главными силами на левом фланге действовать соответственно плану операции. О своем решении он доложил командующему фронтом и Василевскому, получив «добро», приказал одновременно соединить его с командирами обеих дивизий.

— «Ураган» — немедленно к исполнению! — прозвучала в телефоне команда.

«Ураган» — сигнал наступления. В ночь с 24 на 25 января 1943 года две дивизии 60-й ворвались в еще удерживаемую немцами часть Воронежа. В шесть часов тридцать минут полковник Лащенко доложил Черняховскому, что Воронеж полностью очищен от захватчиков. Радостная весть быстро дошла и до левофланговых соединений 60-й армии, ожидавших сигнала к наступлению.

Когда Черняховский собирался на свой КНП, ему принесли на подпись документы, среди которых был и приговор военного трибунала помощнику начальника связи: «…Разжаловать в рядовые и направить в штрафной батальон». Иван Данилович дважды перечитал приговор, но не утвердил его.

Помощника начальника связи направили в войска с понижением в должности. В этом случае, как и во многих других, Иван Данилович взял на себя всю ответственность, и в этом была одна из особенностей его характера. Он словно предугадал, что, получив суровый урок, бывший помощник начальника связи станет неплохо работать.

Вьюга не утихла и к рассвету. Вокруг ничего не было видно. Перестрелка прекратилась по всему фронту. Только ветер свистел, помогая маскировать снегом последние приготовления к наступлению там, где оно еще не началось.

Наши войска находились в полной боевой готовности. Над центром оборонительной полосы армии появились немецкие самолеты. Одна за другой посыпались бомбы. Черняховский, узнав об этом, спокойно произнес: «Поздно, поздно!» Большая часть сил 60-й еще ночью была переброшена на левый фланг — на направление главного удара. В центре же оборонительной полосы были оставлены макеты пушек и незначительные силы для имитации. Все было умело скрыто от противника. В лес юго-

восточнее Воронежа было стянуто такое количество войск и техники, что орудий и минометов, казалось, было больше, чем деревьев. Здесь располагались второй эшелон и резервы армии. Соблюдалась строжайшая маскировочная дисциплина. Когда немецкие самолеты обрушили на лес бомбы, люди и машины, укрытые в земле, пострадали незначительно. Зато пять немецких самолетов было сбито зенитной артиллерией.

На рассвете 25 января метель все еще не улеглась. Черняховский, усомнившись в успехе операции в таких неблагоприятных погодных условиях (мороз превышал двадцать градусов, полностью отсутствовала видимость), доложил командующему фронтом и Василевскому о готовности и попросил перенести начало наступления на одиннадцать часов, в надежде на то, что метель прекратится. Василевский понимал молодого командарма, который проводил свою первую наступательную операцию в таком масштабе. Но войска генерала Москаленко второй день продолжали наступление и нуждались в помощи 60-й армии.

По приказу Черняховского в девять часов утра 25 января в направлении Яблочное — Кочетовка тишину разорвали залпы наших реактивных гвардейских минометов. Их снаряды, прочертив в небе огненные полосы, возвестили о начале штурма. Не успело еще смолкнуть гулкое и раскатистое эхо залпов «катюш», как воздух потряс мощный залп сотен орудий. Земля вздрогнула. Снег посыпался с деревьев. Артиллерийский шквал обрушился на противника. Каждая батарея, каждый дивизион били по строго определенным целям. Все совершалось синхронно. И вот наступила решающая минута. Взревели танковые моторы, мощными перекатами пронеслось «ур-р-ра!». Поднялись в атаку прославленные в боях сибиряки дивизии Улитина.

Глубокий снег не позволял соединениям Черняховского обойти узлы сопротивления, оборудованные противником в населенных пунктах. Боевые действия приняли ожесточенный характер. Лишь к вечеру стрелковые соединения ударной группировки вклинились в оборону врага на три километра и вели бои с противником, окруженным в опорных пунктах Перерывный, Парнишный, Кочетовка.

Черняховский, анализируя ход операции за день боя, отметил как недостаток плохое взаимодействие между пехотой и танками. Разгадав тактические приемы противника, которые заключались в оковывании наших сил, командарм потребовал от командиров своих соединений не втягивать в бои за населенные пункты вторые эшелоны и использовать их для обходного маневра с флангов.

На следующий день снежные заносы затрудняли боевые действия наступающих войск. Артиллерия и транспорт могли двигаться только по дорогам, и населенные пункты в большинстве случаев приходилось брать лобовой атакой.

Черняховский, чтобы обеспечить продвижение войск па главном направлении и дать им возможность маневрировать, выдвинул на прокладку колонных путей и на борьбу со снежными заносами не только инженерные войска, но и общевойсковые резервы. В результате 253-й стрелковой бригаде удалось фланговым маневром захватить крупный опорный пункт противника — Семидесятское. Еще одна брешь в обороне врага пробита. Командарм на этом участке был вынужден ввести в сражение свои резервы. Резкий ветер леденил лица и руки, мешал прицельно стрелять, моментально заносил снегом только что расчищенные пути. Чтобы обеспечить продвижение артиллерии и автотранспорта, приходилось саперными лопатами прокладывать путь, проваливаясь в снег по пояс. Обозы отставали, наступавшим частям не хватало снарядов и патронов. Солдаты, выбиваясь из сил, тащили боеприпасы на себе. Соединения армии за второй день операции продвинулись более чем на восемь километров. Это было достигнуто благодаря огромному напряжению моральных и физических сил войск.

Такие же напряженные бои продолжались на третий день операции. Враг предпринимал меры, чтобы вывести свои войска из воронежского выступа, и потому упорно оборонялся. Соединения Черняховского в этот день все же смогли продвинуться на пять километров и вышли на рубеж Рудкино — Никольское — Красный, в шестидесяти километрах юго-западнее Воронежа. Вражеская линия обороны как единое целое перестала существовать. В обрушившихся опустевших окопах, полузанесенных снегом, валялись пулеметы, винтовки, гранаты, эрзац-валенки из соломы.

В итоге Воронежско-Касторненской операции советские войска разгромили крупную группировку немецко-фашистских войск. Соединения 60-й армии полностью освободили город Воронеж, более ста других населенных пунктов, взяли в плен и уничтожили около пятнадцати тысяч солдат и офицеров и захватили трофеи — шесть тысяч автомашин, шестнадцать танков. Однако генерал Черняховский не был полностью удовлетворен боевыми действиями вверенных ему войск. В последующем, глубоко анализируя опыт этой операции, пришел к выводу, что он не смог обеспечить необходимый темп наступления. В таком положении оказалась не только 60-я армия, но и ее соседи. Сказалось отсутствие опыта в наступательных

боях и тяжелые условия суровой зимы. К тому же командованием фронта не был своевременно использован успех, обозначившийся в первый день операции в полосе наступления армии Москаленко. Не были введены в прорыв фронтовые резервы. 40-я армия даже не была усилена за счет снятия войск с участка 60-й армии.

В начале 1943 года советское командование, оценивая стратегическую обстановку на юго-западе, считало маловероятными в ближайшем будущем активные действия противника, поскольку после победы под Сталинградом инициатива перешла в наши руки.

В начале февраля Воронежский фронт приступил к осуществлению стратегической операции под условным названием «Звезда». Командующий фронтом генерал Ф.И. Голиков решил главные силы в составе 40, 69 и 3-й танковой армии сосредоточить для наступления на Харьков и 38-ю армию — на Обоянь. Он приказал переместить 38-ю армию с правого крыла фронта на участок, занимаемый 60-й армией. Соединениям генерала Черняховского предстояло совершить сложную перегруппировку на правое крыло фронта. Ивану Даниловичу приходилось наступать на второстепенном направлении, это огорчало еге, Черняховский помнил, что сказал командующий фронтом: наступать на Харьков будет та армия, войска которой освободят Касторное. Бывший начальник штаба Воронежского фронта генерал М.И. Казаков в книге «Над картой былых сражений» пишет: «Справедливости ради надо сказать, что условия действий этих двух армий в Касторненской операции нельзя считать равными. Войска 38-й наступали в непосредственном взаимодействии с сильной группировкой 13-й армии и по кратчайшему направлению на Касторное (35—40 километров). А войскам 60-й предстояло преодолеть вдвое большее расстояние (75—90 километров), да и сопротивление противника на ее направлении ожидалось более упорное. Только чудо могло помочь ей в соревновании с 38-й за овладение Касторным.

Чуда не произошло, но своеобразный способ поощрения командарма-38 остался в силе. И это прибавило очень много дополнительной работы как штабу фронта, так и штабам двух армий (не говоря уже о материальных издержках) ».

Как же развернулись события на Харьковском направлении? В первый же день наступления войска Воронежского фронта разбили части прикрытия противника и, встречая лишь слабое сопротивление, успешно продвигались на запад. Почти одновременно, 29 января, перешли в наступление соединения Юго-Западного фронта в Донбассе и 8 февраля перерезали

железную дорогу Харьков — Лозовая.

Войска Воронежского фронта 16 февраля освободили Харьков. Соединения Юго-Западного фронта 19 февраля вышли на рубеж Красноград — Краматорск — Дьяково. Одновременно войска Южного фронта освободили Ростов. Враг стремился отойти на мощный оборонительный рубеж по правому берегу реки Миус.

Ставка и командование Юго-Западного фронта восприняли отход войск противника на реку Миус и перегруппировку его танковых дивизий как намерение оставить Донбасс, отойти за Днепр и закрепиться на его западном берегу. По законам оперативного искусства наши войска в этой обстановке, если она действительно была такова, должны были продолжать наступление. В противном случае германское командование могло использовать образовавшуюся паузу для того, чтобы закрепиться на рубеже Днепра.

Генерал Черняховский в штабном автобусе заслушал доклады и предложения для принятия решения на предстоящую операцию.

Начальник разведки подполковник Козырев доложил, что перед фронтом армии обороняются 323, 75, 57, 340 и 377-я пехотные дивизии противника, которые понесли незначительные потери в боях под Воронежем. Немцы, пользуясь тем, что снежные заносы и бездорожье мешают наступать советским войскам, пытаются удержаться в населенных пунктах. И что в последующем гитлеровцы предпримут меры, чтобы закрепиться на своих прошлогодних позициях по реке Тим. Их оборона на этом рубеже представляет сильную полосу укреплений с инженерными заграждениями.

Черняховский, выслушав доклады командующего артиллерией и начальника инженерных войск армии, принял решение: параллельными маршрутами преследовать противника, чтобы не дать ему возможности закрепиться на рубеже реки Тим, и в последующем обходным маневром освободить Курск. Главный удар наносился силами дивизий полковников М.А. Бушина и С.С. Рассадникова в направлении на Ленинское и далее на Покровское…

Войска 60-й, преследуя врага, в ночь на 3 февраля основными силами вышли к правому берегу реки Тим. К утру туда же были подтянуты резервы, артиллерия и доставлены боеприпасы. В двенадцать часов дня черняховцы перешли в решительное наступление. Сбив противника с рубежа на берегу Тима, они быстро стали продвигаться в западном направлении, обходя город Щигры с юга. 4 февраля был взят населенный пункт Тим. В ночь на 5 февраля полковник Бупган доложил о взятии города

Щигры. К этому времени армию усилили 280-й стрелковой дивизией и 79-й танковой бригадой.

Преследуя противника, войска Черняховского продвинулись на запад на пятьдесят километров. До Курска оставалось всего двадцать пять километров. Но в это время остатки крупной группировки противника, окруженной в районах Горшечное и Старый Оскол, ведя бок с дивизиями 38-й армии, стали прорываться к городу Тим, угрожая тылам 60-й.

Командованию предстояло бросить основные силы на прикрытие своих тылов или же для стремительного удара по курской группировке противника. Черняховский, несмотря на риск, решил окружить и уничтожить курскую группировку противника, нанося удар в обход Курска с севера силами стрелковой дивизии полковника С.Н. Перекальского, стрелковой бригады полковника И.А; Гусева и с юга частями стрелковой дивизии полковника М. А. Бушина.

К исходу 7 февраля противник, боясь очутиться в окружении, начал спешно уходить из Курска, взрывая и поджигая склады и здания, но на подступах к городу продолжал еще яростно обороняться.

8 февраля соединения армии Черняховского овладели Курском. Генерал Шнейдер, командующий курской группировкой немецких войск, проживший полвека и одержавший десятки побед, не поверил, когда ему доложили, что его войска разбил тридцатипятилетний советский генерал.

Генерал-лейтенант А.И. Антонов, находясь в это время при штабе 60-й армии, был высокого мнения о ее командующем. И в конце Курской наступательной операции докладывал представителю Ставки маршалу А.М. Василевскому, что Черняховский обладает высоким организаторским талантом, волей и требовательностью, добивается неукоснительного и четкого выполнения своих приказов…

Гитлеровское командование, пытаясь задержать наступление наших войск, вводило резервы. Под Курск прибыла 327-я пехотная дивизия.

Черняховский нуждался в более подробных данных о новой группировке противника. Он вызвал начальника штаба армии полковника Тер-Гаспаряна, который сменил на этой должности заболевшего генерала Крылова. Георгий Андреевич Тер-Гаспарян в 1938 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, а оперативную подготовку получил на курсах при Академии Генерального штаба. Он был не только штабистом, но имел и опыт командования стрелковой дивизией. С первых дней знакомства Тер-Гаспарян произвел на Черняховского хорошее

впечатление. В плотно сбитом, говорившем с чуть заметным армянским акцентом человеке чувствовалась кипучая энергия, способность быть настойчивым в достижении цели.

— Вы прибыли, как говорят, с корабля на бал, — приветливо сказал Черняховский Тер-Гаспаряну. — Срочно наладьте разведку, точнее, расшифруйте противостоящую группировку противника. Обратите особое внимание на 327-ю пехотную дивизию. Не мешало бы иметь данные о ее командовании.

— Разведка в этом направлении работает, — ответил Тер-Гаспарян, который, накануне вступив в должность, уже успел войти в курс дела штаба армии, — 327-я пехотная дивизия прибыла недавно из Франции. Командует соединением генерал-лейтенант Фридрих Рудольф. Дивизия успела понести значительные потери в боях за Курск. Сам Рудольф чуть не попал в плен, когда наши бойцы на западной окраине Курска ворвались в штаб его дивизии.

— Какие-нибудь документы захвачены?

— Особо важного ничего нет. Но в наших руках любопытные письма жены Рудольфа.

Иван Данилович, выбрав свободную минуту, ознакомился с ними.

В одном из них жена фашистского генерала писала мужу, что все родные к Новому году ждут от него победы, а она — каракулевое манто.

Это письмо Иван Данилович показал члену Военного совета армии генерал-лейтенанту Запорожцу.

— Посмотрите, ради чего немецкие генералы ведут войну.

— Да… А у меня хранится письмо иного рода, письмо матери, сын которой погиб в боях за Воронеж. Оно адресовано всем нам, освободителям Воронежа. — Запорожец достал из кармана конверт, вынул исписанный листок и прочитал: — «…Мы всегда думаем о вас, дорогие воины, и душа наша с вами. Ждем вас с победой. Каждую ночь вижу во сне тот день, когда вы вернетесь домой, к своим матерям. Хотя моею сына не будет среди вас, но я все равно буду рада тому дню. Примите материнское благословение. Ваша мать — Анна Григорьевна Соловьева». Писем таких к нам в армию поступает много, — заметил Запорожец. — И во всех одна забота — о воинах наших, одно желание — чтоб наша земля была скорее освобождена от фашистов.

Блестящий обходной маневр, осуществленный Черняховским в Курской операции, принес ему заслуженную славу. В боевой

биографии Черняховского к победе под Воронежем прибавился Курск. Имя Черняховского еще раз прозвучало в сообщениях Совинформбюро. Это были замечательные дни в жизни Ивана Даниловича. Родина высоко оценила его боевые заслуги. За полное освобождение Воронежа он был удостоен третьего ордена Красного Знамени, а в день взятия Курска награжден орденом Суворова I степени.

Ставка Верховного Главнокомандования присматривалась к успехам молодого растущего командарма. Постановлением Совета Народных Комиссаров от 14 февраля 1943 года Ивану Даниловичу Черняховскому было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Главные силы Воронежского фронта, с правого крыла прикрытые наступательными действиями 60-й армии, вышли к Полтаве. Советские войска угрожали расколоть Восточный фронт гитлеровцев. Но 19 февраля противнику удалось подтянуть резервы. Оказалось, что немецко-фашистское командование не собиралось отводить войска за Днепр, как предполагал штаб фронта, а готовило контрудар с расчетом вернуть себе стратегическую инициативу. Командующий Воронежским фронтом Голиков и командующий Юго-Западным фронтом Ватутин после освобождения Харькова полагали, что враг крупными силами отходит на запад. Однако противник неожиданно перешел в контрнаступление. Войска Воронежского и Юго-Западного фронтов не выдержали натиска врага и в марте оставили Харьков и Белгород.

Иначе развивались события на левом фланге Воронежского фронта, на второстепенном направлении. С утра 11 февраля войска 60-й армии под командованием Черняховского успешно возобновили наступление, начав Льговско-Рыльскую операцию.

Весна в 1943 году началась рано. Но распутица не остановила наступления черняховцев. На полях Курской области ревели танковые моторы, тяжелые машины шли, оседая в рыхлую, мокрую землю, оставляя глубокие следы. На танках находился десант автоматчиков. При встрече с заслонами отступающего противника десантники мгновенно рассыпались в цепь и с ходу вступали в бой.

За передовыми отрядами танковых бригад по вязким полям двигались главные силы стрелковых дивизий 60-й армии. Ноги солдат вязли в густой грязи, в сапогах хлюпала вода, лямки вещевых мешков натирали плечи. Некогда было зайти в теплую хату, чтобы хоть немного просушить одежду и обогреться.

Отступающего врага преследовали днем и ночью. По утрам от заморозков земля затвердевала, ноги мерзли в отсыревших сапогах. В грязи застревали автомобили, повозки, падали обессиленные кони. Только бойцы, перенося все испытания, шли вперед, на запад. Марши чередовались с короткими жестокими встречными боями.

Противник, ошеломленный внезапными ударами, беспорядочно отступал, бросая в непролазной грязи автомашины и боевую технику. Войска Воронежского фронта стремительно преследовали врага, не давая ему опомниться, сбивая его со всех промежуточных рубежей. Каждый день нашего наступления приносил освобождение тысячам людей.

Пронизывающий мартовский ветер и сырость давали о себе знать. Командующий весь продрог, а машина, на которой он ехал, застряла в грязи. Это заметили солдаты проходившей мимо колонны и вытащили автомобиль.

Черняховский, пропустив машину вперед, говорил с солдатами. Его интересовало, как кормят их, как обеспечивают обмундированием.

— А письма регулярно получаете? — спросил Иван Данилович одного из молодых солдат.

— Мы, товарищ генерал, що листив не скривжени, — ответил тот. — Сьогодни я в походи дистав три листи.

— Что же вам пишут?

— Про одне й те саме: «Коли звильните ридни мис-ця?» Товарищ генерал, а ось у мого товарища Грицуна справи погани. Вин сам соромиться, то я за нього скажу. Йому ни вид кого чекати листив. Вин у нас зовсим самотний.

— А где Грицун?

— Та ось вин.

Черняховский спросил Грицуна:

— Что, у вас нет родных? И девушки нет?

— Були, товарищ генерал. Але на моей батькивщине, пид Киевом, хозяйнують фашисты, я не знаю, що з ридними, а вони не знають, де я…

— Я тебе помогу их разыскать. — И командующий тут же поручил адъютанту, чтобы через Московское радио было объявлено, на адрес какой полевой почты можно писать Грицуну.

И через месяц Грицун получил больше сотни писем от девушек, пионеров, стариков. Одни называли его братом, другие лучшим другом, третьи сыном. От родных все еще не было вестей. Однако добрые слова незнакомых людей согревали ему душу.

К исходу второго дня наступления войска Черняховского были остановлены упорным сопротивлением противника на рубеже Олыпанка — Любимовка. Нелегко давалась победа. Перед фронтом войск 60-й снова складывалась сложная обстановка, снова требовалось противопоставить врагу внезапный маневр. Иван Данилович провел для этого сложную перегруппировку сил, нанося главный удар в направлении на Льгов, Рыльск. За четверо суток соединения 60-й продвинулись на запад до сорока километров.

Все атаки на Льгов с востока гитлеровцы отражали массированным огнем. Командарм решил, сковывая льговскую группировку врага в центре, нанести сокрушительный удар с флангов.

Вновь перегруппировка в сложнейших условиях распутицы. Внезапный выход правофланговых соединений 60-й армии к Рыльску, а левофланговых соединений 38-й армии к западу от Обояни поставил 88-ю и 327-ю пехотные дивизии немцев под угрозу окружения.

3 марта войска Черняховского освободили город Льгов. Когда машина командарма подъезжала к центру города, Иван Данилович, предельно уставший от боевого напряжения, задремал. Комаров, желая, чтобы командарм немножко отдохнул, тихо сказал водителю:

— Заверни-ка к какому-нибудь жилому дому. Пусть генерал хоть часок в тепле поспит.

Но Иван Данилович и сквозь дремоту это услышал.

— Некогда нам отсыпаться, — сказал он Комарову. — Перед штурмом не поспали, смотри, на сколько хватило заряда: пять городов освободили да деревень, поселков больше тысячи. А сколько народу нашего из неволи вызволили! Теперь придется недосыпать. Впереди еще много городов и сел ждут нас!

Взятие Льгова имело важное значение. Оно помогло войскам 60-й армии в какой-то степени удерживать в своих руках инициативу и оттягивать на себя часть сил и резервов противника с решающего, Харьковского направления, обеспечивать стык между Воронежским и Брянским фронтами.

В первой половине марта войска Черняховского, преодолевая упорное сопротивление крага, овладели рубежом Рыльск — Коренево. Линия фронта стабилизировалась. Дальнейшее продвижение было приостановлено огнем врага с заранее подготовленных позиций на левом берегу реки Сейма. Образовывалась Курская дуга. Войска Черняховского вышли на передний выступ дуги и перешли к обороне. 60-я армия была переподчинена Центральному фронту.

Левее Центрального фронта, на линии Корнево — Гостишево и далее по левому берегу Северного Донца, образовав южный фас Курского выступа, перешли к обороне войска Воронежского фронта под командованием генерал-полковника Н.Ф. Ватутина.

После разгрома отборных войск под Сталинградом Гитлер жаждал реванша. Курская дуга казалась ему самым подходящим местом для новых Канн. Конфигурация местности в виде огромного выступа, углубившегося на двести километров к западу от общей линии фронта, на Курском направлении, казалось, способствовала этому.

В начале апреля 1943 года немецко-фашистское командование приступило к тщательной подготовке стратегической наступательной операции под кодовым названием «Цитадель».

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ № 6
ОКХ, Генеральный штаб сухопутных войск
Оперативный отдел (1)
№ 430246/43

Ставка фюрера
15 апреля 1943 г.
Отпечатано в 13 экз.
Экз. № 4
«Сов. секретно.
Только для командования.
Передать только через офицера

Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года.

В связи с этим все подготовительные мероприятия неоходи-мо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира.

Я приказываю:

1. *Целью наступления* является сосредоточенным ударом, проведенным решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода и другой — из района южнее Орла, путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска противника и уничтожить их…

2. *Необходимо:*

а) широко использовать *момент внезапности* и держать противника в неведении прежде всего в отношении времени начала наступления;

б) *обеспечить максимальное массирование ударных сил* на узком участке с тем… чтобы одним ударом пробить оборону противника, добиться соединения обеих наступающих армий и таким образом замкнуть кольцо окружения…

Гитлер».

Всего в оперативном приказе № 6 было тринадцать пунктов. Далее в них излагались задачи: группе армий «Юг» прорвать фронт на рубеже Прилепы — Обоянь и соединиться у Курска с войсками группы армий «Центр», наступающими им навстречу; группе армий «Центр», нанося массированный удар с рубежа Тросна — Малоархангельск, прорвать оборону на участке Фатеж — Веретиново и соединиться с ударной армией группы армий «Юг» у Курска и восточнее.

В приказе значительное место отводилось мероприятиям, направленным на введение русских в заблуждение и на соблюдение тайны операции. В ее замысел посвящались только те лица, привлечение которых было абсолютно необходимо. Кроме того, велась подготовка ложной операции «Пантера» в полосе группы армий «Юг». В целях успешной дезинформации предусматривалось выдвижение танков, сосредоточение переправочных средств, радиопереговоры, действия агентуры, распространение слухов.

Несмотря на все меры, которые предпринимало немецко-фашистское командование, чтобы скрыть подготовку наступления на Курской дуге и добиться внезапности, Генеральный штаб Советских Вооруженных Сил раскрыл намерения противника. Советский разведчик Шандора Радо, венгерский коммунист, совершил подвиг, первым сообщив о начале подготовки противником наступательной операции на Курской дуге.

Ставка и Генеральный штаб опирались в своих выводах не только на агентурную разведку. Противник мог подбросить ложную информацию для того, чтобы дезинформировать наше

командование. Разведданные, переданные Шандором Радо, проверялись и сопоставлялись и по другим каналам разведки. Подготавливая летнюю кампанию 1943 года, Генеральный штаб Советских Вооруженных Сил и командующие родами войск проводили огромную работу по анализу вероятных действий противника и возможностей своих войск.

Когда стало известно советскому командованию, что противник, планируя операцию «Цитадель», делает ставку на новые танки «тигры» и «пантеры» с повышенной толщиной брони, войска Центрального и Воронежского фронтов в срочном порядке были оснащены новыми противотанковыми пушками и подкалиберными снарядами, которые пробивали броню даже у «королевских тигров».

Как только стало известно о готовившемся крупном наступлении немецко-фашистских войск на Курском выступе, советское командование незамедлительно стало принимать контрмеры. В этой важной и сложной работе принимали участие представители Ставки, Генеральный штаб, командование и штабы видов вооруженных сил и родов войск, а также фронтов, обороняющихся на Курской дуге.

12 апреля 1943 года в Ставке Верховного Главнокомандования состоялось совещание, в котором приняли участие И.В. Сталин, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, А.И. Антонов. Несмотря на то что советские войска располагали достаточными силами для активных наступательных действий, на совещании было принято предварительное решение о переходе к преднамеренной обороне. Советское командование рассчитывало на заранее подготовленных оборонительных рубежах измотать и обескровить противника, а затем перейти в контрнаступление.

21 апреля Ставка приказала Центральному, Воронежскому фронтам усилить оборону, создав прифронтовую полосу, приспособить к обороне все населенные пункты и неукоснительно потребовала сохранить военную тайну, к разработке плана оборонительных операций допускать ограниченный круг лиц и только по списку, утвержденному военными советами фронтов.

Советскому командованию благодаря успешно проведенной работе по оперативной маскировке удалось в тайне сохранить замысел летней кампании от противника. Генеральный штаб сухопутных войск немецко-фашистских вооруженных сил еще 20 апреля не знал о намерениях Красной Армии:

«Вопрос об основном оперативном замысле советского командования (наступление или оборона) на летний период до сих пор еще остается не окончательно выясненным».

Вермахт при планировании операции «Цитадель» не смог

реально учитывать такой важный фактор, как предполагаемые действия противника.

И наоборот, Ставка и Генеральный штаб Советских Вооруженных Сил имели достоверную информацию: «Сведения о подготовке немцами операции с целью прорыва нашего фронта в районе Курск, Белгород… соответствуют действительности. Название „Цитадель“, по-видимому, является условным обозначением операции, планируемой немцами в районе орловско-брянского выступа».

Советское командование хотя и разгадало замысел противника, но полной уверенности в этом не было. План перехода к жесткой обороне с последующими активными действиями одобряли не все командующие фронтами. Командующий Воронежским фронтом генерал Н.Ф. Ватутин вместо преднамеренной обороны предлагал Ставке перейти в наступление и нанести упреждающий удар по белгородской группировке противника.

Предложение Ватутина имело логический смысл. Немецко-фашистское командование при правильной оценке группировки советских войск на Курской дуге должно было прийти к выводу о переходе к обороне.

Обстановка складывалась чрезвычайно сложная. И не случайно премьер-министр Великобритании Черчилль, исходя из авторитетных источников, утверждал, что немцы на советско-германском фронте должны перейти к обороне.

Если в какой-либо мере брать во внимание информацию союзников, то советские войска должны были как можно быстрее сами перейти к активным наступательным действиям, чтобы не дать врагу возможности организовать долговременную оборону.

Прогнозы союзников на лето 1943 года были отклонены и на этот раз не потому, что они вели политику затягивания открытия второго фронта, и у нас не было к ним доверия, но и потому, что советская разведка была сильнее, мы по-своему оценивали обстановку.

Войска Воронежского и Центрального фронтов незамедлительно приступили к выполнению директивы Ставки.

В штабе генерала Рокоссовского в Воробьевке 22 апреля собрались командармы: П.Л. Романенко, П.И. Батов, А.Г. Родин, И.Д. Черняховский, С.И. Руденко, Н.П. Пухов, И.В. Галанин. Константин Константинович ознакомил членов Военного совета и командармов с содержанием директивных указаний Ставки о переходе к преднамеренной и жесткой обороне. Особо он подчеркнул, где немцы могут сосредоточить основные силы и нанести главный удар.

— …Товарищи генералы, офицеры, может быть, у кого есть другие соображения о замысле противника, — спросил Рокоссовский, в зале заседания стояла тишина. — Товарищ Черняховский, как вы предполагаете?

— Товарищ командующий, на мой взгляд, было бы рискованным считать, что немцы нанесут главный удар только под основание Курского выступа. То есть в направлении Орел — Поныри — Курск. Противник может попытаться прорвать нашу оборону на участке 60-й и 65-й армий.

— Вы считаете возможным нанесение противником главного удара на Льговском направлении?

— Конечно, наиболее вероятен главный удар противника на направлении Поныри — Курск, но не исключено, что немцы могут и отказаться от такого явно выраженного шаблона.

— А если не откажутся?

— Тем хуже для них!

— Значит, часть своих дивизий вы не намерены направить в мое распоряжение? — улыбнулся Рокоссовский.

— Нет, почему же, все будет подчинено выполнению вашего решения. Исходя из анализа многочисленных разведывательных данных, напрашивается вывод, что наиболее выгодным для противника является Орловско-Курское направление…

Решение командующего Центральным фронтом генерал-полковника Рокоссовского было утверждено Верховным Главнокомандующим, и войска приступили к организации и совершенствованию обороны.

Генерал Черняховский в соответствии с директивой командующего фронтом решил создать непреодолимую оборону. Для этого он в полосе обороны сто километров расположил войска в один эшелон. На правом крыле оборонялся 24-й стрелковый корпус генерал-майора Н.И. Кирюхина, на левом крыле — 30-й стрелковый корпус генерал-майора Г.С. Лазько (без одной стрелковой дивизии).

Главную полосу Черняховский планировал оборудовать из трех траншей, вторую полосу — из двух траншей и в армейской полосе создать батальонные районы и противотанковые опорные пункты. И в своем распоряжении он оставил мощный резерв в составе 121-й стрелковой дивизии, 150-й танковой и 14-й истребительно-противотанковой бригады.

Рокоссовский, ознакомившись с оборонительными сооружениями 60-й, обменялся своими впечатлениями с членом Военного совета фронта генералом К.Ф. Телегиным.

— За 60-ю можем не беспокоиться — Черняховский отличный командарм. Он не только прекрасно подготовлен в военном

отношении. Это и человек высокой культуры. Несмотря на свою молодость, он достиг того, чего не могли достичь многие маститые командующие, имеющие большой опыт. Черняховский добился такого положения в армии, когда подчиненные выполняют его приказы с любовью.

— Член Военного совета 60-й армии Запорожец отнюдь не такого мнения о своем командарме, — заметил на это Телегин. — К сожалению, сам я еще не имел возможности приглядеться к Черняховскому.

— Мне представляется, Запорожец не нашел общего языка с Черняховским, не смог сработаться с ним. К тому же наш начальник политотдела генерал Галаджев утверждает, что Запорожец не всегда бывает справедлив.

— Запорожец — опытный политработник, но несколько своеобразный.

— Может быть, он и опытный, но времена изменились, армия стала другой, а Запорожец продолжает работать по старинке.

— Попытаемся совместными усилиями наладить их взаимоотношения.

— Если дружной работы у них не получится, придется их развести.

Под Курском должен был решиться вопрос о том, перейдет ли окончательно инициатива в руки Советских Вооруженных Сил или немцы сумеют вернуть ее себе. В ходе подготовки операции сроки немецкого наступления несколько раз переносились Гитлером. Назначенное на май наступление было затем отложено до прибытия бригады новых танков «пантера».

В мае в Мюнхене состоялось совещание у Гитлера командующих армиями и группами армий «Центр», «Юг» и генералитета вермахта для окончательного определения состава ударных группировок. Удар с юга на Курск планировался десятью танковыми, одной моторизованной и семью пехотными дивизиями. В наступлении с севера должны были принимать участие семь танковых, две моторизованные и девять пехотных дивизий. Все резервы немецко-фашистского командования были брошены на этот участок фронта. Однако на совещании один из приближенных Гитлера — генерал-полковник Гудериан высказывал свои сомнения в необходимости наступления под Курском. Это поколебало Гитлера, он вынужден был снова изменить сроки наступления, но продолжал слепо верить в успешный исход операции. «Никогда еще немецкие войска в России, — говорил фюрер, — не были так хорошо оснащены

тяжелыми танками, как теперь…»

На войска Центрального фронта Рокоссовского и Воронежского фронта Ватутина должны были обрушиться две тысячи самолетов и две тысячи семьсот танков, что составляло пятьдесят процентов всех танков и самолетов противника, имевшихся на советско-германском фронте. (В ходе сражения немцы планировали дополнительно ввести из резерва еще почти столько же войск, танков и самолетов.)

В конце июня на Орловском и Белгородском направлениях наша разведка обнаружила крупные передвижения бронетанковых и пехотных соединений противника.

2 июля Ставка сообщила командующим Воронежским и Центральным фронтами о том, что немцы вот-вот перейдут в наступление. Это уже третье предупреждение. Первые два были в начале и в конце мая, но оказались несостоятельными.

Напряжение, связанное с долгим ожиданием, дошло до предела. Волнение охватило всех — от солдата до командующего фронтом. Это был тот случай, когда все хотели скорейшего перехода противника в наступление. В противном случае советское командование допускало крупный просчет, предоставляя время немцам организовывать глубоко эшелонированную оборону.

В ночь на 4 июля обстановка резко изменилась, гитлеровцы активизировали свои разведывательные действия перед фронтом обороны 60-й и 65-й армий. Начальник разведки доложил Черняховскому, что на правом крыле, в полосе обороны корпуса генерала Кирюхина обнаружено шестнадцать поисковых групп немцев, охотившихся за «языками», а на левом крыле, в полосе обороны корпуса генерала Лазько, — двенадцать. На стыке этих двух корпусов немецкие саперы разминировали наши минные поля. Явная активизация противника насторожила Черняховского. И он тотчас же доложил по ВЧ Рокоссовскому:

— Противник в ночь на 4 июля провел двадцать восемь разведывательных поисков, до этого количество подобных поисков было в пять, шесть раз меньше. Как дела у Пухова?

— Перед фронтом соединений Пухова противник пока что активности не проявлял.

Рокоссовский задумался. Командующий группы армий «Центр» мог нанести главный удар и в полосе обороны Черняховского и Батова. Такой удар, рассчитанный на расчленение боевых порядков наших войск, с последующим окружением их, тоже таил в себе серьезную опасность. Тем более когда главные силы Центрального и Воронежского фронтов были нацелены против вражеского наступления на горловине Курского

выступа.

Наконец Рокоссовский спросил Черняховского:

— К какому выводу вы пришли сами?

— Обеспечить полную готовность к отражению наступления гитлеровцев!

— Несомненно, надо быть готовым, но мне кажется, гитлеровские генералы хитрят. Такое же положение на левом крыле обороны армии Батова!

В ночь на 5 июля на стыке армий Пухова и Романенко наши разведчики обнаружили группу немецких саперов, расчищающих проходы в минных полях. Несколько вражеских саперов было убито, двое бежали, один был взят в плен. Рокоссовскому в два часа ночи стали известны показания пленного: «Наступление назначено на 3 часа 5 июля…» Следовательно, до начала артподготовки, намеченной противником, оставалось всего двадцать минут.

Перед Военным советом Центрального фронта на повестке дня стоял вопрос: верить этим данным или нет? От этого зависело принятие ответственного решения на проведение контрартподготовки, рассчитанной на подавление противника на исходных позициях для наступления. И, конечно, она проводилась с целью дезорганизации планов наступления немецко-фашистского командования. Но могло получиться так. что сведения разведчиков были ошибочны и войска группы армий «Центр» не заняли исходные позиции для наступления. В этом случае половина наших боезапасов, мин и снарядов могла оказаться выпущенной по пустому месту. На раздумье и согласование со Ставкой времени не оставалось. Это был величайший риск, но Рокоссовский приказал в два часа двадцать минут 5 июля открыть огонь!

С упреждением врага всего на десять минут гром эрэсов и пушек разорвал предрассветную тишину. Сто реактивных установок, около тысячи орудий и минометов обрушились на врага, изготовившегося к наступлению. У противника создалось такое впечатление, что советские войска опередили в артподготовке и вот-вот должны сами перейти в наступление. Орловская группировка немецко-фашистских войск в пять часов тридцать минут все же перешла в наступление, нанося главный удар на узком участке фронта. До трехсот бомбардировщиков врага бомбили всю тактическую зону нашей обороны. Ожесточенные бои развернулись в полосе обороны войск генерала Пухова. Противнику удалось в первый день боев вклиниться в нашу оборону до шести-восьми километров. Менее ожесточенные бои велись на Льговском направлении, на участке армии генерала

Черняховского.

Тяжелая обстановка создалась на другом участке наступления немецко-фашистских войск, в полосе обороны Воронежского фронта. К утру 7 июля на Обоянско-Курском направлении противник ввел в сражение девять танковых и семь пехотных дивизий.

Обстановка на этом фронте настолько осложнилась, что Верховный Главнокомандующий 27-ю армию, первоначально предусмотренную на усиление Центрального фронта, срочно перенацелил в распоряжение Ватутина.

Рокоссовскому было приказано изыскать силы и средства для организации обороны города Курска.

«Выход был один, — писал впоследствии К.К. Рокоссовский в книге „Солдатский долг“, — стянуть войска на угрожающий участок за счет ослабления армий, находившихся на вершине Курского выступа. Командующему 60-й армией И.Д. Черняховскому приказано дивизию, находившуюся в его армейском резерве, срочно направить в резерв фронта».

Соединения Черняховского, несмотря на то что находились на второстепенных участках обороны и активных действий, по существу, не вели, все же сумели сковать значительные силы врага и этим способствовали провалу операции «Цитадель».

В ходе курского сражения член Военного совета армии генерал-лейтенант А.И. Запорожец был отозван в Москву. Вместо него приступил к исполнению своих обязанностей полковник В.М. Оленин. Его приезд благотворно сказался не только на работе политотдела, но и штаба армии. Василий Максимович Оленин до войны окончил Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. Он обладал и большим практическим опытом, работал заместителем командира корпуса по политической части.

Советские войска с заранее подготовленных позиций, огнем с места измотав немецко-фашистские войска, на Курском выступе 12 июля перешли в решительное контрнаступление. Врагу был нанесен новый сокрушительный удар, и таким образом была сорвана последняя его попытка осуществить большое летнее наступление.

Немецко-фашистские войска, обескровленные на Курской дуге, перешли к обороне. Гитлеровское командование рассчитывало затянуть войну, Красная Армия должна была опрокинуть эти расчеты. Советские люди в тылу сделали все для этого возможное и невозможное. За первую половину 1943 года было выпущено около 13 тысяч танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 16 тысяч боевых самолетов.

4

Чрезвычайно важная задача по разгрому основных сил немецко-фашистских войск в составе групп армий «Центр» и «Юг» возлагалась на войска Воронежского, Центрального, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов. Главный удар наносился на юго-западном направлении с задачей с ходу форсировать Днепр и захватить плацдарм на его противоположном берегу.

Командующий войсками Центрального фронта генерал армии К.К. Рокоссовский 16 августа 1943 года на Военном совете объявил свое решение и поставил задачи командующим армиями на предстоящую наступательную операцию.

— Товарищи генералы! Центральному фронту приказано, наступая в общем направлении Севск — хутор Михайловский, не позднее первого-третьего сентября выйти на рубеж реки Десны южнее Трубчевска — Новгород-Северский — Шостка — Глухов — Рыльск. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении Конотоп — Нежин — Киев. — Рокоссовский с указкой в руке подошел к огромной карте с красными стрелами. — В соответствии с директивой Ставки главный удар наношу в общем направлении Севск — хутор Михайловский — Новгород-Северский силами 65-й армии генерала Батова и частью сил генерала Романенко…

Черняховскому было ясно, что 60-й армии опять отводят вспомогательное направление.

— 2-ю танковую армию генерала Богданова ввожу в прорыв для развития успеха на этом же направлении. Главные силы 16-й воздушной армии прикрывают и обеспечивают наступление армии Батова и танков Богданова. И 4-й артиллерийский корпус прорыва Резерва Верховного Главнокомандования отдают на усиление 65-й армии, наступающей на главном направлении! 60-я переходит в наступление на своем правом фланге на двенадцатикилометровом участке с задачей обеспечить левый фланг 65-й армии от контратак с юга и юго-запада.

После Военного совета фронта Черняховский отправился на свой новый КП в полуразрушенную деревню северо-восточнее Романовки. Уцелевшая хата на окраине стала теперь штаб-квартирой. Здесь его ждали член Военного совета, начальник штаба, начальник оперативного отдела. Командарм сообщил о решении Военного совета. Особо подчеркнул, что армия для развития наступления в глубине обороны противника на начальной стадии не получит танкового корпуса и будет усилена им только в том случае, если добьется успеха.

— Товарищ командующий, — обратился начальник штаба, — танки нам нужны сейчас для допрорыва тактической зоны и развития оперативного прорыва. А когда мы достигнем успеха, командование фронта так или иначе будет вынуждено усиливать нас!

— Танков маловато, но у наших солдат и офицеров есть еще огромное желание наступать на Киев, а это немаловажно. Наша с вами первостепенная задача — превратить вспомогательное направление в главное!..

Член Военного совета армии Оленин разделял мнение начальника штаба, но он понимал и Черняховского — украинца, детство которого прошло в Оксанине, а юность в самом Киеве.

Черняховский обратился к начальнику оперативного отдела:

— Сколько у нас автомашин, товарищ полковник?

— Не подсчитывал.

— А следовало бы!

— До сих пор автомобили не прорывали вражескую оборону!

— Теперь будут прорывать. Только вслед за танками!

До рассвета обсуждался замысел операции.

— Как вы считаете, бог войны, — спросил Черняховский командующего артиллерией армии, — достаточно ли на главном направлении такого превосходства над противником: по пехоте в три раза, по артиллерии и минометам в девять раз, по танкам в одну целую и три десятых раза?

— С таким превосходством можно и черта взять за рога.

— А если противник на нашем левом фланге и в центре, на девяностокилометровом участке, где мы начисто оголим оборону, бросит одну недобитую дивизию и пройдет с ней по тылам ударной группировки фронта, а затем в прорыв Манштейн подбросит танковый корпус, вот тогда мы прикроем фланг Батова! — заметил член Военного совета армии Оленин.

— Не спешите, Василий Максимович, рассмотрим и этот вариант! — Черняховский повернулся к начальнику оперативного отдела. — Петр Николаевич, сколько вы еще наскребли автомашин для создания подвижных отрядов, хотя бы в стрелковых дивизиях передового эшелона?

— С учетом машин артиллерии, саперов и тыловых подразделений, которые можно безболезненно изъять и поставить в строй, — двести!

— Мало, нужно триста!

В разговор вмешался Тер-Гаспарян:

— И все же, товарищ командующий, из директивы фронта ясно, что наша армия прежде всего обеспечивает левый фланг главной группировки фронта от вероятных контратак противника

и лишь частью сил наступает на второстепенном направлении.

— Правильно поняли.

— Если правильно, тогда как начальник штаба позволю не согласиться с вами. Оголять фронт протяженностью в девяносто километров нельзя. Мы несем за него всю полноту ответственности.

— В таком случае, товарищ начальник штаба, где командующий 2-й немецкой армией генерал фон Зальмут ждет главного удара наших войск?

— Как вам известно, в соответствии с планом оперативной маскировки фронта, в целях дезинформации и для того, чтобы убедить противника, что главный удар наносится в полосе 60-й армии, нам приказано на нашем левом фланге имитировать сосредоточение крупных сил!

— А если противник на это не клюнет?

— Тогда, конечно, на Севском направлении, на участке армии генерала Батова. Там и местность благоприятствует для наступления.

— Если все так, как вы утверждаете, а это именно так, тогда он подбросит сюда все, что есть у него под руками. И наступление ударной группировки в полосе 65-й армии для Зальмута не будет неожиданным!

Тер-Гаспарян продолжал отстаивать свою точку зрения, не сомневаясь в том, что все присутствующие на совещании разделяют его соображения.

— Товарищ командующий, согласитесь с тем, что обстановка известна командованию и штабу Центрального фронта. И ставка на войска генерала Батова делается из тех соображений, что на этом участке будет достигнуто необходимое превосходство сил, оборона противника будет разрушена и успех на этом направлении гарантирован, нам только и останется обеспечивать фланг 65-й армии.

— Свое окончательное решение я объявлю после доклада командующему фронтом, но планирование предстоящей операции приказываю начать немедленно в соответствии с моим предварительным решением.

— Иван Данилович, и все-таки слишком большой риск, — сказал генерал-майор Оленин.

— Война вообще не бывает без риска, в данном случае считаю риск обоснованным. — Черняховский как бы подвел итог обсуждению.

Командарм и адъютант, оставшись одни, долго сидели молча, подавленные той не очень приятной атмосферой, когда выявляются разногласия между соратниками. Комаров не

выдержал.

— Иван Данилович, можно откровенно сказать? — В голосе Комарова Черняховский почувствовал досаду.

— Скажи, Алеша, скажи, дружище!

— Так не бывает, чтобы вы один были правы, а все остальные — нет! — как бы отрубил Комаров.

— Оказывается, бывает, Алеша. И объясняется это очень просто. Советчики не всегда до конца продумывают свои предложения. Это и понятно. Кто, по-твоему, несет основную ответственность?

— А если противник все-таки нанесет контрудар и сомнет боевые порядки войск нашей армии, помешает главным силам фронта?

— Алеша, Алеша, и ты сомневаешься? — Черняховский устало улыбнулся. — Дело в том, что начальник штаба упустил важную деталь в оценке возможностей соседа слева. А на войне очень важно правильно оценивать не только противника, но и свои войска. Армии Воронежского фронта под командованием Ватутина тоже переходят в наступление с задачей форсировать Днепр более крупными силами, чем мы. Так что гитлеровцам, обороняющимся на нашем левом крыле, будет жарко и без нас!

— И все же командующий фронтом, приказывая обеспечить левый фланг армии Батова, что-то имел в виду.

— Имел, но если мы будем продвигаться вперед, то этим и обеспечим смежный с армией Батова фланг, а если вырвемся вперед, — улыбнулся Черняховский, — тогда роли поменяются, и они уже должны будут обеспечивать наш фланг! Таков закон войны.

В частях и соединениях 60-й заканчивались последние приготовления к наступлению. Часы перед атакой… Кто пережил их, тот помнит, какой это волнующий и незабываемый момент в жизни солдата.

Иван Данилович выбрал время написать письмо домой.

«…Не за горами тот час, — писал он торопливо, — когда мы вступим на родную украинскую землю, на которой мы родились и выросли. Она нас вновь тепло и радостно встретит. За успех уверен. Трудно тебе передать, дорогая, какое радостное волнение мы переживаем, все горим желанием внести свою лепту в освобождение Киева. Он очень дорог моему сердцу. За два года войны я еще ни разу не обращался к командованию с просьбами. Все же буду просить, чтобы нашей армии дали направление на Киев. Вот уже третий день не могу без волнения читать лозунг: „Даешь Украину!“, который встречается на каждом шагу на сооруженных руками бойцов транспарантах. Еще большее

волнение охватывает меня, когда я слышу эти слова из уст своих солдат и офицеров, которые в морозную ночь в боях под Воронежем пели песню:

Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя как слеза…

Теперь нам остается перешагнуть Десну, а там и Днепр…»

Черняховский неудержимо рвался в бой, и все его солдаты, офицеры, генералы были охвачены единой волей, единым порывом форсировать Днепр и водрузить Знамя Победы над столицей Украины.

Штаб армии в эти дни работал как никогда напряженно, решение Черняховского и боевые задачи были доведены до войск. 24-й стрелковый корпус генерала Н.И. Кирюхина, усиленный артиллерийской дивизией прорыва, 150-й танковой бригадой, готовился наступать на смежном фланге с 65-й армией генерала Батова. Левее, на остальном участке фронта армии, должен был обороняться 30-й стрелковый корпус генерала Л.С. Лазько. Второй эшелон армии составлял 17-й гвардейский стрелковый корпус генерал-лейтенанта А.Л. Бондарева, переданный Рокоссовским из состава 70-й армии.

Черняховский больше всего интересовался ходом подготовки прорыва на участке 24-го корпуса. И вот поздно вечером генерал Кирюхин доложил:

— Товарищ командующий, беда случилась! Полковника Иванова тяжело ранило, некому передать командование 322-й стрелковой дивизей.

— Как же это могло случиться? Не бережете вы своих командиров!

— Вражеская бомба упала в тридцати метрах от его машины.

— Проконтролируйте, чтобы Иванову оказали квалифицированную медицинскую помощь, в отношении командира дивизии подумаем.

Командарм задумался, назначить ли начальника оперативного отдела командиром 322-й. В то же время оставлять штаб армии в ходе операции без опытного оператора нельзя. Но и лучше Лащенко кандидатуры на место Иванова ему сейчас не найти.

Перед началом операции Ивану Даниловичу хотелось побывать всюду. «Виллис», на котором он ехал, обогнув крутой косогор, спускался вниз, а навстречу поднималась видавшая виды «эмка», посеревшая от дорожной пыли. Узнав машину командарма, полковник Лащенко остановил свою «эмку» и

поспешил доложить о проделанной им работе в 226-й стрелковой дивизии полковника В.Я. Петренко.

— Вот что, товарищ полковник, — без обиняков начал Черняховский, — я не забыл вашей просьбы о переводе в войска. Помню и свое обещание на этот счет. Так вот, принимайте-ка дивизию Иванова. Обстановку в полосе ее наступления вы знаете, ибо принимали самое деятельное участие в разработке оперативного плана, вам, как говорится, и карты в руки.

26 августа Военный совет армии обратился к солдатам, сержантам и офицерам с воззванием:

«…Настал час и нам выполнить свой священный долг перед матерью-Родиной. Отчизна зовет нас! Вперед на запад! Вперед туда, где стонут от голода и пыток наши братья и сестры… К победе и славе зовут нас боевые знамена…»

День выдался солнечный. Гул артиллерийской подготовки постепенно начал отдаляться. По команде Черняховского в девять часов тридцать минут красная ракета осветила бойцов, поднявшихся с криком «ура!» в атаку. Командарм, наклонившись к стереотрубе, наблюдал, как соединения 24-го стрелкового корпуса дружно атаковали вражескую оборону.

Боевые действия принимали динамичный характер. В первый день операции войска Черняховского продвинулись вперед до восьми километров. А на направлении главного удара фронта, на участке армии генерала Батова шли ожесточенные бои за город Севск, темп наступления замедлился.

Начальник разведки армии подполковник Козырев докладывал Черняховскому:

— Товарищ командующий, в 13-м армейском корпусе противника недосчитывается одной пехотной дивизии!

— Где же она?

— По всей вероятности, переброшена для подкрепления севского гарнизона!

— Георгий Андреевич! — командарм обратился к начальнику штаба армии. — Проверьте, подготовлены ли подвижные отряды?

— Есть проверить! — Тер-Гаспарян приник к телефонному аппарату…

Черняховский со своей оперативной группой меняет командно-наблюдательный пункт. На «виллисах» начальника оперативного отдела и командующего артиллерией раскачивались по две необычно высокие антенны. Кавалькада автомашин останавливается на окраине деревни. По лощине Черняховский, Оленин поднимаются на высоту, за ними связисты с радиостанциями на спинах. По радостному настроению офицеров и генералов, прибывающих на новое КНП армии,

чувствуется, что наметился успех.

— Товарищ командующий, корпус Кирюхина контратакован силами до тридцати танков и больше полка пехоты противника! — вскоре докладывал начальник штаба армии.

— Как вы оцениваете обстановку?

— Противник частными контратаками пытается задержать наше наступление!

— Организуйте отражение. Комаров, соедините меня с командиром семнадцатого корпуса.

— Генерал Бондарев у телефона, — тотчас же докладывает Комаров.

— Как вы меня слышите?

— Хорошо, товарищ 21-й!

— Приказываю из-за правого фланга Кирюхина ввести в прорыв шестую дивизию.

Разговор Черняховского с Бондаревым заглушает гул летящих самолетов, которые в стройных боевых порядках стали заходить в круг и с душераздирающим воем пикировать на КНП 60-й армии.

С опозданием заработали наши счетверенные пулеметы, одна за другой рвутся вражеские бомбы. «Юнкерсы», освободившись от смертоносного груза, улетают, и, когда рассеивается дым, Черняховский, отряхивая пыль, замечает, что вокруг нет ни одного человека, все успели занять укрытия. Между тем гул моторов и скрежет гусениц вражеских танков нарастал.

— Кирюхин просит помощи, — доложил Тер-Гаспарян.

Черняховский тут же подошел к телефонному аппарату.

— Николай Иванович, что у вас там такое?

— Товарищ командующий, полковник Лащенко отражает вражескую контратаку, просит штурмовика!

— Главными силами продолжайте развивать наступление, выдвигаю на ваш фланг для прикрытия армейский противотанковый резерв!

У Черняховского раскалывалась голова — он не смыкал глаз уже вторые сутки. Пронзительно зазвонил телефонный аппарат ВЧ.

— Товарищ генерал, как вы меня слышите? — спрашивает Рокоссовский.

— Хорошо, товарищ генерал армии.

— Молодцы, молодцы! Иван Данилович, в ваше распоряжение передаю 9-й танковый корпус. Командир корпуса Рудченко на подходе к вам, встречайте его и вводите в прорыв, успеха вам!

— Стараемся, товарищ командующий!

Наступление 60-й развивалось успешно. С докладом к командарму подошел Тер-Гаспарян.

— Товарищ командующий, корпус генерала Бондарева на рубеже ввода в сражение!

— Не может быть! Так быстро? — обрадовался Черняховский.

Командир 17-го гвардейского корпуса генерал-лейтенант Бондарев на большой скорости затормозил свой «виллис» около КНП, где стояли Черняховский вместе с Тер-Гаспаряном, и доложил:

— Товарищ командующий, вверенный мне корпус вводится в сражение с задачей — на плечах отступающего противника развивать наступление в направлении Обжи — Глухов.

— На вашем пути встретятся узлы сопротивления, обходите их, генерал. Благословляю вас скорее залить радиаторы днепровской водой!

Черняховский для развития оперативного успеха совместно с корпусом Бондарева 27 августа ввел в сражение 9-й танковый корпус. Наблюдая в стереотрубу за боевыми действиями своих войск, он вносил коррективы, объединяя усилия танков, авиации и пехоты на выполнение поставленной задачи.

Корпус генерала Бондарева и танки полковника Рудченко вырвались вперед. За разрывами снарядов нашей артиллерии тридцатьчетверки атаковали промежуточный рубеж обороны противника, за танками шла пехота, с неба штурмовали врага краснозвездные Илы.

Внезапный прорыв, совершенный войсками Черняховского на вспомогательном направлении, там, где враг не ждал нашего крупного наступления, сокрушил оборону немцев. За два дня войска армии прорвали оборону противника па глубину более чем на 15 километров.

Соединения генерала Бондарева вместе с танкистами Рудченко вырвались на оперативный простор. 29 августа они освободили города Рыльск, Глухов и сотни других населенных пунктов.

Из штаба армии корреспонденты сообщали в Москву все новые и новые данные об успехах 60-й армии, о ее воинах, отличившихся в боях.

Командарм заботился о том, чтобы каждый солдат, достойный боевой награды, получил ее как можно быстрее, в ходе наступления. Нередко он сам вручал ордена и медали, старался, чтобы о солдатском подвиге было широко известно.

Однажды Черняховский представил корреспондентам сержанта Турушканова:

— Познакомьтесь, настоящий богатырь! Взвод под его

командой захватил важный в тактическом отношении железнодорожный разъезд с двумя немецкими воинскими эшелонами. Турушканов лично уничтожил двенадцать фашистов. От имени правительства награждаю сержанта орденом Красного Знамени и предоставляю ему краткосрочный отпуск домой.

По-иному развернулись события в полосе наступления 65-й армии генерала Батова. Немецко-фашистское командование, Стремясь удержать за собой важный узел сопротивления, перебросило в район Севска дополнительные резервы. Рокоссовский вынужден был на второй день операции ввести на направлении главного удара танковую армию. Стрелковые соединения Батова и танки Богданова 27 августа овладели городом Севском. Но развить успех они не смогли. К исходу шестого дня наступления им удалось продвинуться всего лишь на двадцать пять километров.

Войска Черняховского за это время добились наибольшего успеха: прорвали вражескую оборону по фронту на сто и в глубину на шестьдесят километров. От каждой стрелковой дивизии впереди наступали подвижные отряды в составе усиленного стрелкового батальона на автомашинах. Они, не отставая от танковых частей и обходя узлы сопротивления, выходили на пути отхода вражеских войск.

Генерал армии Батов в книге «В походах и боях» так оценивает победы войск Черняховского в этой операции:

«Успех 60-й армии, примыкавшей к нашему левому флангу, был неожиданностью. Черняховский имел меньше сил, чем мы. Но оказалось, что противник в разгар боев под Понырями снял с участка против 60-й армии значительные силы. Это был большой просчет вражеского командования, которым искусно воспользовался Черняховский. Он создал в ходе наступления из стрелковых дивизий подвижные группы, собрал для них весь автотранспорт армии и на второй день вывел войска на оперативный простор. Рокоссовский намеренно стал наращивать удар… В прорыв была введена 13-я армия, а затем и 61-я армия генерала П.А. Белова. Враг заметался, и мы на своем тяжелом участке сразу почувствовали облегчение».

Вспомогательное направление в полосе наступления 60-й армии стало главным. Соединения Черняховского создали реальную угрозу выхода во фланг неприятельским войскам, обороняющимся перед ударной группировкой Воронежского фронта.

Командующий Центральным фронтом Рокоссовский, используя успех 60-й армии, быстро перегруппировал основные силы фронта с правого крыла на левое.

В первой половине сентября черняховцы продолжали продвигаться в глубь Украины, преодолевая ожесточенное сопротивление врата, освобождая села и города, овладевая важными железнодорожными узлами и опорными пунктами в обороне немецко-фашистских войск на Киевском направлении.

Успех операции был обусловлен не только правильно принятым решением и умелым управлением войсками, но и отлично организованной партийно-политической работой.

Быстрое продвижение соединений 60-й армии свидетельствовало о высоких морально-боевых качествах ее воинов. Коммунисты и комсомольцы увлекали их за собой. Так было, например, южнее Бахмача, у села Кобыжча. Одна из пулеметных рот в ходе наступления отражала шестую яростную контратаку. В решающий момент боя парторг этой роты Хасанов бросился со связкой гранат под фашистский танк. Отважный боец уничтожил вражеское бронированное чудовище, сам погиб, но путь вперед роте был расчищен.

В освобождении города Бахмача вновь отличились части 17-го гвардейского стрелкового корпуса. Несколько позднее в соответствии с распоряжением Рокоссовского корпус генерала Бондарева был переподчинен соседней 13-й армии. На усиление 60-й прибыл 7-й гвардейский механизированный корпус генерала И.П. Корчагина.

В тот же день по радио был передан приказ Верховного Главнокомандующего:

> «…В боях за города Конотоп и Бахмач отличились войска генерал-лейтенанта И.Д. Черняховского… 9 сентября в 20 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, освободившим города Конотоп и Бахмач, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий…
>
> Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!»

Для успешного наступления на Киев необходимо было овладеть Черниговом, чтобы не дать возможности противнику нанести фланговый удар по войскам Воронежского фронта. А на пути к Чернигову и Киеву стоял город Нежин, превращеный противником в сильный узел обороны.

Занимая хорошо укрепленные городские сооружения в Нежине и труднодоступные позиции в его лесисто-болотистых окрестностях, немцы упорно сопротивлялись.

— Товарищ генерал, — докладывал Черняховскому

начальник штаба, — соединения первого эшелона армии противником остановлены. Каждый час промедления увеличивает шансы врага бросить дополнительные силы с еще не атакованных нами участков и этим задержать нас надолго…

— Мы далеко вклинились вперед, — сказал на это Черняховский, — разрезали фронт обороны противника и нависли на его флангах. Он бросает последние резервы, чтобы остановить нас, так что не очень уж плохи наши дела. Ваше предложение?

— Ввести в сражение 7-й гвардейской мехкорпус в направлении на Нежин.

— А вы проанализировали, сколько на это потребуется времени?

— Чтобы ввести в сражение корпус, нам нужно три часа. За это время и немцы смогут перегруппироваться. Но, пожалуй, им не до этого. Они скованы на флангах.

— Немцы попытаются нам помешать. Чем мы можем немедленно помочь нашим наступающим соединениям первого эшелона?

— Мы не располагаем другими силами, кроме соединений 7-го гвардейского мехкорпуса и передовых частей 77-го стрелкового корпуса, прибывшего из Резерва Ставки. Артиллерия отстала и меняет огневые позиции. Если враг воспользуется этим, наступление захлебнется…

Рокоссовский принимал все от него зависящие меры для того, чтобы своевременно усилить армию Черняховского свежими соединениями. За короткие сроки вместо бывших 9-го танкового, 17-го гвардейского стрелкового корпусов прибывали новые соединения: 7-й гвардейский мехкорпус генерала И.П. Корчагина, 77-й стрелковый корпус генерала П.М. Козлова и на подходе находился 18-й гвардейский стрелковый корпус генерала А.М. Афонина.

Темп наступления был настолько высок, что отстали не только тылы, но и полевая артиллерия. Черняховский понимал, насколько важны на данном этапе часы и даже минуты. Пока успеет подойти отставшая полевая артиллерия на усиление новых соединений, враг может закрепиться. Выход все-таки был найден.

Основной группировке зенитной артиллерии армии, предназначенной для борьбы с вражеской авиацией, была поставлена задача вести огонь по наземному противнику.

Использование зенитной артиллерии для поддержки стрелковых дивизий было делом рискованным даже при господстве нашей авиации в воздухе. Но Иван Данилович рассчитывал за час-два сломить сопротивление противника. Да,

это был риск. Но риск продуманный и обоснованный. Расчеты Черняховского подтвердились на практике.

Нежин был освобожден. В этот же день вся страна услышала по радио очередное сообщение от Советского Информбюро.

> «Войска Центрального фронта, продолжая наступление, сегодня, 15 сентября, после двухдневных ожесточенных боев овладели крупным железнодорожным узлом и городом Нежин — важнейшим опорным пунктом обороны немцев на путях к Киеву.
>
> В боях за Нежин отличились войска генерал-лейтенанта Черняховского…»

Войска 60-й армии, окрыленные победами, 19 сентября совместно с 13-й армией форсировали Десну. За образцово организованную операцию Президиум Верховного Совета СССР 21 сентября 1943 года наградил командующего 60-й армией генерал-лейтенанта Черняховского орденом Суворова I степени, а начальника штаба армии генерал-майора Тер-Гаспаряна орденом Суворова II степени.

В результате стремительного наступления 60-й армии и быстрого выхода ее к Днепру стратегический фронт гитлеровцев был рассечен надвое. Войска Черняховского наступали на левом крыле своего фронта, опередив на сто — сто двадцать километров армии Воронежского фронта, которые вели бои еще на рубеже Ромны — Лохвицы. Прорыв, совершенный 60-й, еще раз подкрепил полководческую репутацию Черняховского, его искусство и умение управлять войсками в сложных условиях современной операции.

Стремительный прорыв 60-й и ее нависающее положение над флангом противника предопределили крупный оперативный успех не только войск Центрального фронта, но и Воронежского. Однако большой отрыв армии от соседей не мог не волновать Ивана Даниловича. Для обеспечения флангов он вынужден был отвести часть своих сил и средств.

После освобождения Нежина, воспользовавшись приездом в армию командующего фронтом, Черняховский раскрыл ему свои сокровенные мысли.

— Товарищ командующий, на мой взгляд, сейчас очень важно не дать противнику закрепиться на высоком западном берегу Днепра. Мы готовы совершить обход. Неплохо бы силами 60-й и 13-й армий ударить во фланг немецкой группировке, которая сдерживает правое крыло Воронежского фронта, а затем с ходу

захватить Киев.

— Иван Данилович, на это необходимо получить разрешение Ставки.

— Но время не терпит. И я прошу вас разрешить нам в подготовительных целях занять выгодный рубеж в районе Прилуки, за нашей разграничительной линией, в полосе наступления Воронежского фронта.

— Подменять соседей? — Рокоссовский задумался. — Это дело очень тонкое. Надо переговорить с ними.

— Подоспеют соединения Ватутина — передадим им город в сохранности. Пока в Прилуках только тылы немцев, но если запоздаем — противник подтянет туда крупные силы, и тогда нам придется нести неоправданные потери.

Рокоссовский согласился с Черняховским.

Тем временем гитлеровские генералы засыпали телеграммами штаб фельдмаршала Манштейна, расположенный в городе Запорожье, где в это время находился и сам Гитлер. Они просили Гитлера разрешить им отвести войска за Днепр. Он обвинил свой генералитет в бездарности. Однако обстановка вынудила Гитлера отдать приказ об отступлении с арьергардными боями.

Враг отходил, но был еще силен. Он упорно цеплялся за каждый выгодный рубеж. Природные условия не всюду благоприятствовали наступающим, в торфяных болотах вязли колеса машин. Немцы подожгли сухой торф. Пожары охватили огромную площадь. Черняховцам приходилось пробиваться сквозь едкий дым тлеющих торфяников. Несмотря на трудности, стрелковые дивизии 60-й одними из первых вышли к Днепру севернее Киева. За двадцать пять дней они преодолели с боями около трехсот километров.

Фашисты взорвали днепровские мосты, а подступы к переправам заминировали. Соединения армии вышли к реке, не имея табельных переправочных средств. Большая часть их еще была занята на Десне, где переправлялись армейские тылы.

60-й армии предстояло форсировать Днепр. Такие крупные водные преграды обычно преодолеваются с планомерной подготовкой. Требовалось подтянуть понтонно-мостовые парки и обеспечить одновременную переправу пехоты, танков и артиллерии. Но в этом случае противнику предоставлялось время для подготовки более мощной обороны и переброски оперативных резервов, а наши войска лишились бы важного фактора внезапности, что, конечно, значительно увеличило бы

наши потери.

Форсирование без планомерной подготовки — с ходу — лишало врага многих преимуществ. Но оно было для нас довольно рискованным. Противник мог сбросить обратно в Днепр наши малочисленные передовые отряды, переправленные на подручных средствах без танков и достаточного количества артиллерии.

Черняховский понимал, что исход предстоящей операции и судьба вверенных ему войск во многом зависели оттого, какое он примет решение.

Он отдал предпочтение более смелому плану — форсировать Днепр с ходу, силами передовых отрядов. Об этом уведомил прежде всего члена Военного совета армии Оленина, показав ему на карте, как он мыслит осуществить свой план, и спросил:

— Василий Максимович, надеюсь, возражений нет. Отдаем распоряжения войскам?

— Распоряжения придется отдавать, — не стал возражать Оленин. — Но мероприятие очень рискованное.

— Весь расчет — на обман противника. Он нас пока не ждет на противоположном берегу и вряд ли успел опомниться от наших ударов.

— А если успел закрепиться?

— Как только гитлеровцы откроют огонь, мы тотчас же накроем их залпом артиллерии с закрытых огневых позиций, ударим из танков и пушек, выставленных на прямую наводку.

Командующий, член Военного совета и начальник штаба проявили максимум энергии и умения, чтобы обеспечить форсирование Днепра с ходу на подручных средствах. Быстро были сколочены плоты, с помощью партизан и местного населения ранее припрятанные лодки также были подготовлены для переправы.

Ночной мрак скрывал противоположный берег. Только слышно было, как плещутся волны Днепра. Темнота усиливала ощущение неизвестности.

Ударная группировка была готова к действию, ждала только команды…

В эту ночь партизаны принесли Черняховскому одну из фашистских листовок: «На Днепре русские остановлены, и германская армия будет держать их, пока не обескровит. Будет драться, если надо, семь лет, до полного уничтожения России».

Взяв листовку, командарм сжег ее и, сдув пепел, сказал партизанам:

— Дорогие друзья. Враги нас задержать не смогут.

Гитлеровские генералы оценили сложившуюся обстановку по-

своему. Пленный офицер штаба 327-й пехотной дивизии рассказывал:

— Командующий 4-й танковой армией генерал Грезер на совещании командиров дивизий ориентировал нас иа то, что форсирование Днепра возможно только на паромах и при помощи специально сооруженных для этой цели понтонных мостов. Для того чтобы русским подтянуть переправочные средства и привести свои войска в порядок, уверял Грезер, им потребуется минимум месяц.

Ивану Даниловичу было известно, что действительно во всех наставлениях и уставах германской армии форсирование таких рек в соответствии с «правилами военного искусства» допускается только при наличии инженерных переправочных средств.

Передовые части 60-й армии, не ожидая подхода подкреплений и переправочных средств, на рассвете 24 сентября, когда над рекой еще лежал туман, на плотах и рыбачьих лодках двинулись к правому берегу Днепра. Солдаты сердцем чувствовали заботу своего командарма, они знали, что по его приказу артиллерия и авиация всегда придут им на помощь. Иван Данилович наблюдал, с каким мужеством и подъемом его войска форсируют реку. Переправа была трудной: вода кипела от разрывов вражеских снарядов. Но, преодолевая смертельную опасность, воины, уверенно двинулись к противоположному берегу.

— Георгий Андреевич, смотрите, что делается! — Черняховский показал начальнику штаба армии на переправу.

— Пожалуй, в этих условиях пехоте лучше форсировать Днепр рассредоточенно на лодках и плотах, чем на понтонах. Немецкому «фокке-вульфу» приходится гоняться чуть ли не за каждым солдатом!

В это время взрыв поднял огромные столбы воды рядом с одним из плотов. Казалось, взрывной волной плот уже разметало на части. Но двое солдат со станковым пулеметом оставались на нем и продолжали плыть.

А передовые отряды уже достигли противоположного берега и вступили в неравный бой. Сквозь пулеметный и автоматный треск, сквозь гул орудий доносилось солдатское «ура!». Затем оно потонуло в шуме боя.

На следующий день от командиров частей, высадившихся на правом берегу, стали поступать тревожные вести: враг подбрасывал новые силы. Командир 75-й гвардейской Бахмачской стрелковой дивизии генерал-майор В.А. Гориншый, чьи подразделения вели бой за расширение плацдарма, попросил разрешения приостановить атаки и перейти к обороне.

Многим генералам и офицерам на КНП командующего положение стало казаться непоправимым. Но Иван Данилович не растерялся.

— Плацдарм расширять! — приказал он по радио Горишному. — Высылаю подкрепления, поддержу огнем и сам переправляюсь к вам.

— Товарищ двадцать первый, вам не время переправляться. В нас не сомневайтесь. Если будет нужно умереть на плацдарме — мы готовы, — прозвучал голос комдива в эфире.

На правом берегу Днепра ни на минуту не прекращался ожесточенный бой за расширение плацдарма. Решался исход операции. Успех во многом зависел от храбрости и мужества солдат и офицеров. В такие критические минуты боя многое решал личный пример командиров. И генерал Черняховский отдавал себе отчет, что командующий имеет право рисковать только в исключительно критических случаях.

На левом берегу Днепра заработала наша артиллерия. Днепр окутала сплошная дымовая завеса. Стало так темно, будто день превратился в ночь. Непрерывно над головой жужжали вражеские пули, осколки впивались в борта лодки, на которой переправлялся Черняховский.

— Смелее гребите, товарищи! — подбадривал генерал бойцов. — Немец еще не отлил пулю для вашего командарма!..

Слова Ивана Даниловича прервал глухой взрыв. Раздался стон. Осколками вражеского снаряда был смертельно ранен рулевой. Его тотчас же заменил другой солдат. И вскоре лодка стукнулась носом о крутой берег.

Командарма встречал генерал Горишный. Увидев первым прыгнувшего с лодки майора Комарова, он сказал ему с упреком:

— Что же это вы делаете, товарищ адъютант?! Зачем переправили сюда командующего? Ведь на плацдарме положение неустойчивое.

— Приказ. Ничего не мог сделать, товарищ генерал, — ответил Комаров.

Среди бойцов быстро разнеслось, что с ними на правом берегу командующий. Активнее стала действовать артиллерия с левого берега, она поставила неподвижный заградительный огонь впереди и на флангах частей дивизии Горишного. На контратакующего противника обрушился шквал огня. Неоднократные попытки врага сбросить высадившиеся части обратно в Днепр успеха не имели. Плацдарм не только удержали, но и расширили. Вскоре генерал Горишный доложил об успешном захвате второго плацдарма в районе восточнее села Глебовна.

Армия продолжала упорную борьбу с наседавшим врагом,

отбивала его многочисленные контратаки.

Успешные наступательные бои войск генерала Черняховского позволили к концу сентября овладеть плацдармом на правом берегу Днепра, севернее Киева, шириной в двадцать и глубиной до пятнадцати километров.

Готовясь к новой наступательной операции, командующий фронтом приказал Черняховскому расширить захваченный район в направлении на запад и юго-запад, в обход Киева. Оценивая обстановку, Черняховский решил главный удар нанести на юг, вдоль Днепра, в направлении Киева. Целесообразность такого решения диктовалась тем, что левый фланг армии был прикрыт Днепром. Оборона врага была еще очень сильной, а близость Киева с его узлом дорог позволяла врагу маневрировать резервами.

Войска 60-й неоднократно переходили в атаки и несколько дней вели упорные, но безрезультатные бои. Противник, воспользовавшись паузой, подтянул резервы, заблокировал наши соединения на плацдарме и остановил их дальнейшее продвижение на Киевском направлении. Черняховский ошибся в своих расчетах. Спустя некоторое время он признавался: «Черт меня попутал, зря я недооценил возможности противника и ударил в обход с северо-запада. Киев, словно магнит, притягивал меня».

Стремление Черняховского продвинуться по направлению к Киеву можно было понять. Плацдарм в устье реки Припяти, занимаемый его войсками, находился на значительном удалении от Киева, около ста километров. И для разгрома основных сил 4-й немецкой армии, противостоящих в районе Киева, 60-я во взаимодействии с другими армиями должна была нанести глубокий охватывающий удар в юго-западном направлении по труднодоступной лесисто-болотистой местности.

Сравнительно в лучшем положении находились войска 38-й армии, которые захватили лютежский плацдарм, около двадцати километров севернее Киева. Этот плацдарм по условиям местности позволял советским войскам на второй день операции обойти Киев с северо-запада, перерезать шоссе Киев — Житомир и овладеть столицей Украины.

В эти напряженные дни у Ивана Даниловича не было свободной минуты. И все же он нашел время, чтобы написать письмо домой.

«Нилуся дорогая, здравствуй, — писал он дочери, отвечая на ее письмо. — Итак, Днепр наш! А ты? Посмотрим, что покажет первая четверть. Читай газету за 17 октября о присвоении звания Героя Советского Союза… Нилусенька! Все триста шесть героев, о

которых напечатано в газете, это мои герои, чудо-богатыри. Какие замечательные люди!..»

Войска 60-й армии при форсировании Днепра проявили высокое боевое мастерство и массовый героизм. Многим из отличившихся — солдатам, сержантам, офицерам и генералам, в том числе и Ивану Даниловичу Черняховскому, — было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Тысячи черпяховцев были награждены орденами.

Правительственные награды вручали воинам прямо на поле боя. Майор Комаров разыскивал бронебойщика комсомольца Грицуна. Стало известно, что отважный боец находится в армейском госпитале. Иван Данилович, пользуясь небольшим затишьем, решил сам вручить там ордена раненым.

Утром в госпитальную палатку вошел командующий. Подойдя к кровати Грицуна, он наклонился и, положив руку на его плечо, по-братски, ласково сказал:

— Вот где мы опять встретились! Добре, хлопче, добре бился ты за честь батькивщины. Выздоравливай, друже, поправляйся, — Командарм сам прикрепил на его грудь орден Красного Знамени.

5

На Киевском стратегическом направлении окончательно определился как основной Воронежский фронт, переименованный в 1-й Украинский. Ему были переданы несколько артиллерийских и инженерных бригад, а также 13-я и 60-я общевойсковые армии из состава Центрального фронта.

В соответствии с указанием Ставки Верховного Главнокомандования командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Ватутин решил разгромить группировку противника в районе Киева и овладеть им, нанося главный удар с букринского плацдарма силами 40-й и 27-й армий с двумя танковыми и одним механизированным корпусом, а также 3-й танковой армией — в направлении на Васильков и Фастов в обход Киева с юго-запада. Вспомогательный удар предполагался с плацдарма севернее Киева вдоль реки Ирпень в обход Киева с северо-запада силами 38-й армии (с танковым корпусом) и между реками Здвиж и Ирпень — 60-й армией с кавалерийским корпусом.

Переподчинение армии 1-му Украинскому фронту пришлось по душе Ивану Даниловичу. Прежде всего он был доволен тем, что армия до некоторой степени примыкала к главному стратегическому направлению. К тому же командующий фронтом Николай Федорович Ватутин был его старым знакомым.

И все-таки трудно Черняховскому было расставаться с генералом Рокоссовским. За время пребывания армии в составе Центрального фронта Иван Данилович многому научился у Рокоссовского: такту, выдержке, искусству управлять крупными войсковыми соединениями в сложных операциях.

Тер-Гаспарян, однако, не разделял радости Ивана Даниловича по поводу того, что армия перешла в состав 1-го Украинского фронта:

— Значит, снова мы на второстепенном направлении? Кроме кавалерийского корпуса, нам ничего не дали.

— Ведь не так давно мы превратили второстепенное направление в главное. Гитлеровцы не могут не ценить значение букринского плацдарма и не знать наши намерения. Там они и сосредоточивают свои резервы, лишь бы удержать Киев. Киев — это ворота на запад. Поэтому они сделают все, чтобы приостановить наступление наших войск с букринского плацдарма. И не исключена возможность, что успех будет достигнут именно с нашего плацдарма, севернее Киева.

Войска Ватутина во второй половине октября дважды

переходили в наступление с букринского плацдарма, но существенных результатов так и не добились. Это объяснялось многими причинами. Войска фронта без передышки вели напряженные бои уже в течение трех месяцев (с Курской битвы). Немцы занимали оборону на господствующих высотах. Продвижение наших войск задерживала и нехватка переправочных средств. 1-й Украинский фронт смог начать наступление с букринского плацдарма не раньше 10 октября — только к этому сроку могли быть переправлены танки и артиллерия в необходимом для фронтовой операции количестве.

1-му Украинскому фронту предстояло опередить противника в сосредоточении крупных сил на оборонительных линиях по правому берегу Днепра — «Восточном валу». Время становилось решающим фактором. Вопрос решался, кто кого опередит! Но немецко-фашистское командование имело ряд преимуществ: отлаженный транспорт, свободу маневра, заранее подготовленную, как они считали, неприступную оборону по пресловутому «Восточному валу» (Остваль).

Верховное командование вермахта четко себе представляло, что в битве за Киев решается судьба всего восточного фронта, и принимало все от него зависящие меры, чтобы сконцентрировать здесь мощную группировку. К началу ноября на Киевское направление враг успел подтянуть около тридцати дивизий, и из них семь танковых и две моторизованные, что составляло более одной четвертой части всех бронетанковых войск фашистской Германии. За Киев разгорелись ожесточенные сражения.

Немецко-фашистскому командованию удалось подтянуть оперативные резервы и отразить удары наших войск на букринском плацдарме. Соединения армий Москаленко и Рыбалко здесь постигла временная неудача. Как ни было горько, но это признал и командующий фронтом генерал армии Ватутин. Вскоре он убедился, что на букринском плацдарме прорыв обороны противника не представляется возможным.

Объяснялось это тем, что на Киевском направлении обстановка изменилась и оперативная внезапность была утеряна, враг успел создать плотную оборону, сложные условия местности затрудняли широкий маневр силами и средствами, особенно танковыми соединениями. Для нанесения нового удара наиболее подходящим являлся другой, лютежский плацдарм. Однако необходимо было скрытно и быстро перебросить войска на этот плацдарм, чтобы не оставить гитлеровцам времени на перегруппировку и переброску новых сил к Киеву.

Время решало многое в подготовке нового удара с лютежского плацдарма.

Ставка Верховного Главнокомандования директивой от 24 октября 1943 года потребовала закончить переброску соединений 3-й танковой армии и четырех стрелковых дивизий с букринского на лютежский плацдарм к 1—2 ноября. Несмотря на такие жесткие сроки, перегруппировка войск была произведена своевременно и скрытно.

Фельдмаршал Манштейн в своих мемуарах вынужден был признаться: «В начале ноября противник крупными силами снова перешел в наступление на северный фланг группы армий — участок фронта 4-й танковой армии на Днепре. Было неясно, имеет ли это наступление далеко идущие цели или противник пока пытается занять западнее Днепра необходимый ему плацдарм».

В штабе фронта и в Генштабе в срочном порядке велись работы над новым планом операции по освобождению Киева.

Верховный Главнокомандующий в конце октября утвердил решение Ватутина нанести главный удар с плацдармов севернее Киева силами 3-й гвардейской танковой, 60-й и 38-й армий. Ватутин, совершив сложную перегруппировку и нанеся главный удар с лютежского плацдарма, принял на себя огромную ответственность за жизни тысяч людей, большое количество боевой техники и прежде всего за успех сражения.

Соединения армий Москаленко, Рыбалко, Черняховского без какой-либо паузы готовились к проведению новой операции. Особое внимание обращалось на организацию взаимодействия между танками, артиллерией и пехотой. Части были пополнены людьми и техникой, обеспечены всем необходимым для наступления. Военный совет фронта провел титаническую работу по организации подвоза около двухсот тысяч тонн боеприпасов, горючего, продовольствия. Следует учесть, что противник, отступая, разрушал и железные дороги, которые приходилось срочно восстанавливать. Железнодорожный транспорт не мог оправиться с перевозкой такого количества грузов. Авточастями фронта было перевезено свыше ста тысяч тонн различных грузов.

Перед началом наступления командование 1-го Украинского фронта обратилось к воинам с призывом:

> «Славные бойцы, сержанты и офицеры, перед вами родной Днепр. Вы слышите плеск седых волн. Там, на его западном берегу, древний Киев — столица Украины. Вы пришли сюда, па берег Днепра, через жаркие бои, под грохот орудий, сквозь пороховой дым. Вы прошли с боями сотни километров …тяжел, но славен был наш путь. В этот час, когда мы стоим у Днепра, к нам

обращены взоры всей страны, всего народа. Нас ждут советские люди на западном берегу великой реки. Поднимем же сегодня свои славные знамена на том берегу седого Днепра, над родным Киевом».

В дни, предшествующие наступлению, Военный совет 60-й армии провел большую партийно-политическую работу в частях, направил туда дополнительно много политработников. Вместе с коммунистами активно готовились к предстоящим боям комсомольцы. В резолюции комсомольского собрания одного из подразделений говорилось: «Просим командование направить наше подразделение в первый эшелон. Клянемся Родине и нашей партии, что боевую задачу выполним».

Ватутин приказал Черняховскому прикрыть основную группировку фронта, нацеленную на Киев с севера, и нанести главный удар в направлении на Коростышев, затем идти в обход Киева — по левому берегу реки Ирпень. Развивая успех, к исходу 5 ноября выйти на фронт Мануильск — Владимировка — Микуличи — Козницы в двадцати пяти километрах западнее Киева.

Прежде чем принять решение на предстоящую операцию, Черняховский хотел выслушать мнения командующих родами войск, командиров соединений и частей, посоветоваться с ними. Начал с артиллеристов.

— Товарищ генерал, командиры артиллерийских соединений и частей по вашему приказанию собраны… — доложил начальник штаба армии.

Черняховский, приняв рапорт, вдруг увидел среди собравшихся своего сослуживца по артиллерийской школе и 8-й механизированной бригаде подполковника Будко. Он подошел к нему и крепко его обнял:

— Саша! Восемь лет не виделись! Надо же так — где-то совсем рядом — и не заходишь! Слышал о твоих подвигах на Днепре, реляция проходила через мои руки. Поздравляю с присвоением звания Героя Советского Союза!

Черняховский начал совещание. Первым доложил о своих возможностях командир 1-й гвардейской артиллерийской дивизии, непосредственный начальник Будко. Затем выступили другие командиры соединений и командующий артиллерией армии. Иван Данилович внес несколько поправок, утвердил план артиллерийского наступления. А когда совещание закончилось, пригласил Будко вместе пообедать.

— С полковником Цешковским переписку поддерживаете? — спросил Будко за обедом.

— Редко пишет, — посетовал Иван Данилович. — Но недавно от сестры я получил письмо, пишет, что Иван ранен и лежит в госпитале.

— А как сложилась судьба Василия Мернова?

— Работает в Генеральном штабе. С ним не шути.

— Комиссар стал генералом, командир батальона Воронков — подполковник. Адресов не имею, но знаю, что оба в действующей армии.

Черняховский, Оленин и Тер-Гаспарян тщательно обдумывали план операции. Учитывалось буквально все. Реку Здвиж, протекающую с юга на север через огромные болотистые поймы и лесные массивы, предполагалось использовать для прикрытия флангов войск армии от ударов противника.

В конце октября, утверждая план операции армий правого крыла фронта, Ватутин дал ему следующую оценку:

— Оперативный план штаба 60-й армии, на мой взгляд, отличается зрелостью.

В ночь на 3 ноября Ватутин занял наблюдательный пункт на правом берегу Днепра, в двенадцати километрах севернее Киева, близ села Ново-Петровцы, в восьмистах метрах от противника. Черняховский разместился еще ближе к переднему краю немцев. Все приготовления закончились. Рано утром каждому воину вручили листовку с приказом Военного совета фронта. Во всех подразделениях, где было возможно, провели митинги, на которых зачитывалось обращение Военного совета фронта. Там, где нельзя было провести митинги, политработники и командиры на месте, в окопах, у боевых машин, в огневых расчетах разъясняли солдатам и сержантам содержание обращения Военного совета. Воины, полные решимости, клялись освободить Киев к 7 Ноября — дню празднования 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Большое значение имели выступления членов Военных советов фронта и 60-й армии — генералов Крайнюкова и Оленина. За несколько часов до наступления они по душам поговорили с солдатами и командирами во многих стрелковых ротах и артиллерийских батареях, поставленных на направление главного удара.

3 ноября, ровно в восемь часов, в холодном утреннем тумане грянула наша артиллерия, гром раскатился далеко по реке. Иван Данилович в эту минуту вспомнил давно прочитанное у Гоголя: «Когда же пойдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается до корня, дубы трещат, и молния, изламываясь между туч, разом осветит целый мир — страшен тогда Днепр».

Восемь часов сорок минут. Туман стал рассеиваться. Войска 60-й дружно атаковали врага, сокрушая все преграды,

стремительно продвигаясь вперед. Успех наступления определился в первые же часы. Взламывая пресловутый «Восточный вал», черняховцы овладели Катюжанкой, Буда Бабинской. Противник нанес контрудар по передовым соединениям 60-й силами 8-й танковой дивизии, пытаясь создать угрозу основной группировке фронта, наступающей на Киевском направлении. Развернулись ожесточенные бои. Соединения 60-й отбросили части 8-й немецкой танковой дивизии за реку Здвиж, совершили обходный маневр в направлении на запад и юго-запад. Этим они прикрыли от фланговых ударов противника главную группировку фронта — соединения 3-й гвардейской танковой и 38-й армий, наступающие на Киев.

6 ноября войска 1-го Украинского фронта штурмом овладели Киевом. В освобождении столицы Украины и в разгроме 4-й немецкой танковой армии, противодействовавшей наступавшим, важную роль сыграли соединения армии генерал-лейтенанта Черняховского, армии генерал-полковника Москаленко, танкисты генерал-лейтенанта Рыбалко и летчики генерал-лейтенанта Красовского.

60-я стремительно продвигалась на запад, ведя бои со вновь подходившими резервами врага. Перед фронтом ее соединений действовали восемь пехотных и одна танковая дивизия немцев. Бои становились все более жаркими. В ходе операции перед войсками 60-й появилась еще одна танковая дивизия противника.

Черняховский, произведя соответствующую перегруппировку с рубежа западного берега реки Тетерев, И ноября нанес противостоящей группировке немцев стремительный удар и разбил ее.

Поражение немецких войск в битве за Днепр сказалось не только на стратегическом, но и на политическом положении блока фашистских государств. Осложнялась обстановка в Румынии, Венгрии, Финляндии, в правящих кругах этих стран усиливалась тенденция выхода из войны.

Хотя Киевская наступательная операция и завершилась успешно, битва за столицу Украины продолжалась. Гитлеровское командование, стремясь поправить пошатнувшееся положение своих войск, в частности, на Киевском направлении, спешно перебросило туда новые соединения, и в первую очередь танковые дивизии: 25-ю — из Франции, 16-ю — из Италии и 1-ю — из Греции. Враг был еще в состоянии задержать на отдельных направлениях наступление наших войск, перейти в контрнаступление и нанести чувствительные удары.

18 ноября немцам удалось вновь захватить Житомир, 24 ноября — Брусилов. Враг реально угрожал столице Украины, до

Киева оставалось пятьдесят километров.

В этой обстановке Ставка приказала приостановить продвижение на запад войск центра 1-го Украинского фронта, усилить 38-ю армию, не допустить прорыва противника к Киеву.

Генерал армии Ватутин, исполняя директиву Ставки, приказал центру и левому крылу фронта с 13 ноября перейти к обороне. Правое крыло, на котором действовали 13-я и 60-я армии, продолжало наступать. 17 ноября войска Черняховского овладели городом Коростенем — большим железнодорожным узлом, имевшим важное значение в системе обороны врага.

Противник, не сумев прорваться к Киеву с юга, искал слабые участки в нашей обороне на других направлениях. Искусно применяя маскировку и дезинформацию, враг пытался скрыть свои намерения. Ради этого он отказался даже проводить разведку. Наши партизаны передали сведения о переходе гитлеровцев на Киевском направлении к длительной обороне. И действительно, на этом участке противник укреплял свои позиции и не проводил ни рекогносцировок, ни других обычных мероприятий, предшествующих наступательным действиям. Враг, казалось, переходил к обороне. Однако Черняховский, анализируя обстановку, считал, что гитлеровцы в ближайшие дни могут возобновить контрнаступление в полосе 60-й.

В ночь с 5 на 6 декабря для контроля боеготовности дивизий командарм направил генералов и офицеров командования и штаба армии в боевые порядки войск. Иван Данилович, приехав в корпус Людникова, прежде всего направился в 322-ю стрелковую дивизию, которой командовал полковник Лащенко.

Командарм со своим адъютантом прошли по ходу сообщения в траншею. К ним тут же с докладом подбежал командир батальона. Приняв рапорт, Черняховский спросил обступивших его солдат:

— Как дела, герои Днепра?

— Все в порядке, товарищ генерал. Прикидываем — скоро конец проклятой войне? — ответил за всех рядовой Марченко.

— Не так уж скоро, но и не за горами тот день, когда с победой проводим вас домой, — сказал он. — Нас ждут большие бои. Для солдата путь домой только через Берлин.

Разговор командарма прервал пронзительный звук летящего снаряда. К земле пригнулись все, кроме Черняховского. Снаряд пролетел. Солдаты смущенно переглянулись.

— Если вы успели услышать свист снаряда или мины, можно уже не занимать укрытие: перелет, — сказал Черняховский солдатам и спросил их: — А если увидите вспышку выстрела, тогда как быть?

— Тогда уж поздно спасаться, — ответил один из солдат. — Накроет.

— Нет, еще можно успеть! — улыбнулся Иван Данилович. — Вспышку увидите — снаряд еще летит. Какие-то секунды еще имеешь в запасе. Так что успеешь земле-матушке поклониться.

В дивизии полковника Лащенко чувствовался образцовый порядок. Было видно, что здесь любят своего командира, ревностно выполняют его приказы. Солдат на войне видит победу в строгом порядке и организованности, поэтому он с уважением относится к справедливому и требовательному командиру. Вечером Черняховский закончил проверку обороны 15-го стрелкового корпуса, дал указание увеличить глубину противотанковой обороны на наиболее опасных направлениях, сняв часть артиллерии с второстепенных участков.

Черняховский уже выходил из землянки командира корпуса, когда зазвонил телефон: командарма просил генерал Оленин.

— У генерала Лазько все обстоит благополучно, — сообщил Оленин. — Провел партийные собрания. Через десять минут выезжаю в Штаб армии.

— Выезжайте. Я тоже закончил работу у Людникова, встретимся на командном пункте.

Иван Данилович уважал Оленина. Член Военного совета армии пользовался большим авторитетом. В 60-й его знали как заботливого и чуткого к солдатским нуждам, беспощадного к врагу и храброго на поле боя.

Командарм, в свою очередь, постоянно помогал работникам политического отдела. Он держал их в курсе оперативных задач и боевой обстановки, старался укреплять их авторитет. Оленин высоко ценил принципиальность, неутомимую энергию, решительность и твердость характера своего командующего. Особенно пришлось ему по сердцу то, что Иван Данилович старался как можно меньше говорить «я» и больше говорил «мы». Взаимоотношения между командармом и членом Военного совета на протяжении всей их совместной службы были деловыми и товарищескими.

Обстановка на фронте меняется порой удивительно быстро… Едва успел Иван Данилович вернуться в штаб армии, как позвонил генерал Людников:

— Товарищ командарм, противник прорвал позицию обороны дивизии генерала Мищенко и вышел на рубеж огневых позиций артиллерии.

— Но ведь дивизия Мищенко у нас во втором эшелоне! —

удивился Черняховский. — Почему же вы не докладывали, когда противник прорвал передний край? Немедленно уточните и доложите, что делается на участках дивизий первого эшелона!

Запоздалое донесение командира корпуса казалось неправдоподобным. «Неужели какая-то ошибка? — недоумевал Черняховский. — Ведь Людников — знающий дело генерал, под Сталинградом отлично командовал дивизией…»

Снова зазвонил телефон. Командарм взял трубку и услышал голос Людникова:

— Товарищ двадцать первый! Дивизии первого эшелона прочно удерживают занимаемую ими оборону…

Черняховский прервал его:

— Каким же образом противник вышел на ваши тылы?

— Противник вклинился через позиции 30-го корпуса.

Разрезав боевой порядок корпуса Лазько надвое и выйдя в тыл соединениям Людникова, противник поставил 60-ю в крайне тяжелое положение, нависла реальная угроза ее окружения. Немцы на этом участке превосходили в несколько раз войска Черняховского в танках и артиллерии.

Иван Данилович потребовал от начальника штаба доклада обстановки.

— Товарищ командующий, противник, сосредоточив крупные силы в районе Житомира, ударом в направлении Малина вклинился в боевые порядки 30-го стрелкового корпуса и дезорганизовал оборону 15-го. Фельдмаршал Манштейн собрал сильные резервы. Угроза серьезная, противник пытается взять реванш. Если генерала Людникова постигнет та же участь, что и Лазько, мы, по-видимому, не сумеем удержать наши позиции.

— Должны удержать. За нами Киев, — сказал Черняховский. — От нас требуются решительные действия.

Черняховский сосредоточенно склонился над оперативной картой. Смуглое лицо его, казалось, еще больше потемнело, осунулось за те короткие часы, которые прошли после того, как с утра 6 декабря войска Манштейна перешли в контрнаступление на Киевском направлении. Черняховский даже и мысли не допускал, что столица Украины может быть снова взята немцами.

Зазвонил телефон. Трубку взял Комаров.

— Товарищ генерал, командующий фронтом у аппарата.

— Требую стоять насмерть! — раздался решительный голос Ватутина. — Через двадцать минут доложите ваше решение.

Двадцать минут… А данные о противнике так противоречивы и неполны…

Черняховский на минуту задумался, затем обратился к начальнику штаба:

— Возможны только два варианта решения: прочной обороной на занимаемых рубежах измотать житомирскую группировку противника или же контрударом во фланг заставить его отказаться от наступательных действий. Третьего не дано.

— Согласен!

За эти минуты, данные Ватутиным, Черняховский успел взвесить многое. Решение у него уже созрело. Но вдруг позвонил Людников:

— Противник наступает на моем участке. Он в несколько раз превосходит в танках. Разрешите отвести дивизии на более выгодные рубежи и выровнять линию фронта.

Связь на этом оборвалась. А уже пришло время докладывать Ватутину.

Иван Данилович взял трубку.

— Товарищ командующий! Я решил огнем артиллерии, танков и авиации остановить ударную группировку противника на тех рубежах, которые занимает армия, и одновременно готовиться к нанесению контрудара.

— Военный совет фронта одобряет ваше решение, — ответил Ватутин. — Действуйте, желаю успеха. — Он почему-то промолчал о резервах, которые он направил на пополнение 60-й армии и о которых еще не знал ее командующий.

Не прошло и тридцати минут, а вездеход командарма уже мчался по направлению к Радомышлю, к передовой, на новый командно-наблюдательный пункт.

Не доезжая до Радомышля, штабные автомобили, следовавшие за вездеходом командарма, быстро свернули с дороги. Радисты перетащили радиостанции в траншеи. Связавшись по радио с 30-м стрелковым корпусом, Черняховский запросил обстановку. Сведения поступали нерадостные:

— Около девяноста танков отрезали две дивизии первого эшелона и вышли на тыловую позицию, на северный берег реки Ирши, — докладывал генерал Лазько.

Затем последовала телефонограмма командира 15-го стрелкового корпуса:

«Веду тяжелые бои в районе юго-восточнее города Малина. На моем участке наступает танковая дивизия „Адольф Гитлер“, имея в первом эшелоне до восьмидесяти танков. Соседи мои отходят на восток. Все резервы использованы. Жду помощи. Генерал Людников».

Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн бросил на войска Черняховского, нависшие с фланга над его ударной группировкой, из района Житомира в направлении на Радомышль 48-й танковый корпус с задачей во взаимодействии с

24-м танковым и 13-м армейским корпусами захватить Киев и восстановить оборону по Днепру. Это была внушительная сила, в состав 48-го танкового корпуса входили: 1, 7, 19, 25-я танковые, 68-я пехотная дивизии, лучшие танковые дивизии СС «Адольф Гитлер» и «Рейх». Командовал корпусом один из известных танковых военачальников немецко-фашистской Германии, генерал Бальк.

Вновь развернулись жаркие бои, во многом напоминающие сражение под Курском. Противник бросал в атаку одновременно по триста-четыреста танков, поддерживая их крупными силами пехоты, артиллерии, авиации. Войска 60-й под ударом превосходящих сил врага оставляла один рубеж за другим, изматывая силы противника огнем с выгодных позиций. Или тяжелые бои, гитлеровцы рвались к Киеву, не считаясь с потерями. Вражеские снаряды падали совсем рядом с командно-наблюдательным пунктом Черняховского. Немецкие танки были всего в семистах метрах от него. Артиллерийский противотанковый резерв армии сдерживал врага на этом рубеже, но сорока танкам дивизии «Адольф Гитлер» противостояло здесь только восемнадцать противотанковых пушек. Казалось, немецкие танки вот-вот прорвутся к блиндажу командарма.

— Товарищ генерал! Разрешите напомнить — пора бы сменить КНП, — тихо сказал Черняховскому майор Комаров.

— Ни в коем случае, Алеша. — Иван Данилович знал, как крепок дух его воинов, и верил в их стойкость. Верил в то, что они удержат свои рубежи.

Командование группы армий «Юг» считало 60-ю армию уже разгромленной. Манштейн вновь и вновь требовал быстрейшей ликвидации «остатков» соединений генерала Черняховского в районе Радомышля. Гитлеровцы возлагали особую надежду на свою 7-ю танковую дивизию, усиленную батальоном танков «тигр», и на танковую дивизию «Адольф Гитлер». Около двухсот танков этих дивизий прорвались в тыл соединений 60-й армии. Возникла угроза ее окружения. 7-й танковой дивизией командовал фашистский генерал Хассе фон Мантейфель, известный своей жестокостью. Его войскам удалось ценой огромных потерь потеснить корпус генерала Людникова, но окружить его он не смог.

Противотанковый резерв 60-й армии, усиленный частями первого эшелона, продолжал удерживать свой рубеж. Генерал Бальк, чтобы покончить с корпусом Людникова, приказал ввести в бой второй эшелон, но, встретив непреодолимое сопротивление частей полковника Лащенко, успеха не добился. Черняховский к этому времени успел ввести в сражение на стыке между

корпусами Людникова и Лазько противотанковую бригаду и танковый полк, прибывшие из резерва фронта.

В боях особенно отличились армейский противотанковый резерв, дивизии генерала Людникова и части полковника Лащенко. Командование армии на этот раз эффективно использовало армейский противотанковый резерв, с ним взаимодействовали созданные в инженерных войсках подвижные отряды заграждения. Весь участок перед позициями нашей противотанковой артиллерии был плотно заминирован. Вражеские танки были лишены возможности маневрировать.

В ночь на 7 декабря в тылу группировки генерала Балька загремели взрывы. Истребители танков из состава саперного батальона 60-й совершили глубокий рейд в тыл противника. Это был новый тактический прием, требовавший от тех, кто выполнял его, особой отваги и умения.

Положение наших войск на Житомирском направлении оставалось чрезвычайно трудным. Гитлеровское командование бросило в бой свежие резервы. 8 декабря Совинформбюро сообщило:

> «В течение 7 декабря наши войска на всех фронтах подбили и уничтожили девяносто шесть немецких танков, из них восемьдесят четыре в районе Черняхова». (В направлении действий 60-й армии.)

Командующий и член Военного совета армии в ночь с 7 на 8 февраля просматривали наградные листы.

— Огнем своего танкового пулемета отбил атаку пехотной роты противника, уничтожил более двух десятков гитлеровцев, — генерал Оленин зачитывал Черняховскому реляцию на рядового Волкова. — Однако мнения расходятся. Командир полка представил его к ордену Красного Знамени, а командир дивизии — к ордену Красной Звезды.

— Василий Максимович, Волков проявил мужество и стойкость. Поддержим предложение командира полка. Кто еще отличился?

— Рядового 383-го стрелкового полка Грицуна вы знаете. Он снова противотанковой гранатой взорвал фашистский танк.

— Если не возражаете, Василий Максимович, я сам вручу награду старому знакомому.

…Наутро к командующему вызван рядовой Грицун.

— Ну расскажи, Грицун, как воевалось, какую награду заслужил? — спросил Черняховский отважного солдата.

— Вражеский танк, подбив нашу противотанковую пушку, мчался прямо на нас. Я к нему навстречу, по траншее, бегом. А у

меня только одна противотанковая граната, промахнуться никак нельзя. И не промахнулся.

— Поздравляю со вторым орденом Красного Знамени! И десять дней отпуска! — обрадовал солдата Черняховский.

6

Войска Черняховского, успешно отразив контрудары врага, заканчивали подготовку к наступательным действиям. Во второй половине декабря, когда немцы готовились праздновать рождество, командарм приказал генералу Людникову совместно с танковым корпусом генерала Полубоярова развивать наступление в направлении Шепетовки.

Наступление началось не как обычно с утра, а во второй половине дня. Танки Полубоярова и пехота Людникова после короткой огневой подготовки начали штурмовать оборону противника и быстро продвинулись вперед. К удивлению наступавших, в траншеях первой линии, за исключением отдельных наблюдателей, противника не оказалось. Лишь подойдя к третьей линии траншей, чер-няховцы натолкнулись на сопротивление врага. Наши войска продолжали стремительно продвигаться. С ходу захватив Черняхов, они вышли на десять километров северо-западнее Житомира, перерезали дорогу на Новгород-Волынский. На следующий день в прорыв вошли главные силы армии.

Людников, тщательно изучив привычки врага, успешно использовал фактор внезапности. Он установил, что гитлеровцы в предпраздничные дни с обеда пьянствуют. Противник знал, что наступление наших войск обычно начинается утром, поскольку наступать во второй половине дня невыгодно, — остается мало светлого времени и наступающие не успевают использовать результаты ударов авиации и артиллерии, огромный расход боеприпасов может быть неоправдан.

Расчет на внезапность полностью оправдался. Немцы в честь праздника рождества устроили торжественный обед, атака наших войск застала врага врасплох.

Начальник штаба 48-го танкового корпуса немцев генерал Ф. Меллентин, анализируя ход боев за Радомышль, в книге «Танковые сражения» пишет: «…Сопротивление русских становилось все более решительным, а двадцать первого декабря они предприняли неожиданные для нас по своей силе контратаки. Ведя ожесточенные бои на внутреннем и внешнем фронтах намечавшегося окружения, наши героические части с честью выходили из всех опасных положений, но русские оказались значительно сильнее, чем мы предполагали».

В действительности же дело обстояло иначе. Против войск 60-й армии только на главном направлении противник наступал в составе танковых дивизий «Адольф Гитлер», «Рейх»; кроме того,

активное участие в наступлении принимали еще четыре танковые дивизии и одна пехотная. За исключением 25-й танковой дивизии, которая в ноябре была разгромлена нашим 6-м гвардейским танковым корпусом, все остальные были укомплектованы почти полностью. Танков в немецких танковых дивизиях было больше, чем в танковых корпусах, действующих в составе 60-й армии. В стрелковых ротах соединений Черняховского оставалось не более чем по двадцать пять человек, а артиллерии и минометов — половина положенных по штату.

Успех советских войск в Малинско-Радомышльской операции определялся не столько количеством живой силы и боевой техники, сколько искусным руководством войсками, их высоким боевым духом.

Важную роль в отражении атак вражеских танков сыграли артиллерийские части и соединения. На ряде участков фронта артиллерия выдерживала основную тяжесть атак вражеских танков.

Успех операций свидетельствовал об умении Черняховского искусно маневрировать соединениями армии и в тесном взаимодействии с другими родами войск противопоставлять их врагу на различных этапах боя. Так, в момент вражеского удара мощными танковыми силами командарм широко применял артиллерию, а когда стало известно, что в составе немецкой танковой группировки мало пехоты, он немедленно использовал превосходство в стрелковых соединениях.

В конце декабря войска генерала Черняховского во взаимодействии с другими армиями фронта перешли в решительное наступление на Житомирском направлении и к 1 января полностью освободили территорию, захваченную врагом в период его контрнаступления.

В начале января 60-я успешно наступала на юго-западном направлении, к рубежу железной дороги Бердичев — Шепетовка, 7 января противник подтянул сюда крупные резервы. Черняховский, своевременно приняв меры, войсками правого фланга перешел к обороне, а соединениями генералов Лазько и Людникова продолжал наступление.

Во второй половине дня 15 января противник вновь нанес контрудар по 15-му и 30-му стрелковым корпусам. С новой силой разгорелись кровопролитные бои. Враг глубоко вклинился в наши боевые порядки.

На командном пункте в районе колхоза имени Шевченко Черняховский выслушал доклады и предложения командующих родами войск и начальников служб. Одни настаивали на том, чтобы остановить наши наступающие части и огнем с места

отражать контрудар врага, другие предлагали выдвинуть танковые резервы в боевые порядки пехоты. Казалось, и те и другие были по-своему правы. Но Черняховский решил действовать более активно и силами соединений генералов Людникова и Полубоярова нанес удар по вклинившемуся противнику. Момент и направление удара командармом были избраны настолько правильно, что враг был остановлен на всем фронте армии. Разгромив его лучшие соединения, 60-я армия восстановила прежние рубежи. Войска к этому времени в длительных и напряженных боях понесли ощутимые потери. В 4-м гвардейском танковом корпусе оставалось лишь около пятидесяти танков и самоходно-артиллерийских установок. Несмотря на это, 60-я продолжала предпринимать активные действия и силами 18-го стрелкового корпуса вновь перешла в наступление и освободила Шепетовку. Немецко-фашистские войска, предприняв срочные меры, нанесли контрудар, имея перевес в силах. Наши части вынуждены были оставить Шепетовку.

Черняховский с присущей ему пунктуальностью проанализировал причины этой неудачи и отметил в приказе, что командование 18-го гвардейского стрелкового корпуса не использовало ночь для закрепления успехов. Противник воспользовался тем, что в боевых порядках частей на танкоопасных направлениях мало было противотанковых пушек, отсутствовали минные поля. Разведчики своевременно не установили, что противник готовит контратаки.

Разбор ошибок и меры, принятые штабом армии по указанию командарма, имели большое значение для последующих операций. В первой половине февраля 18-й и 23-й стрелковые корпуса и 4-й гвардейский танковый корпус перешли в решительное наступление и, сломив сопротивление врага, 11 февраля вновь овладели Шепетовкой. На этот раз войска Черняховского прочно закрепили достигнутый успех. Враг делал отчаянные попытки вернуть Шепетовку, но его усилия были тщетными.

Ударные группировки 1-го и 2-го Украинских фронтов к этому времени заканчивали уничтожение окруженных под Корсунь-Шевченковским крупных сил противника. Десять дивизий и одна бригада гитлеровцев нашли в этом «котле» свою гибель. Тридцать пять тысяч фашистских солдат и офицеров были убиты и ранены, более восемнадцати тысяч попали в плен. Положение советских войск на Правобережной Украине значительно улучшилось.

Во второй половине февраля Черняховский по приказу

Ватутина начал готовить Тернопольскую операцию. Началась весенняя распутица. Автомобили застревали на раскисших грунтовых дорогах.

Штаб армии под руководством Тер-Гаспаряна предложил ряд мер для преодоления бездорожья, учтя опыт наступления 60-й армии весной 1943 года.

Заканчивалась подготовка войск всех трех Украинских фронтов к грандиозному сражению на фронте протяженностью в тысячу километров — от Луцка до устья Днепра. Целью этого сражения было массовое изгнание захватчиков с Правобережной Украины.

Войска 1-го Украинского фронта 4 марта первыми должны были начать наступление. Ватутин придавал особое значение Проскурово-Черновицкой операции и освобождению нашими войсками Тернополя. При удаче войска фронта выходили во фланг и тыл всей южной группе вражеских войск.

Ватутин считал, что исход предстоящей операции во многом будет зависеть и от того, насколько уяснят ее Цели подчиненные ему командиры и работники штабов.

Днем 29 февраля Черняховскому передали из штаба фронта, что к ним выехал генерал Ватутин, чтобы ознакомиться с решениями командарма и командиров корпусов на предстоящую операцию. Иван Данилович вызвал к себе командиров соединений и еще раз просмотрел карты с планами боевых действий корпусов и армии.

Приезда командующего фронтом ждали с нетерпением.

Наступила ночь, а Ватутина все еще не было. Иван Данилович, зная аккуратность командующего фронтом, волновался. Он уже не в первый раз подходил к телефону, чтобы узнать о причинах задержки Николая Федоровича. И вдруг лицо его побледнело, губы плотно сжались. Все сразу насторожились. Положив телефонную трубку и стараясь сохранить в голосе твердость, Черняховский проговорил:

— Товарищи генералы и офицеры! Командующий фронтом не приедет. Час назад его тяжело ранило. — Наступило тягостное молчание. Иван Данилович медленно прошелся по комнате, брови его сдвинулись, взволнованным голосом он продолжал: — Каждый из нас должен повысить свою ответственность. Больше организованности и четкости. Надо так подготовиться к наступлению, чтобы отомстить врагу за раны Николая Федоровича Ватутина.

Командование войсками 1-го Украинского фронта принял на себя Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. В этот же день, 1 марта, на доклад новому командующему был

вызван Черняховский. План операции 60-й армии Жуков утвердил без замечаний. Войска Черняховского, усиленные 4-м гвардейским танковым корпусом, прорывали вражескую оборону на направлении главного удара фронта и наступали на Тернополь.

На рассвете 4 марта загрохотали пушки. Лавина краснозвездных самолетов, взмыв в воздух, устремилась на вражеские позиции. Черняховцы стремительно атаковали противника.

Соединения 60-й прорвали оборону на широком фронте. За день боя они продвинулись на восемнадцать километров и освободили семьдесят населенных пунктов. В полосе прорыва армии Черняховского с целью развития оперативного успеха в первый же день наступления были введены в сражение 3-я гвардейская и 4-я танковые армии.

5 марта вновь по радио на весь мир прозвучало имя командарма Черняховского. В приказе Верховного Главнокомандующего говорилось:

> «Войска 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова… прорвали сильную оборону немцев на фронте протяжением до 180 километров и за два дня наступательных боев продвинулись вперед от 25 до 50 километров…
>
> В боях отличились войска генерал-лейтенанта Черняховского…»

Командующий фронтом Маршал Советского Союза Жуков и член Военного совета фронта генерал-лейтенант Крайнюков, отмечая особую роль 60-й армии и ее командарма, 5 марта направили телеграмму Верховному Главнокомандующему:

«…По своим знаниям и умению управлять войсками командарм-60 генерал-лейтенант Черняховский вполне заслуживает звания генерал-полковник». В этот же день Георгий Константинович поздравил Ивана Даниловича с присвоением ему воинского звания генерал-полковника.

К исходу дня 7 марта войска Черняховского вышли к Тернополю. Такой темп продвижения в условиях бездорожья был весьма высоким.

Бои продолжались в неимоверно тяжелых условиях. Солдаты на руках перетаскивали орудия, утопавшие в глубокой грязи, переносили тяжелые снаряды и мины. Огромную помощь в доставке боеприпасов оказывали воинам жители освобожденных сел.

Освобожденные от оккупации люди стремились помочь войскам, охотно делились скудными запасами продовольствия. Армия и народ были едины. Сила духа наших людей преодолевала все трудности.

Успеху способствовала согласованность действий соединений Черняховского с украинскими партизанами. Умело пользуясь тем, что гитлеровцы двигались только по дорогам, партизаны наносили по ним неожиданные удары.

Понимая, как важно удержать Тернополь, противник стянул сюда значительное количество танковых и пехотных дивизий. На рубеже Проскуров — Тернополь разгорелись ожесточенные бои, которые продолжались до второй половины марта. В ходе стремительного наступления войска Черняховского окружили в Тернополе остатки четырех немецких пехотных дивизий и отдельных частей общей численностью до шестнадцати тысяч человек.

Немецко-фашистские войска, окруженные в Тернополе, превратили каменные здания в узлы сопротивления и создали в городе сеть оборонительных сооружений. Фашисты не хотели оставлять город, рассчитывали на подход резервов.

Данные армейской и воздушной разведок подтверждали, что на выручку осажденным в Тернополе войскам подтягиваются крупные резервы противника из глубины его обороны.

Черняховский принимал решительные меры к созданию второго внешнего фронта окружения. Но соотношение сил становилось все более невыгодным для 60-й армии. Обстановка требовала усиления ее новыми дивизиями.

Поздно ночью 21 марта Черняховскому сообщили из штаба фронта, что в его распоряжение поступает 135-я стрелковая дивизия. Вскоре командир этой дивизии полковник Ф.Н. Ромашин доложил по телефону:

— Товарищ генерал, до места сосредоточения дивизии остается один переход.

— Один переход? — В голосе Черняховского прозвучало огорчение. — Выходит, ваши полки еще сутки будут находиться в пути, а после этого потребуется минимум двадцать часов на отдых и изучение боевой задачи. За двое суток оперативные резервы противника смогут подойти на выручку к своим окруженным войскам. А вы, товарищ полковник, опоздали ровно на сутки, поэтому выполнение задачи под угрозой срыва.

— Виноват, товарищ командующий! — Ромашин стал взволнованно объяснять: — Распутица… Не хотел двигаться без боеприпасов. Ну а по дороге вышла из строя часть транспорта. Пришлось нагрузить на каждого солдата по полтора

боекомплекта. Тяжело нести.

Решение комдива прибыть с боеприпасами Черняховскому понравилось. Он приказал Ромашину с командирами полков прибыть до подхода главных сил дивизии к месту назначения, ознакомиться с боевой задачей.

В ночь на 23 марта части дивизии Ромашина заняли исходное положение для наступления на самом важном участке внешнего фронта окружения и утром успешно атаковали противника.

26 марта противник контратаковал части 135-й дивизии, но успеха не добился. Усилия врага восстановить положение западнее Тернополя были тщетны. Черняховцы, прочно сомкнув внешний фронт окружения, стояли насмерть. В конце марта и в первой половине апреля немцы повторили свои удары. Дивизия полковника Ромашина стойко продолжала сдерживать врага, рвущегося к Тернополю.

Тем временем полки 60-й, окружавшие Тернополь по внутреннему фронту, сбили оборонявшегося противника и ворвались в город.

Они очищали от врага квартал за кварталом. Гитлеровцы оборонялись упорно, цепляясь за каждое здание. Расстояние между нами и немцами в городе часто не превышало 50 метров, местами оно измерялось лишь толщиной капитальной стены или потолочного перекрытия. Особенно яростные схватки происходили в центре города, где засели эсэсовцы, отстреливавшиеся до последнего патрона, остатки одной пехотной дивизии, нескольких артиллерийских полков, специальных частей и офицерского штрафного батальона. Они заняли оборону в крепких старинных зданиях. Толщина стен тюрьмы, доминиканского монастыря и ряда других домов, где оборонялись немцы, достигала двух с половиной метров. От прямого попадания снаряда 76-миллиметровой полевой пушки на таких стенах образовывались лишь небольшие выбоины. По распоряжению командования были подтянуты более мощные пушки.

Здоровье генерала армии Н.Ф. Ватутина в эти дни ухудшилось. Однако он не переставал интересоваться боевыми действиями 1-го Украинского фронта. Рано утром 12 апреля, находясь в тяжелом состоянии, Николай Федорович приказал своему порученцу узнать результаты Тернопольской операции. Связавшись по телефону со штабом фронта, порученец доложил Ватутину, что соединения 60-й ворвались в Тернополь, ведут бои в городе. Это была последняя радость, которую испытал Николай

Федорович. В ночь на 15 апреля он скончался.

Войска 60-й армии совместно с другими армиями 1-го Украинского фронта, выйдя на рубеж Луцк — Тернополь, угрожали флангу немецко-фашистской группы армий «Центр» и прорывом в ее глубокий тыл. К началу апреля 1944 года немецкое командование было вынуждено стянуть в район Ковеля свою 5-ю танковую дивизию.

Группа армий «Центр», в свою очередь, нависая над украинскими фронтами, связывала их дальнейшие действия и угрожала нанесением контрудара во фланг и по тылу. Войска Жукова вырвались далеко вперед, а соединения, ведущие боевые действия на правом крыле Белорусского фронта, значительно отстали. На этом центральном — западном — направлении противник продолжал наращивать крупные резервы для того, чтобы остановить наступление частей Красной Армии на кратчайшем пути к границам и к сердцу фашистской Германии — Берлину. В результате создалась сложная конфигурация стратегического фронта, образовался выступ протяженностью более чем двести километров.

Оперативно-стратегическая обстановка на западном направлении, естественно, не могла не вызвать беспокойства у Ставки Верховного Главнокомандования. Противника нельзя было еще считать слабым, он имел достаточно сил для того, чтобы на отдельных направлениях перейти в контрнаступление. Ставка, глубоко анализируя создавшуюся обстановку, решила упредить действия немецко-фашистского командования и приступила к подготовке мощного прорыва в Белоруссии.

Когда в центре Тернополя еще шли напряженные бои, на командно-наблюдательном пункте Черняховского зазвонил телефон ВЧ.

— Иван Данилович! — прозвучал как будто совсем рядом голос командующего 1-м Украинским фронтом маршала Г.К. Жукова. — Армию сдайте генерал-полковнику Курочкину, а сами завтра должны быть в Москве. Самолет для вас приготовлен.

— Товарищ маршал, чем это вызвало?

— Вас вызывает Верховный Главнокомандующий. По всей вероятности, это связано с тем, что Военный совет фронта рекомендует вас на выдвижение. Желаю успеха!

Черняховский испытывал неловкость от того, что ему придется сдавать армию бывшему командующему Северо-Западным фронтом генерал-полковнику Павлу Алексеевичу Курочкину, в последнее время командовавшему 2-м Белорусским

фронтом. В начале войны дивизия Черняховского действовала под Новгородом в составе Северо-Западного фронта. Всякое бывало. Иной раз командующий осыпал упреками комдива 28-й. Но Черняховский всегда сохранял доброжелательное отношение к Павлу Алексеевичу. И вот теперь, два года спустя, им предстояло встретиться в несколько иных условиях.

Часть четвертая
КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ

1

Утренний туман не рассеялся. Автомобиль ЗИС-101 мчался по безлюдным улицам Москвы. Машина остановилась у подъезда Наркомата обороны. Черняховский направился в кабинет заместителя начальника Генерального штаба, генерала армии Алексея Иннокентьевича Антонова.

— Иван Данилович, по инициативе Василевского и с согласия Жукова мы рекомендовали вас на должность командующего фронтом и пригласили для представления товарищу Сталину, — сообщил Антонов.

— Благодарю за доверие.

— До десяти вечера можете быть с семьей, потом за вами приедет машина.

Сколько радости было у детей, Анастасии Григорьевны, когда они встретили Ивана Даниловича! Он тоже не мог насмотреться на родные лица. За два года разлуки Нилочка повзрослела, да и Алик заметно вытянулся. Неонила отрапортовала, что учится на «отлично». Алик рассказал о том, как готовится в первый класс.

До вечера время пролетело незаметно. Анастасия Григорьевна проводила мужа до машины.

Через Боровицкие ворота проехали в Кремль.

В приемной Черняховского встретил А.Н. Поскребышев и сразу же проводил в кабинет Сталина. Высокий зал с портретами Маркса и Ленина, Суворова и Кутузова на стенах показался Ивану Даниловичу строгим и величественным.

Навстречу вдоль длинного стола, покрытого зеленым сукном, неторопливо шел Сталин.

— Вот вы какой! — сказал он, пристально глядя на Черняховского. — Василевский и Рокоссовский докладывали мне о ваших операциях под Воронежем и на Украине… Политбюро решило предложить вам пост командующего фронтом. Как вы на это смотрите, справитесь?

— Войну знаю, если доверите — постараюсь справиться.

Сталин сообщил, что со стороны командования Западного фронта имеются упущения в руководстве боевыми действиями. Для того чтобы приблизить управление к войскам и сделать его более мобильным, решили за счет одной армии Белорусского и двух армий Западного фронтов создать 2-й Белорусский и впредь их именовать 1, 2 и 3-м Белорусскими фронтами. Черняховскому предлагается принять бывший Западный — 3-й Белорусский.

Командовать Черняховскому предстояло высшим оперативным соединением — четырьмя общевойсковыми,

воздушной, танковой армиями и несколькими отдельными корпусами. А это почти полмиллиона людей, огромное количество боевой техники!

В Ставке 3-му Белорусскому фронту придавали важное значение. Западным Особым военным округом в тридцатые годы командовал легендарный полководец гражданской войны И.П. Уборевич. В начале войны округ был переименован в Западный фронт. В сорок втором году под командованием генерала армии Жукова Западный фронт сыграл решающую роль в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. Армейские объединения и штаб 3-го Белорусского фронта возглавляли прославленные военачальники. В разное время у некоторых из них Иван Данилович находился в подчинении. Генерал Голиков, докладывая Верховному, высказал мнение, что назначение Черняховского командующим войсками фронта будет воспринято некоторыми генералами болезненно. Но Верховный Главнокомандующий не согласился с доводами Голикова и дал понять, что в большом деле не должно быть места для честолюбия.

В беседе Сталин заметил Черняховскому, что можно сформировать штаб фронта заново, а старый состав штаба передать 2-му Белорусскому — генералу Петрову. Но Черняховский возразил — у генерала Петрова опыта побольше, поэтому лучше бы штаб Западного фронта передать 3-му Белорусскому. Только вместо члена Военного совета Мехлиса просил бы назначить другого, так как он прибегает к крайностям, может снять с поста любого командира без особых на то причин…

Сталин на это ответил, что напрасно Черняховский полагает, будто Мехлис остался таким же, каким был на Крымфронте. За попытку свалить вину на других он был снят с должности заместителя наркома обороны и понижен в воинском звании. После этого вряд ли Мехлис станет вести себя по-старому. Возможно, Ставка и направит его к товарищу Петрову.

В заключение беседы Верховный Главнокомандующий сообщил, что при разделении Западного фронта будет присутствовать генерал Штеменко, затем поздравил с назначением, поинтересовался, как семья, и разрешил звонить ему по ВЧ в любое время.

И снова Ивановская площадь, соборы, стены Кремля… Иван Данилович еще находился под впечатлением встречи с человеком, который для него и для всех значил так много. Радушный тон Сталина ободрил, вселил уверенность. Теперь

быстрее за дело.

14 апреля вместе со своими товарищами по академии генерал-полковником Штеменко и полковником Мерновым Черняховский приехал в местечко Красное на Смоленщине на командный пункт фронта. Генерал армии Соколовский принял Ивана Даниловича дружелюбно. Вместе они обсудили все вопросы передачи дел.

Началась упорная подготовка Белорусской наступательной операции. Данные разведки подтвердили: германское верховное командование в летнюю кампанию 1944 года ожидает удары советских войск на юге, с выходом на Балканы и на Львовском направлении, а возможное наступление в Белоруссии считает второстепенным, имеющим лишь ограниченную цель — сковать группу армий «Центр». Исходя из такой оценки обстановки, основную массу своих танковых дивизий (около восьмидесяти процентов) враг сосредоточил к югу от Полесья.

Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая серьезный просчет гитлеровских генералов, разработала план Белорусской стратегической наступательной операции, в последующем получившей кодовое название «Багратион». Замысел операции на первоначальном этапе заключался в разгроме вражеских войск на флангах Белорусского выступа. А в последующем — в нанесении мощных рассекающих ударов по сходящимся направлениям в сторону Минска, окружении и уничтожении основных сил группы армий «Центр». В дальнейшем предполагалось развить наступление по всему фронту от Западной Двины до Припяти, с выходом к границам Восточной Пруссии и на берега Вислы.

Войска 1-го Прибалтийского фронта под командованием генерала армии И.Х. Баграмяна во взаимодействии с соединениями 3-го Белорусского фронта должны были нанести удар на северном фланге Белорусского выступа, окружить и уничтожить витебскую группировку врага и выйти в район Чашники — Лепель.

Предполагалось, что одновременно войска 3-го Белорусского фронта под командованием генерал-полковника Черняховского разгромят богушевско-оршанскую группировку противника, нанося главный удар в направлении Орша — Борисов — Минск.

Соединения 2-го Белорусского фронта (командующий генерал-полковник М.В. Захаров), наступая на Могилевоком направлении, должны были сковывать основные силы 4-й немецкой армии и не давать ей возможности отойти за Минск до полного окружения ее войсками 3-го и 1-го Белорусских фронтов.

Войска 1-го Белорусского фронта под командованием генерала армии К.К. Рокоссовского окружили и уничтожили

бобруйскую группировку врага и в последующем наступали на Минск с юго-востока во взаимодействии с войсками Черняховского.

При этом 3-му Белорусскому фронту отводилась весьма важная роль. Честь стать одним из тех полководцев, кто должен был воплотить в жизнь замысел одной из самых крупных операций второй мировой войны, выпала на долю Ивана Даниловича Черняховского — самого молодого командующего фронтом, выросшего в сражениях Великой Отечественной войны.

Черняховский начал работу с тщательного изучения высшего и старшего командного состава фронта. В первую очередь познакомился с бывшим начальником политуправления, недавно выдвинутым на должность члена Военного совета фронта, генерал-лейтенантом Василием Емельяновичем Макаровым. Тот рассказал о том, как ведется партийно-политическая работа, кратко охарактеризовал начальника политуправления генерал-майора С.Б. Казбинцева и работников штаба фронта.

— Штаб у нас работоспособный, но в настоящий момент, надо признать, не готов к решению поставленных перед ним задач.

— В чем дело? — обеспокоился Черняховский. — Штаб — это мозг армии! Прошу подробнее.

— Видимо, сказались предшествующие неудачные наступательные операции с осени сорок третьего и до весны сорок четвертого года. Выяснением причин занималась комиссия Государственного Комитета Обороны. Выводы, конечно, неутешительные. Штабисты считают себя в какой-то степени виновными и волнуются, ожидая встречи с вами. Некоторые боятся, что вслед за вами прибудут работники штаба 60-й армии.

— Надеюсь, в штабе фронта дела пойдут на лад. До конца предстоящей операции, разумеется, никаких перемещений не предвидится.

Черняховский задумался. «Придется бороться не только с расслабленностью, но и с легкомыслием и стремлением уйти от ответственности. А сколько сил еще предстоит вложить, чтобы добиться слаженности во всех звеньях — от солдата до генерала!»

— Иван Данилович, вид у вас усталый, с дороги не мешало отдохнуть, — нарушил молчание Макаров.

— Ничего, успею.

— Тогда, может быть, пообедаем вместе?

— Спасибо, жду начальника управления кадров.

— Давненько, Николай Иванович, мы с вами не виделись! — радостно встретил генерал-майора Алексеева Черняховский.

— Четыре года, товарищ командующий.

В тридцать девятом и в сороковом годах оба служили в Западном Особом военном округе. Подполковник Черняховский был командиром танкового полка в Гомеле, а полковник Алексеев — начальником отдела кадров округа. Николай Иванович с особой симпатией относился к Черняховскому, отмечая его незаурядные способности, высокую командирскую культуру. Алексеев не заметил в нем особых изменений: на него смотрели те же ясные карие глаза, в них светились внимание и дружелюбие. Он сообщил командующему, что начальником оперативного управления штаба фронта назначен генерал-майор Иголкин. Это обрадовало Ивана Даниловича. Петра Ивановича Иголкина он знал по академии и Северо-Западному фронту.

— Как ваше здоровье? — с участием спросил Черняховский. — Что-то тяжело дышите… Достается?

— Дел хватает. — Алексеев выжидающе смотрел на командующего.

— Хотелось бы получить от вас подробную информацию о командирах дивизий. Если не возражаете, начнем с правого фланга.

— Командир 251-й стрелковой дивизии генерал-майор Вольхин в свое время за неудачные бои в районе Рославля был отстранен от командования дивизией, понижен в воинском звании до майора и направлен на наш фронт. Вначале мы его назначили командиром полка, затем, после успешно проведенных им боевых действий, — командиром дивизии. Потом добились и восстановления ему генеральского звания.

— А как он теперь?

— Душевная травма, конечно, не прошла бесследно, сказалась на его характере и нервах. Но держит себя в руках. Воля у него крепкая. Боевой, думающий комдив. Однако накануне вашего приезда генерал армии Соколовский потребовал проект приказа о наложении взыскания на Вольхина.

— Что же произошло?

— Нагрубил работнику штаба фронта, да и из штаба дивизии была жалоба на его грубость.

— Требовательность или грубость?

— Вообще он очень требователен, но порой срывается.

— Мнение командира корпуса?

— Положительное, отстаивает Вольхина.

— Приказ о наложении взыскания подписан?

— Нет. Генерал Соколовский сказал, что подпишет новый командующий.

Черняховский вздохнул.

— Николай Иванович, не с таких приказов хотелось бы мне

начинать службу на новом месте. Прошу вас завтра же поехать к Вольхину и передать следующее: пусть он не думает, что ему одному дорога Родина. И пусть с людьми обращается, не унижая их достоинства.

Черняховский интересовался буквально всем: военными знаниями, боевым опытом, морально-боевыми качествами подчиненных. Внимательно выслушав Алексеева, распорядился:

— В ближайшие дни подсчитайте и проанализируйте некомплект офицерских кадров, уточните, какое пополнение ожидаем. К середине июня все дивизии фронта должны быть полностью укомплектованы.

— Дело привычное, укомплектуем, товарищ командующий.

— Неплохо бы иметь такие же подробные данные о командном составе противника, хотя бы до руководства дивизиями включительно, — пошутил на прощание Черняховский.

Черняховский в своей работе прежде всего рассчитывал на помощь начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Покровского, Александр Петрович окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и Академию Генерального штаба. Еще в начале войны, когда Черняховский командовал дивизией, он уже возглавлял штаб войск Юго-Западного направления у Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко. Черняховскому нравились в Покровском и его высокая культура, и ровный, спокойный характер.

Чувство большого удовлетворения доставляло командующему знакомство с начальником Политического управления генерал-майором Сергеем Богдановичем Казбинцевым, начальником тыла генерал-лейтенантом Владиславом Петровичем Виноградовым, начальником инженерных войск генерал-лейтенантом Николаем Парфентьевичем Барановым.

Встретился Иван Данилович и со своим старым сослуживцем, командующим артиллерией фронта генерал-лейтенантом М.М. Барсуковым. Давнишняя дружба связывала их. Когда Черняховский учился в Киевской артиллерийской школе, Барсуков командовал там батареей. За время войны, будучи командующим артиллерией армии и командиром артиллерийского корпуса, Барсуков накопил богатый опыт и по праву считался одним из лучших организаторов артиллерийского наступления.

С командующим бронетанковыми войсками генерал-лейтенантом Алексеем Григорьевичем Родиным Черняховский встречался еще на Центральном фронте. Родин тогда командовал

2-й танковой армией.

Все больше и больше убеждался Черняховский, что командование, штаб и Политическое управление фронта укомплектованы опытными, хорошо подготовленными офицерами и генералами. Хорошее мнение сложилось у него о командующих армиями. Одной из сильнейших армий фронта, 5-й, командовал герой Севастополя и Сталинграда генерал-лейтенант Н.И. Крылов. Иван Данилович ценил в Николае Ивановиче его глубокие военные знания, опыт, инициативность в сочетании с железной выдержкой.

Черняховский особенно уважал людей мужественных, уверенно и настойчиво осуществляющих свои замыслы. К таким он относил и командарма-39 генерал-лейтенанта Николая Эрастовича Берзарина. Всего два года прошло с тех пор, как Черняховский командовал 241-й стрелковой дивизией, входившей в армию Берзарина. Многое изменилось за это время и в ходе Великой Отечественной войны, и в жизни каждого из них.

До вступления в командование вверенными ему войсками Черняховский еще не в полной мере представлял масштабы и размах фронтового объединения. Если в корпусе и даже в армии многие вопросы удавалось держать под непосредственным личным контролем, то здесь, как он уже понимал, это едва ли будет возможно. Основное внимание следует сосредоточить на главном, больше полагаться на заместителей и штаб. Иван Данилович считал, что чем лучше удастся ему сплотить различные звенья командования и штаба фронта, нацелить их на дружную и инициативную работу, тем успешнее будет осуществляться управление войсками в предстоящей операции. Выполняя новый круг обязанностей, он обратил особое внимание на работу с коллективом. Большую часть времени Черняховский проводил в войсках, изучая группировку противника и возможности своих войск.

Осмотрев оборонительные позиции дивизий первого эшелона армии Берзарина, он похвалил:

— Хороши ваши позиции, Николай Эрастович. Пожалуй, получше тех, что были у нас под Новгородом?

— Будем усиливать их дотами, наращивать оборону в глубину.

— По этому поводу я и приехал. Обстановка меняется. Директива о переходе к жесткой обороне должна дезориентировать противника. Пусть он считает, что раз мы укрепляем оборону, то, значит, наступать не собираемся. Но труд наш не пропадет, инженерные сооружения послужат исходными позициями для наступления. Или укрытиями на случай, если

противник, упреждая наше наступление, проведет артиллерийскую контрподготовку. Будем наступать. Но пока об этом никто не должен знать, кроме вас, члена Военного совета и начальника штаба армии.

— Армия в феврале пыталась наступать на Витебск, — напомнил Берзарин. — Однако дивизии генерала Гольвитцера хорошо использовали пересеченную местность и вынудили нас перейти к обороне. Витебск брать в лоб нецелесообразно. Войска понесли тогда слишком большие потери.

— Наша задача — отыскать слабые места в системе обороны противника, умело сосредоточить силы на главном направлении. А что касается Гольвитцера, то мы его избаловали — мало били.

— Не так-то просто его бить…

По тону, каким были сказаны эти слова, Иван Данилович понял, что Берзарина тревожат сомнения, связанные с прошлыми неудачами. В этом откровенном разговоре Черняховский все же почувствовал некоторую скованность Берзарина, и это беспокоило его. Он хорошо помнил их прежние встречи, то доверие и поддержку, которые так щедро оказывал ему Берзарин в трудную пору первых лет войны.

Ставка и Генеральный штаб придавали важное значение Белорусской операции не только потому, что группа армий «Центр» угрожала войскам правого крыла 1-го Украинского фронта, — от успеха в Белоруссии зависел успех всей летней кампании в целом.

Командование и штаб 3-го Белорусского фронта предпринимали все меры для успешной подготовки операции. Черняховский с группой генералов и офицеров совершал инспекционную поездку, проверяя боевую готовность войск. Поздно вечером должен был вернуться, его ждали начальник штаба, командующие родами войск и начальники управлений, чтобы согласовать основные вопросы планирования предстоящей операции.

По Витебскому шоссе, уже скрытому тьмой, мчались пять легковых машин. В первой — Черняховский и неразлучный с ним порученец Комаров, теперь уже подполковник. Иван Данилович молчал, о чем-то сосредоточенно думал. Лишь гул мотора приближающегося самолета отвлек его.

— Встречным курсом самолет! — доложил Комаров.

— На всякий случай сверните! — приказал Черняховский водителю.

Едва машина успела съехать с шоссе, как правее, метрах в

пятидесяти, раздался оглушительный взрыв. Машину Черняховского отбросило в одну сторону, машину Макарова — в другую. Следовавшие позади автомобили не пострадали. Все выскочили из них, залегли по сторонам шоссе. Макаров увидел, что автомобиль Черняховского опрокинут вверх колесами.

— К машине!

Снова послышался рокот: ночной бомбардировщик делал второй заход.

— В укрытие! — крикнул кто-то.

Но Макаров и несколько человек с ним, не обращая внимания на нарастающий гул бомбардировщика, поставили машину на колеса, открыли заклинившую дверцу. В этот момент неподалеку взорвалась вторая бомба, на мгновение осветив все вокруг. Макаров увидел на лице командующего кровь: было повреждено веко правого глаза. Быстро забинтовали Черняховскому голову. Тем временем расчету счетверенных пулеметов на бронетранспортере удалось отогнать фашистский бомбардировщик.

— В ближайший медсанбат! — приказал Макаров водителю, усадив командующего в свою машину.

— Василий Емельявович, нас ждут на КП. Может, доедем? — попробовал возразить Черняховский.

Но Макаров настоял на своем.

В медсанбате хирург извлек из рассеченного века маленький осколок, наложил на глаз повязку. Затем он аккуратно завернул осколочек металла в бумажку и протянул Черняховскому:

— А это зачем?

— На память, товарищ командующий! Вы под счастливой звездой родились. Если бы осколок попал не плашмя, а ребром, то было бы Худо.

На КП фронта прибыли лишь в пять утра. Генерал Покровский, увидев командующего с забинтованной головой, обеспокоился:

— Что с вами, Иван Данилович?

— Пустяки! Докладывайте неотложные вопросы.

— Согласно вашим указаниям командующие родами войск совместно со штабами разработали планы маскировки, противовоздушной и противотанковой обороны, разведки…

— Хорошо, Александр Петрович. Планы остается осуществить на деле. Гитлеровцы пока ведут себя относительно спокойно. Но если заметят перегруппировку, приложат все силы, чтобы раскрыть наш замысел. Предусмотрите все меры для дезинформации противника. Прошу вас также распорядиться о сокращении телефонных переговоров. Работу радиостанций на

передачу прекратить полностью.

По возвращении Черняховский заглянул к ординарцу Плюснину, который накануне заболел гриппом.

— Как здоровье, отец?

— Спасибо, товарищ генерал, поправляюсь. — Солдату нравилось, когда командующий называл его отцом, хотя он и был старше генерала всего лишь на двенадцать лет.

На фронте установилось затишье. Группировка, предназначенная для наступления, постепенно сосредоточивалась на исходных позициях. В штабе фронта шла напряженная работа. Интенсивно велась разведка. Черняховский уже имел довольно ясное представление о системе обороны 3-й танковой армии генерала Рейнгардта и 4-й армии генерала Курта фон Типпельскирха.

Пытался предвосхитить решения командующего группой армий «Центр» фельдмаршала фон Буша, искал наиболее уязвимые места в обороне противника, чтобы определить направление главного удара.

По ту сторону линии фронта враг тоже не менее напряженно готовился к отражению нашего наступления. Фон Бушу стало известно, что на Оршанском и Витебском направлениях генерала армии Соколовского заменил новый командующий.

Волею судьбы фон Бушу суждено было в третий раз встретиться с Черняховским, но теперь условия были иными.

В первой мировой войне Эрнст Буш в чине капитана командовал батальоном, а тридцатилетний капитан Черняховский стал командовать батальоном лишь в 1937 году. К тому времени пятидесятидвухлетний Буш был уже генерал-лейтенантом и командовал корпусом. А в 1939 году принял командование 16-й армией. Когда летом 1940 года Гитлер напал на Францию, Буш руководил операцией по обходу линии Мажино и вторжению в Бельгию. Подполковник Черняховский в это время командовал танковым полком.

В феврале 1943 года фон Буш был произведен в генерал-фельдмаршалы. В то время он считался в Германии одним из лучших полководцев, мастером жесткой обороны. Такое мнение сложилось о нем после оборонительных действий руководимых им войск под Ленинградом. В октябре его назначили командующим группой армий «Центр». За последнее время фон Буш сильно изменился, постарел, осунулся, хотя по-прежнему держался самоуверенно.

В штабе группы «Центр» и в штабах 3-й танковой и 4-й немецких армий днем и ночью разыгрывались варианты нанесения контрударов по советским войскам. Фон Буш и

командующий 4-й армией допускали возможность вклинивания войск Черняховского в районе города Борисова. Здесь они подготовили мощный контрудар силами 5-й танковой и нескольких пехотных дивизий, с тем чтобы окружить и разгромить прорвавшиеся соединения.

Таким образом, еще задолго до начала операции «Багратион» штабы обеих сторон начали разыгрывать сражения на топокартах, и от их результативности во многом зависела победа или поражение в предстоящей битве.

Стояли жаркие дни. Солнце палило с раннего утра. Вездеход командующего двигался по лесной дороге. Иван Данилович думал о том, что через несколько недель эти ароматы полевых трав и цветов отступят перед войной, запахами пороховой гари, выхлопных газов, дыма пожарищ…

В условленном месте на лесной опушке машина остановилась. Подошел командир левофланговой дивизии 31-й армии, Черняховский поздоровался.

— Садитесь ко мне в машину, генерал.

Все ближе раздавались взрывы вражеских снарядов, пулеметная дробь.

— Товарищ командующий, — забеспокоился комдив, — дальше ехать нельзя!

— Сколько до позиции полковых резервов?

— Километра четыре.

— Пока местность закрытая, будем добираться в машине, а там посмотрим… — Черняховский не успел договорить, как впереди, метрах в трехстах, разорвался снаряд. Дорогу окутало дымом, взметнулся еще один взрыв. — Вправо! — приказал Черняховский.

Вездеход послушно рванулся на проселочную дорогу. Еще несколько снарядов разорвалось левее перекрестка, откуда только что вывернула машина.

— Немцы просматривают дорогу, — заметил Комаров.

— Верно. Корректируют… Вовремя мы успели свернуть.

Вездеход, выскочив из-под огня, остановился в лесу рядом с огневыми позициями артиллерии. Подбежал майор, командир дивизиона, отдал рапорт командующему.

Черняховский опросил о рубежах заградительного огня, по каким участкам подготовлен сосредоточенный огонь, где расположены запасные огневые позиции.

— Товарищ генерал-полковник, — замялся офицер, — нам должны были уточнить…

— Что же вы будете делать, если враг перейдет в наступление? Немедленно согласуйте все со штабом артиллерии!

Машина командующего и за ним все остальные направились к позициям полков первого эшелона. Впереди лежала слегка всхолмленная равнина с редкими деревьями, она хорошо просматривалась противником. Комдив предложил идти пешком, но командующий торопился. Доехали до второй позиции, затем прошли по ходу сообщения к наблюдательному пункту дивизии. Идти было трудно: ход сообщения осыпался, был очень мелким. Комдив волновался: вдруг гитлеровцы заметят? Метров триста пришлось передвигаться, низко пригнувшись. Благополучно добрались до траншей полного профиля. Черняховский недовольно обернулся к комдиву:

— Столько времени находитесь в обороне и не могли отрыть ходы сообщения в полный рост?

На переднем крае Черняховский обнаружил участки, которые не прикрывались огнем артиллерии. Заметил и много других недостатков в организации обороны. Закончив осмотр, указал, как быстрее устранить недочеты, и вечером вместе с комдивом поехал на командный пункт армии. В присутствии командарма генерал-лейтенанта В.В. Глаголева подробно разобрал недостатки в оборудовании исходных позиций для наступления. Глаголев, чувствуя неловкость, пытался было объяснить, почему в дивизии так много упущений, но высказаться ему не пришлось. Иван Данилович сел в машину и, прощаясь, заметил:

— Мало бываете в войсках, товарищ генерал. На устранение недостатков даю пять суток.

Копать траншеи и ходы сообщения ради дезинформации противника — дело неприятное. Однако для наших войск это имело решающее значение. Некоторые недопонимали важности этого мероприятия. Но те офицеры и генералы, которые участвовали в сражениях на Курской дуге и в других крупных операциях, знали, что инженерное оборудование исходных позиций необходимо и для наступления.

Готовясь к решительной операции по освобождению Белоруссии, штабы всех степеней приступили к подготовке данных для выработки решений, к тщательной оценке местности, сил и средств противостоящего противника, возможностей своих войск.

В соответствии с предварительным решением командующего фронтом разрабатывались планы материально-технического обеспечения войск. Для успешного наступления требовалось огромное количество вооружения, боеприпасов, горюче-смазочных материалов, сотня эшелонов продовольствия, различных видов снаряжения… Все это необходимо было своевременно рассчитать и доставить войскам.

Особое внимание уделялось изучению противостоящей группировки противника. В этих целях предусматривалось провести глубокую разведывательную вылазку в тыл врага в полосе армии Людникова. Выбор пал на одного из лучших войсковых разведчиков, старшего лейтенанта В.В. Карпова.

Командование и штаб фронта крайне интересовала глубина обороны противника в районе Витебска. От уточняющих разведывательных данных, которые должен был доставить Карпов, во многом зависело построение оперативного порядка фронта. Черняховский понимал, что от правильности этого построения зависит жизнь десятков тысяч солдат и офицеров.

Перед самым началом вылазки Черняховский пригласил начальника разведки фронта генерала Алешина и Карпова к себе. Бывалый разведчик сразу уловил вопросительный взгляд командующего: «…справится ли, не подведет?»

— В Витебске вас ждут. Там наши товарищи подготовили фотопленки со снимками вражеской обороны. Но передать нам не могут. После неудачного покушения на коменданта города генерала Гельмута немцы следят за каждым советским гражданином. От переднего края до города километров восемнадцать. Это тактическая зона, она насыщена войсками. Прыжок с парашютом исключается. Группой пробраться трудно, поэтому пойдете один. В пути и в городе придется преодолеть не одну опасность. Заранее будьте готовы к любому повороту событий, к любой неожиданности. Помните: каждую минуту мы будем следить за вами, чтобы оказать любую возможную помощь, если она потребуется. К выполнению задания приступайте сегодня же. Время не ждет.

— Ясно, товарищ командующий! Карпов хотел было встать.

— Сидите, сидите! Вы, товарищ генерал, со своей стороны, все предусмотрели? Пропуск, шифры?..

— Так точно, товарищ командующий.

Иван Данилович по-братски обнял разведчика.

— Нелегкое тебе предстоит дело. Будь осторожен! Помни, что разведчик должен обладать горячим сердцем и холодной головой…

Переодетый в гражданское Карпов ночью благополучно миновал немецкие позиции и добрался до Витебска. Ему удалось разыскать нужных людей и получить от них все, что требовалось. В городе его заподозрили патрульные. Попытались задержать, но ему удалось уйти. Возвращаясь, на следующую ночь он вблизи передовых позиций врага в первой траншее наткнулся на

немецкого часового, успел стукнуть его рукояткой пистолета по голове раньше, чем тот поднял тревогу. Когда Карпов уже выскочил из траншеи, гитлеровец, придя в себя, закричал. Открыли огонь вражеские пулеметы. Разведчик упал, пополз. Наша артиллерия обрушилась на врага. Карпов дополз до проволочного заграждения, и тут вражеская пуля настигла его. Теряя сознание, он собрал последние силы и, преодолев колючую проволоку, пополз дальше… Очнулся в блиндаже у своих.

Позже он узнал, что в полосе обороны корпуса его ожидали разведгруппы и вся артиллерия готова была прикрыть его переход массированным огнем.

Командование высоко оценило разведданные, доставленные старшим лейтенантом Карповым. Они помогли правильно решить оперативное построение фронта на его правом крыле.

В Белорусской операции неплохо работала разведка. Было точно известно, что тактическая зона обороны противника включает две полосы. Первая имеет две-три позиции, в каждой из которых по две-три сплошные траншеи. Вторая полоса подготовлена слабее. Кроме того, имелись оборонительные рубежи в оперативной глубине, особенно по берегам рек Березины и Щары. Одной из уязвимых сторон обороны противника было недостаточное эшелонирование оперативного построения группы армий «Центр». Пехота в основном располагалась на первом оборонительном рубеже.

Черняховский считал, что наибольшую трудность для наших наступающих войск представит преодоление первой полосы обороны противника глубиной до шести километров, и на учениях от штабов требовал довести до сознания каждого командира мысль о том, насколько важно организовать стремительный прорыв. Учебные полигоны 3-го Белорусского фронта, расположенные в тылу, были превращены в настоящее поле боя. На них были созданы позиции, подобные вражеским. Стрелковые роты и батальоны учились штурмовать их, наступать в высоком темпе, не отставать от огневого вала более чем на двести пятьдесят метров. С началом атаки пехота вела огонь всеми средствами и училась подавать сигналы переноса огня. Стрельба боевыми снарядами и патронами дисциплинировала людей, повышала ответственность, новички из пополнения привыкали к разрывам снарядов и пулеметному огню.

В результате энергичной деятельности Военного совета и партийно-политического аппарата фронта в ротах и батареях были укреплены партийные и комсомольские организации. В каждой из общевойсковых армий насчитывалось более пятнадцати тысяч коммунистов и около пятидесяти тысяч

комсомольцев. Основная деятельность политических органов, партийных и комсомольских организаций фронта была направлена на развитие у солдат и офицеров стойкости, мужества, на укрепление их морально-боевого духа. С особым энтузиазмом проводилась эта работа в гвардейских частях и соединениях. С солдатами молодого пополнения проводились беседы о славных боевых традициях советской гвардии, все вновь прибывшие бойцы и командиры давали гвардейскую клятву, каждому из них в торжественной обстановке вручался гвардейский значок.

В дни напряженной подготовки к наступлению бойцы и командиры видели Черняховского на учебных полигонах, на переднем крае, на огневых позициях артиллерийских батарей, у саперов, строивших сборные мосты для переправы через водные преграды. Черняховский учил подчиненных и сам учился у них.

«Мне пришлось быть начальником штаба фронта при нескольких командующих, — спустя четверть века рассказал генерал-полковник А.П. Покровский. — Каждый из них умел принимать решения и доводить их до штаба

фронта и штабов армий, но до солдата их идеи не всегда доходили. Черняховский же требовал доводить задачу до солдата в таком масштабе, чтобы тот, следуя суворовскому правилу, понимал «свой маневр». Идеи, сформулированные в решениях командующего, овладевали всеми воинами, находили у них признание и поддержку. Мне часто приходилось слышать из уст солдат и командиров: «С таким командующим не страшно в огонь и в воду».

От нового командующего мы, работники штаба фронта, ожидали упреков за неудачи в недавних наступательных операциях. Однако, ко всеобщему удовлетворению, услышать их никому не пришлось. Иван Данилович был очень вежливым, выдержанным, общительным. Хорошо понимал, когда нужно применять слово «я», и никогда этим не злоупотреблял. Он был человеком большого такта, в совершенстве владел собой, никогда не прибегал к унижающим достоинство воина разносам. С его приходом в штабе установилась спокойная, деловая обстановка».

Принимали решение о разгроме крупной витебско-оршанской группировки противника, Черняховский переживал один из ответственнейших моментов в своей жизни. От того, насколько правильным будет его решение, зависела судьба подчиненных ему полумиллионных войск. Чтобы принять правильное решение, он должен был разгадать намерения врага, решить задачу со многими неизвестными. Наполеон был прав, когда говорил: «Многие вопросы, стоящие перед полководцем, являются

математической задачей, достойной усилий Ньютона и Эйлера».

На первом этапе операции «Багратион» 3-й Белорусский фронт имел задачу во взаимодействии с войсками 1-го Прибалтийского и 2-го Белорусского фронтов разгромить витебско-оршанскую группировку врага. Для этого Черняховский имел в своем распоряжении на правом крыле 39-ю армию генерал-лейтенанта И.И. Людникова, южнее — 5-ю армию генерал-лейтенанта Н.И. Крылова, вновь прибывшую 11-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта К.Н. Галицкого и на левом крыле 31-ю армию генерал-лейтенанта В.В. Глаголева — в общей сложности тридцать три стрелковые дивизии. Кроме того, фронт усиливался 2-м гвардейским Тацинским танковым корпусом генерал-майора А.С. Бурдейного, 3-м гвардейским Сталинградским механизированным корпусом генерал-лейтенанта В.Т. Обухова, 3-м гвардейским кавалерийским корпусом генерал-лейтенанта Н.С. Осликовского (два последних объединялись в конно-механизированную группу под командованием Осликовского), 5-м артиллерийским корпусом прорыва, двадцатью отдельными танковыми бригадами и самоходно-артиллерийскими полками. С воздуха войска поддерживались и прикрывались 1-й воздушной армией генерал-полковника Т.Т. Хрюкина, значительно усиленной на время операции.

Черняховскому предстояло определить направления главного и вспомогательных ударов, разработать задачи армиям, подвижной группе и резервам фронта. В этой сложнейшей работе у него возникало немало сомнений. Направление главного удара Орша — Минск, рекомендованное Ставкой, не устраивало его по той причине, что враг здесь построил самые мощные оборонительные рубежи.

Нашим войскам предстояло лобовой атакой сбить противника с одного рубежа на другой. Возможное второе направление Лиозно — Богушевск проходило на стыке флангов 3-й танковой и 4-й армий противника, где оборона его была слабее, и для Черняховского представляло наибольший интерес. Однако на этом участке прорыва имелись свои минусы: болотистая местность затрудняла использование нашей главной ударной силы — танков.

Дальнейший анализ обстановки убедил его, что наверняка успеха можно достичь, нанося удар одновременно в двух направлениях. Черняховский стал готовиться к тому, чтобы основательно аргументировать свое решение и в связи с этим

просить Ставку дополнительно усилить фронт танковой армией.

В эти дни Черняховский частенько бывал на переднем крае. При подходе к одному из подразделений 77-го гвардейского стрелкового полка из-за поворота траншеи командующий и его порученец услыхали голоса бойцов и пошли к ним навстречу. С противоположной стороны появился старшина:

— Вы что тут собрались? А ну разойдись! Рядовой Смирнов! Должны знать, что скапливаться в траншеях не положено, в момент накроет!

Бойцы стали расходиться.

— А вы кто такой? — Старшина обратил внимание на неизвестного солдата в новом обмундировании. — Ваши документы!

— Правильно, старшина! — улыбнулся тот, — А теперь давайте знакомиться. Генерал-полковник Черняховский, командующий фронтом. Вот мое удостоверение.

Старшина вытянулся, вскинув руку к пилотке.

Иван Данилович, улыбаясь, взял его за плечо.

— Садитесь, садитесь, противник наблюдает.

— Ну и маскировка у вас, товарищ командующий! — удивился старшина.

— Чтобы на вас огонь не вызвать. Скажите, старшина. Вы, по годам вижу, наверное, еще в гражданскую служили?

— Служил и в гражданскую. Но тогда не было такой техники. Сейчас другое дело. Оборона у нас хорошая, только вот перед наступлением нас бы на денек-два оттянуть в тыл, чтобы вместе с артиллеристами и танкистами потренироваться.

— Тренировку проведем, — охотно согласился Иван Данилович, — коли наступать собираетесь!

Черняховский, прощаясь, пожал руки старшине и солдатам, что стояли поближе. В том числе и молоденькому рядовому Смирнову, который чем-то привлек его внимание. Запомнились умные, внимательные глаза юноши, его открытое, одухотворенное лицо. «Хороший боец», — подумал Иван Данилович.

Командующий фронтом поздно вернулся в штаб фронта.

Было уже за полночь. Порученец Комаров давно с беспокойством поглядывал на командующего, который много часов не вставал из-за стола, заваленного картами. Наконец не выдержал:

— Иван Данилович, вы исчеркали четвертую карту. Вам мало двадцати четырех часов в сутки, хотите все сами решить за всех: и за артиллеристов, и за танкистов, и за авиаторов?..

— А ты знаешь, что сказал Кутузов на военном совете в

Филях? «Итак, господа, стало быть, мне платить за перебитые горшки». Видишь, как глубоко Кутузов чувствовал свою ответственность за судьбу армии. А в наше время ответственность командующего еще больше. Только одной техники сколько у нас! Поэтому и приходится работать над четвертой картой.

— Понимаю, Иван Данилович. Но без сна тоже нельзя. Отдохните, а потом выслушаете предложения своих помощников.

— Но прежде чем слушать помощников и оценивать то, что они будут докладывать, необходимо сначала самому разобраться. А потом учти: каждый кулик свое болото хвалит. А мне нужно усилиями всех родов войск решить задачу в масштабе фронта. К тому же все нужные справки я от них получил. — Черняховский продолжал: — Мне ведь не только за себя мыслить надо, но и за командующего «Центром». Фельдмаршал фон Буш по ту сторону не сидит сложа руки. Наверное, все разработал, сколько и когда должна выпустить снарядов каждая пушка, когда и как будут введены в бой резервы, не забыл назначить команды по приему русских пленных. Сверх того Буш собирается обескровить наши войска на заранее подготовленных оборонительных рубежах и затем перейти в контрнаступление. Авантюра, конечно, но нам надо подумать и об этом.

Черняховский подозвал Комарова к расстеленной на столе огромной карте:

— Чтобы сокрушить оборону противника, артиллерист делает свои расчеты, авиатор — свои. Кто должен объединить и согласовать их усилия? Командующий со своим штабом. Или взять проблему борьбы с вражескими танками? В этом деле будут участвовать все войска, в том числе инженерные. Необходимо согласовать их действия, направить на решение единой задачи. Ведь если что-то не предусмотрено, наступление захлебнется, мы понесем потери. За все, Алеша, с нас спросят и современники и потомки, — в раздумье сказал Черняховский. — Историкам-то полегче. Возьмут точные данные о противнике, о наших войсках, сопоставят и не торопясь примутся рассуждать: «Причины поражения войск Черняховского заключаются в том-то и том-то». Разложат по полочкам все наши ошибки, подведут итоги. А мы решаем задачу со многими неизвестными…

— И все-таки надо бы вам отдохнуть, — стоял на своем Комаров.

Не все порученцы могли позволить себе так говорить с командующим. Но у Черняховского с Комаровым сложились особые отношения. Еще в сорок первом году, когда они под вражеским огнем переправлялись через Западную Двину, Комаров спас Ивану Даниловичу жизнь.

Наутро Черняховский собирался обсудить замысел предстоящей операции с командующими родами войск, заслушать их доклады и предложения, чтобы внести необходимые коррективы. Но заболел. Не успел выздороветь, как его и члена Военного совета генерала Макарова вызвали в Москву.

По дороге в Москву Иван Данилович не мог сдержать волнения. Пытался отвлечься, отдохнуть, но мысли вновь и вновь обращались к докладу.

И вот Москва, Генеральный штаб. Черняховский с Макаровым приехали 25 мая, но еще накануне в Ставке под председательством Верховного Главнокомандующего, с участием Г.К. Жукова, А.М. Василевского и К.К. Рокоссовского началось обсуждение плана операции «Багратион».

Василевский и Жуков приветливо встретили Черняховского. Подробно рассмотрели предложенный им план.

Опытные военачальники прекрасно понимали, что происходит сейчас в душе Черняховского, и ободрили его. Иван Данилович мысленно поблагодарил их за такую нужную ему поддержку.

План 3-го Белорусского фронта в принципе был одобрен. В тот же день Черняховского и Макарова пригласили в Ставку, в Кремль.

За длинным столом в зале заседаний — члены Государственного Комитета Обороны, члены правительства. Многих из этих людей Черняховский знал раньше только по портретам. На какой-то момент его охватило волнение, но он сразу взял себя в руки, когда Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин предоставил ему слово.

Полнейшая тишина и внимание присутствующих помогли Черняховскому излагать свои соображения спокойно, свободно оперируя цифрами и фактами, не заглядывая в записную книжку. Когда он начал обосновывать необходимость нанесения двух мощных ударов, Сталин подошел к карте с обозначенным на ней планом операции 3-го Белорусского фронта.

— Что же вы нам докладываете о двух ударах, когда у вас на карте один?

— В плане операции расчет приведен, исходя из имеющихся возможностей. Если фронт получит дополнительные силы и средства, сделаем перерасчет для второго направления.

Сталин ничего не возразил на это. Иван Данилович уже готов был принять его молчание за согласие, как вдруг Верховный Главнокомандующий спросил:

— Скажите, а как вы понимаете замысел операции «Багратион» в целом?

— По единому замыслу, силами четырех фронтов наносятся мощные удары по вражеской группе армий «Центр». При этом 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский разрезают оборону противника в общем направлении на Каунас, охватывая борисовско-минскую группировку немецких войск своими соединениями левого крыла. 1-й Белорусский фронт развивает успех на Барановичи, охватывая минскую группировку врага с юга и юго-запада. 2-й Белорусский наступает на Минск, имея основную задачу сковать войска противника с фронта.

Сталин слушал внимательно, не спеша раскурил трубку и стал разглаживать усы. Черняховскому рассказывали: это признак того, что Верховный доволен.

— Цель операции — окружение и уничтожение основных сил группы армий «Центр», — продолжал он уже более уверенно, — с последующим развитием наступления к границе Восточной Пруссии и на Варшавско-Берлинском стратегическом направлении.

— Правильно понимаете, — одобрил Верховный Главнокомандующий. — Если операция проводится по единому замыслу, четырех ударов вполне достаточно, то есть каждый фронт наносит один сокрушительный удар. А вот товарищ Рокоссовский просит разрешить 1-му Белорусскому фронту нанести два удара, значит, у него получается два главных направления. Мы считаем это излишним распылением сил. Вашему фронту тоже предлагается основные силы сосредоточить на одном участке прорыва. Как вы на это смотрите?

— Мне трудно сказать, чем вызвана необходимость двух ударов на участке 1-го Белорусского фронта, но успех наступательной операции 3-го Белорусского на первоначальном этапе зависит от одновременного уничтожения вражеских группировок в городах Витебске и Орше. Не предусмотрев этого, невозможно воспрепятствовать противнику маневрировать своими силами вдоль фронта.

— Но в таком случае вы будете наносить два ослабленных удара и можете не достигнуть результата ни на одном из выбранных направлений.

— Мы должны создать две мощные группировки. Для этого фронт необходимо усилить еще одной танковой армией и артиллерийской дивизией прорыва Резерва Верховного Главнокомандования.

— Товарищ Черняховский, разгромить противника, имея значительное превосходство в силах, невелика заслуга.

— Для успешной операции на такую глубину, имея перед собой сильного противника с заранее подготовленной обороной,

недостаточно внутренних резервов фронта. Чтобы нанести врагу сокрушительный удар и воспрепятствовать его маневру за счет снятия подвижных соединений с других участков, 3-му Белорусскому фронту необходима мощная танковая группировка. Только при этом условии удар достигнет цели и будет развит стратегический успех. Противник не успеет перебросить свои резервы, как мы овладеем Минском и разовьем стремительное наступление на запад.

— Товарищ Черняховский, вы умеете не только просить, но и аргументировать. Думаю, что члены Государственного Комитета Обороны учтут пожелания командующего фронтом.

Вопрос был, в сущности, решен. Ставка подчинила 3-му Белорусскому фронту 5-ю гвардейскую танковую армию маршала П.А. Ротмистрова и артиллерийскую дивизию прорыва Резерва Главного командования (РГК).

После окончания заседания в Ставке Черняховский и ожидавшие его Мернов и Макаров сразу приступили к доработке решения на предстоящую операцию с учетом возможностей танковой армии и артиллерийской дивизии прорыва РГК. Работали над картой всю ночь.

— Теперь эта красная стрела, — любовался Черняховский, — войдет в оборону противника и обратно уже не выйдет.

— А если фон Буш успеет выставить бронированный заслон? — заметил Мернов.

— Для того мы и отстаивали принцип двух ударов двумя мощными танковыми таранами, чтобы лишить противника возможности затыкать бреши.

В пронизывающих оборону врага стрелах Иван Данилович разглядел мечи, рассекающие группировку противника в Белоруссии на части. Он видел в них танки и пехоту, прикрытые с воздуха авиационной эскадрой, двинувшиеся по его приказу на штурм врага.

Черняховский предвидел, что войска фронта могут быть контратакованы резервами фельдмаршала фон Буша и танковыми дивизиями, которые в последующем могут подойти из стратегического резерва Гитлера. Поэтому он предусмотрел не только маневр на окружение противника в Витебске, но и меры противодействия его ударам извне.

Рано утром, когда все было готово, он, Макаров и Штеменко приехали на «Дальнюю дачу» Сталина на Дмитровском шоссе.

— Решение и замысел фронтовой операции доработали в соответствии с вашими указаниями и с учетом дополнительно приданных нам средств и сил. — Черняховский привычным движением развернул на столе карту.

— Товарищ Штеменко, вы видели? Они все-таки не хотят пройти мимо Минска, — всматриваясь в карту, прищурился Сталин. — Что ж, пожалуй, так даже и лучше. Еще неизвестно, кто из них, Рокоссовский или Черняховский, первым выйдет к столице Белоруссии.

План проведения Витебско-Оршанской операции Верховный Главнокомандующий утвердил без замечаний, однако переспросил:

— Танковая армия Ротмистрова наступает вдоль Минского шоссе?

Черняховский подтвердил, что она вводится в прорыв в полосе наступления армии Галицкого, то есть там, где и было запланировано Ставкой.

31 мая Черняховский и Макаров прилетели на свой командный пункт. Казалось, все было решено. Однако в памяти Черняховского возникали слова Сталина: «В таком случае вы будете наносить два ослабленных удара и можете не достигнуть результата ни на одном из направлений…»

Начать операцию «Багратион» решено было 19—20 июня. Верховный Главнокомандующий обратил особое внимание на использование главной ударной силы — 5-й гвардейской танковой армии. Генштаб рекомендовал ввести в сражение танки Ротмистрова на третий день операции в направлении Орша — Борисов — Минск. Естественно, что это направление для 3-го Белорусского фронта становилось главным.

Для обеспечения ввода танковой армии необходимо было сосредоточить здесь значительные силы, развернуть большую часть артиллерии. Сюда же требовалось бросить инженерные войска, чтобы подготовить колонные пути танкам.

Черняховский, однако, сомневался, что удастся своевременно ввести в прорыв танки Ротмистрова на этом направлении и завершить окружение группировки противника восточнее Минска. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Буш не зря на Минском шоссе расположил лучшую свою дивизию во главе с генералом Траутом, укрепив долговременными огневыми точками и опоясав минными полями и инженерными заграждениями.

Оставался еще нерешенным вопрос о Богушевском направлении. При всем желании Черняховский не мог пока использовать танковую армию на Богушевском направлении — в Генштабе сложилось твердое мнение, что этому препятствует заболоченная и лесистая местность, труднопроходимая для танков. Поэтому и не могло быть речи о применении здесь крупных танковых сил. Однако Черняховский как бывший танкист

продолжал думать об использовании подвижной группы фронта на этом направлении и даже принимал некоторые организационные меры.

В напряженном труде прошли два дня. Командующие родами войск, начальники служб собрались в штабе в ожидании командующего фронтом. Он бодрым шагом прошел к столу, поздоровался с генералами и офицерами. Его уверенность и собранность невольно передались окружающим.

Первое слово Черняховский предоставил Макарову:

— Центральный Комитет партии, командование Красной Армии и весь советский народ возложил на наш и соседние фронты ответственную задачу — освободить от немецко-фашистских захватчиков Белоруссию. Благодаря героическим усилиям народа мы смогли получить более тысячи восьмисот самолетов, семь тысяч орудий и минометов, около двух тысяч танков и самоходных орудий и много другой боевой техники. Ко всему этому требуется не менее важное — умение генералов, офицеров и всего личного состава фронта применить эту грозную силу для разгрома врага. Немецкие войска получили приказ оборонять рубежи Белоруссии как рубежи самой Германии. Города Витебск, Орша и Минск превращены в крепости. Гарнизонам этих городов приказано защищаться до последнего солдата, даже если они будут окружены советскими войсками…

Затем начальник разведки фронта генерал-майор Алешин охарактеризовал группировку противника:

— Перед фронтом 3-го Белорусского на Витебском и Богушевском направлениях обороняются 53-й и 6-й армейские корпуса 3-й танковой и на Оршанском — 27-й армейский корпус 4-й полевой немецких армий. Организационно обе эти армии входят в состав группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала фон Буша. В общей сложности под его началом насчитывается около миллиона солдат и офицеров, девять тысяч пятьсот орудий и минометов, девятьсот танков и штурмовых орудий, тысяча триста боевых самолетов. К тому же немецко-фашистское командование в состоянии подтянуть в ходе операции стратегические резервы и усилить группу армий «Центр» дополнительно до пятидесяти процентов артиллерией, танками, самолетами и людьми. Половина из них может оказаться против 3-го Белорусского фронта.

— Товарищ генерал, исходя из оценки противника, на каком направлении целесообразнее использовать 5-ю гвардейскую танковую армию? — спросил командующий.

— Танковую армию целесообразно ввести в прорыв вдоль шоссе Орта — Минск. Это откроет ворота для освобождения не

только Минска, но и Варшавы.

Группировку наших войск кратко оценил заместитель начальника штаба фронта. Из доклада следовало, что танковые и механизированные соединения придаются армиям первого эшелона и образуют подвижную группу. Из четырех общевойсковых армий, как обычно, три предполагалось иметь в первом и одну во втором эшелоне. Соответственно распределялись и остальные силы и средства.

— Такое оперативное построение пригодно на все случаи жизни, — заметил Черняховский. Иронический смысл этих слов уловили не все. — Где предполагаете ввести подвижную группу фронта?

— 5-ю гвардейскую танковую армию необходимо ввести по кратчайшему направлению Орша — Минск, в полосе армии генерала Галицкого, которая укомплектована лучше остальных.

— Допустим, что в результате упорного сопротивления врага наступление армии Галицкого захлебнулось и, наоборот, армия Крылова первая прорывает тактическую зону обороны противника. Что предусмотрено на этот случай?

— Сосредоточивая основные усилия фронта в полосе наступления войск Галицкого, мы твердо рассчитываем прорвать оборону противника и обеспечить ввод в сражение подвижной группы фронта именно здесь.

— Хорошо, послушаем начальника инженерных войск фронта.

— В предлагаемом варианте, — доложил генерал Баранов, — нам придется преодолевать Днепр, противоположный берег которого в инженерном отношении укреплен основательно. Кроме того, шоссе Орша — Минск и поля вдоль него плотно минированы. Потому, на мой взгляд, более предпочтительным является направление на Богушевск.

В выступлениях подчиненных не было полного единства взглядов. Все ждали, что скажет командующий.

— Исходя из оценки обстановки и учитывая уроки предшествующих операций, — начал Иван Данилович, — считаю:

во-первых, оборону противника следует прорывать в двух направлениях: Лиозно — Богушевск и Орша — Борисово. Это лишит противника возможности маневрировать силами и средствами на участке Орша — Витебск, как ему удавалось при отражении наступательных операций Западного фронта.

Во-вторых, оперативное построение фронта иметь в два эшелона. Причем в первом эшелоне расположить все четыре общевойсковые армии. Это диктуется тем, что противник основные свои силы растянул на главном оборонительном рубеже

глубиной в шесть-восемь километров и лишь незначительные резервы расположены в оперативной зоне. Враг считает свои укрепления по «Восточному валу» неприступными.

39-я армия во взаимодействии с 43-й армией 1-го Прибалтийского фронта, нанося сходящиеся удары по витебской группировке противника, окружает и уничтожает ее, открывая тем самым ворота в глубь Белоруссии, 5-я армия стремительным ударом прорывает вражескую оборону в направлении Лиозно — Богушевск — Сенно и обеспечивает ввод в прорыв конно-механизированной группы (КМГ) на второй день операции, а на третий день — танковой армии Ротмистрова.

11-я гвардейская армия во взаимодействии с армией генерала Глаголева наступает в направлении Толочин — Борисов в готовности на третий день операции обеспечить ввод в сражение танковой армии Ротмистрова.

31-я армия наносит главный удар своим правым крылом в направлении Орша — Выдрица.

Для развития оперативного успеха второй эшелон фронта составят подвижные войска: 5-я гвардейская танковая армия и конно-механизированная группа.

Танковая армия маршала Ротмистрова готовится для ввода в сражение на направлениях Орша — Борисов и Лиозно — Богушевск. КМГ генерала Осликовского с выходом пехоты на рубеж реки Лучесы вводится в прорыв в направлении Лиозно — Богушевск.

В целях обеспечения успеха на участках прорыва создается превосходство над противником: в людях — в 2,2 раза, в артиллерии — в 2,3 раза, в танках и самоходно-артиллерийских установках — в 10 раз, в самолетах — в 7,7 раза.

В-третьих, — продолжал Черняховский, — особенность данной операции заключается в весьма высокой концентрации танков на главных направлениях. Даже 39-я армия, имеющая задачу частью сил во взаимодействии с войсками 1-го Прибалтийского фронта окружить противника в Витебске, танкового или механизированного корпуса для создания своей подвижной группы не получит…

Многих поразила замечательная память Черняховского. Он называл десятки населенных пунктов, не глядя на схему, перечислял наименования частей и соединений, сопоставлял цифровые данные, не пользуясь никакими записями. Его решения основывались на глубоком знании обстановки и были, пожалуй, единственно правильными, хотя, как почувствовали все, и чрезвычайно рискованными.

Замысел Витебско-Оршанской операции, разработанной

Черняховским, был пронизан новизной и в равной мере впитал в себя все ценное, что было достигнуто в предшествующих операциях, весь обретенный в них боевой опыт.

Черняховский предусмотрел ввод в сражение танковой армии после прорыва не только тактического, но и армейского рубежа обороны противника. Ударная сила подвижной группы фронта сохранялась для успешных действий в глубине обороны группы армий «Центр».

Ярким свидетельством полководческого искусства Черняховского явилось и его решение о выделении во второй эшелон фронта лишь подвижных войск вместо общевойсковой армии, как это было во многих предыдущих операциях. Все имеющиеся в наличии общевойсковые армии предполагалось использовать только по своему прямому назначению, то есть для прорыва укреплений противника, в первом эшелоне оперативного построения фронта. Успех действий в оперативной глубине вражеской обороны обеспечивался бронетанковыми и механизированными войсками, максимально сохраненными для этой цели. Их своевременный ввод в сражение обеспечивался, в свою очередь, общевойсковыми армиями.

— Какие будут вопросы? — спросил Черняховский.

— Товарищ командующий, — поднялся один из генералов танковых войск, — танкистам в оставшийся срок не успеть оборудовать маршруты и исходные позиции на Лиозно-Богушевском направлении.

— Поможем, — пообещал Черняховский.

— И не совсем ясно, как на Богушевском направлении противник намерен распорядиться своими оперативными резервами…

— Чтобы узнать это, нужно немного: взять в плен командующего группой армий «Центр», — пошутил Иван Данилович. — Никто другой, кроме фон Буша, вам на этот вопрос не ответит. Так, может быть, отложим наступление до тех пор, пока не заберем в плен фельдмаршала? Если нет возражений, то наступление начнем своевременно. Что касается оперативных резервов врага, мы знаем, где они расположены. О том, в каком направлении они будут выдвигаться, нас немедленно проинформирует воздушная разведка.

— Товарищ командующий, разведданные о противнике в штаб танковой армии поступают с опозданием.

— А вы, товарищ генерал, не ждите, что вам все преподнесут в готовом виде. Сами должны предвидеть и разгадывать замыслы противника. Что же касается решения, то оно уже утверждено Ставкой, и, следовательно, быть посему. Мы рассматриваем лишь

способы его выполнения. Итак, маршалу Ротмистрову надлежит подготовить второе направление: на Лиозно — Богушевск. Действия танков отработать с каждым танкистом.

Штаб фронта в соответствии с решением командующего разрабатывал план предстоящей операции, согласовывая действия армий и подвижных соединений. Отдавались десятки глубоко продуманных приказов и распоряжений, которые доводились до войск через штабы всех уровней. Черняховский никогда не забывал, что самое гениальное решение остается неосуществленной идеей без титанической работы штабов.

4 июня в штаб фронта приехал представитель Ставки — начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А.М. Василевский. Черняховский доложил о проделанной работе и вечером того же дня ознакомил Василевского и сопровождающих его генерал-полковника артиллерии М.Н. Чистякова и генерал-полковника авиации Ф.Я. Фалалеева с отработанным планом наступления. На следующий день на Военном совете заслушали решения командармов. Окончательное их утверждение должно было состояться на местности, непосредственно на участках прорыва.

— Каково ваше впечатление о командующем? — обратился Василевский к Чистякову после совещания.

— Что ж, первый свой экзамен Черняховский сдал успешно. Правда, к такому деликатному обращению на войне не привыкли.

— На Военном совете присутствовали генералы Крылов, Людников, Галицкий, Глаголев, Родин, Покровский… Имена их известны не только у нас в войсках, но и хорошо знакомы противнику. В обращении с ними нужен особый такт.

— Подлинный авторитет только укрепляется оттого, что военачальник терпеливо выслушивает предложения подчиненных и следует дельным советам.

Утром 6 июня Черняховский и Василевский посетили участок прорыва армии генерала Крылова. Подробно рассмотрели решение командарма и предложения начальников родов войск. Особое внимание уделили вопросам взаимодействия пехоты, танков, артиллерии и авиации. Покинули армию уверенными, что она находится в твердых и умелых руках. 9 июня работали в 11-й гвардейской армии Галицкого. Здесь подготовительные работы, особенно по использованию артиллерии, несколько отставали по сравнению с тем, что успели проделать соседи. Это было связано с перегруппировкой: 11-ю гвардейскую армию передали 3-му Белорусскому фронту из состава 1-го Прибалтийского. Ознакомившись с решениями командарма и командиров корпусов, Черняховский и Василевский провели короткую

штабную игру, обратив особое внимание на то, насколько глубоко изучена командованием и штабами система обороны и группировка противника, насколько офицеры, генералы хорошо знают местность в полосе Своего наступления. Задав несколько вводных е различными вариантами контратак противника в глубине операции, потребовали от комкоров и командарма принятия дополнительных решений. Удовлетворенные ответами командиров, представитель Ставки и командующий фронтом внесли в план операции свои последние коррективы и дали соответствующие указания. Черняховский был предельно собран и сосредоточен. Он понимал: представитель Ставки экзаменует не только войска, но и его самого.

На КП вернулись в час ночи. Василевский доложил по ВЧ Сталину о проделанной за день работе и о своих впечатлениях о Черняховском: «работает много, умело и уверенно…» Затем высказал беспокойство по поводу срыва графика прибытия войск, боевой техники, боеприпасов, горючего.

Уже через сутки начальник тыла фронта почувствовал результаты этих переговоров. Эшелоны начали прибывать один за другим. Все же закончить подготовку в сроки не удавалось. По предложению представителей Ставки начало операции было перенесено на 23 июня.

17 июня Василевский был срочно вызван в Москву, а на следующий день на совещании при Верховном Главнокомандующем еще раз согласовал ввод в сражение танковой армии Ротмистрова на Оршанско-Борисовском направлении, как на кратчайшем и наиболее выгодном по условиям местности для маневра.

Перед отъездом Василевского из Москвы маршал Жуков обратился к Верховному Главнокомандующему с просьбой окончательно решить вопрос о перенесении срока наступления для войск 1-го Белорусского фронта на 24 июня, то есть на день позже. Сталин попросил Василевского высказать свое мнение, предварительно выяснив точку зрения командующих фронтами.

Василевский пригласил к аппарату ВЧ Черняховского.

— Как вы относитесь к тому, что Жуков просит начать наступление 1-го Белорусского фронта на сутки позже вас?

— А какими соображениями он руководствуется?

— Во-первых, это позволит поочередно использовать авиацию. Во-вторых, затруднит противнику разгадать общий замысел — окружение его основной группировки. — Маршал помедлил. — Ну и нам с вами это предоставит определенное преимущество…

— Какое, если не секрет?

— При таком варианте мы будем иметь времени на сутки больше, чем Рокоссовский, для освобождения столицы Белоруссии — Минска. Придется согласиться, Иван Данилович. Вероятно, это к лучшему. Как идет подготовка к наступлению?

— Полным ходом, железнодорожники подтягиваются.

20 июня Василевский вернулся в штаб 3-го Белорусского фронта и вместе с Черняховским рассмотрел вопросы авиационного обеспечения предстоящей операции.

Во второй половине июня была завершена перегруппировка. Войска заняли исходные позиции для наступления. В ночь на 22 июня Черняховский, Макаров, Родин, Баранов, Иголкин во главе оперативной группы штаба фронта заняли передовой командно-наблюдательный пункт на высоте 108,5 севернее Минского шоссе, примерно в трех километрах от переднего края. Штаб фронта во главе с генералом Покровским продолжал осуществлять управление войсками с командного пункта, находящегося в лесу южнее Гусина.

Высота, на которой располагался КНП, ничем не отличалась от других высоток, во множестве разбросанных на этом рубеже. Однако здесь было оборудовано столько укрытий, что, если не знать схему их расположения, легко можно было запутаться. В центре подземного городка размещался блиндаж командующего и члена Военного совета, рядом — представителя Ставки Маршала Советского Союза А.М. Василевского, справа и слева — блиндажи командующих родами войск. Все укрытия соединялись между собой ходами сообщения и были тщательно замаскированы. Небо над этой высотой патрулировалось истребителями. Место расположения КНП трижды фотографировалось с воздуха для проверки надежности маскировки.

Накануне операции Черняховский переговорил по телефону с командармами, убедился в готовности войск. В сотый раз, склонившись над картой, перебрал все возможные варианты контрударов противника. Несмотря на позднюю ночь, вызвал начальника оперативного управления генерал-майора Иголкина.

— Держите постоянную связь с соседними фронтами. Очень важно знать, как противник будет реагировать на атаку на их участках.

Иголкин впервые заметил волнение в голосе Черняховского.

— Иван Данилович, с соседями поддерживается надежная связь. Всю необходимую информацию получаем вовремя.

Командующий фронтом и начальник оперативного управления, обсудив все первоочередные вопросы, расстались, пожелав друг другу спокойной ночи. И им без слов было понятно, как важно теперь хорошо отдохнуть. Но Иван Данилович никак не

мог успокоиться. Он пришел в блиндаж на западных скатах высоты, где у стереотрубы дежурил наблюдатель. Только вспышки ракет время от времени разрывали темноту. Враг не проявлял активности.

Ивану Даниловичу предстояло провести первую фронтовую операцию, в которой участвовало огромное количество войск и боевой техники. Это и радовало его и тревожило.

22 июня вслед за ударами артиллерии и авиации танки и пехота 3-го Белорусского фронта начали атаку на ряде участков. По ту сторону фронта, в штабе командующего группой армий «Центр» зазвонили все телефоны. Разбудили Буша. Он выслушал сообщение, буркнул: «Опять помогают своим партизанам», — и бросил трубку.

Белорусские партизаны за последние три дня разрушили много железнодорожных коммуникаций противника, ведя так называемую «рельсовую войну». Войска группы армий «Центр» лишились регулярного снабжения вооружением, боеприпасами, горючим, и фельдмаршал фон Буш вынужден был из своего резерва направлять дивизию за дивизией на охрану коммуникаций.

Телефон зазвонил опять.

— Господин фельдмаршал, у аппарата командующий 4-й армией.

— Докладывайте!

— Русские крупными силами атаковали наши позиции в направлении Орши.

Генерал не имел точных данных и, переоценив силы русских, допустил непоправимую ошибку. Командующий 3-й танковой армией доложил, что на Витебском направлении успешно отбил атаку русских…

Фельдмаршал фон Буш продолжал считать главным направление Орша — Минск. Он исключал возможность наступления крупных сил русских на Богушевском направлении, в условиях болотистой местности и множества озер, и основное внимание сосредоточил на Минском шоссе. Командующему 4-й армией он приказал ввести в бой резервы дивизий и остановить продвижение русских на Оршу. «Сегодня, 22 июня, три года назад мы начали „дранг нах остен“. Не исключено, что в этот памятный для русских день они решили преподнести нам серьезный сюрприз».

Буш еще не догадывался, что командующий 3-м Белорусским фронтом ввел его в заблуждение, выдав разведку боем за начало общего наступления, чтобы раскрыть систему огня немецкой обороны.

До решающих событий оставалось менее суток. Заканчивалось выдвижение частей на исходные позиции. Тем временем наша авиация наносила мощные удары по резервам и аэродромам противника в районах Орши, Борисова и Минска.

Один за другим возвращались из соединений представители штаба фронта с докладами о результатах боя передовых батальонов. В штабах согласовывали последние детали начинающейся операции.

Все дни стояла сухая, жаркая погода, но в ночь на 23 июня прошел сильный дождь. Ему были рады все, кроме саперов и связистов: первые беспокоились, не развезет ли грунтовые дороги, вторые — не скажется ли влажность на слышимости телефонных переговоров.

Грунтовые дороги не успели размокнуть, но телефонная связь действительно ухудшилась.

На фронте нередко случалось, что связь выходила из строя именно тогда, когда в ней была наибольшая необходимость. На рассвете Черняховский приказал Комарову связать его с командиром одной из дивизий, но с телефонного узла ответили, что связи нет.

Черняховский тотчас же отдал строжайший приказ начальнику связи генералу Бурову обеспечить непрерывную телефонную связь. От предложения переговорить по радио командующий фронтом отказался: радиостанции до начала наступления должны были молчать. Приказ о радиомаскировке соблюдался строго, даже слишком строго. Позже обер-фельдфебель, взятый в плен под Витебском, показал: «Мы привыкли к обычному режиму работы ваших радиостанций. И вдруг все они замолчали».

Генералу Бугрову пришлось срочно перестроиться: часть новых средств, предназначенных для связи в оперативной глубине, использовать на исходных позициях. В ночь накануне наступления старый провод между дивизиями заменили на новый. В пять часов утра Буров доложил Черняховскому: «Проводная связь до дивизии включительно работает бесперебойно».

Перед началом Белорусской операции в тылу у противника активизировала боевые действия трехсоттысячная армия белорусских партизан. Народные мстители день ото дня усиливали удары по врагу. Под ногами гитлеровцев горела земля. Советские люди и воины Красной Армии были едины и полны решимости разгромить оккупантов и очистить белорусскую землю. Еще задолго до начала операции «Багратион» воины-белорусы действующей армии обратились с призывом к своим

землякам.

«К тебе, народ наш, народ-богатырь, обращаются сыны твои, — писали бойцы. — Каждый день и час носим в сердце образ любимой Родины. Каждым вздохом своим, каждой мыслью своею с вами мы, дорогие, с вами, любимые… Наши сердца жжет великая бессмертная ненависть к врагу… Эта ненависть ведет нас а грозные атаки, она зовет нас бить врага, бить его люто, нещадно, насмерть…

Мы слышим стоны родной земли, видим муки ее, видим зарево пожарищ на ее опустевших просторах… Но не сломила вас вражья неволя. Не склонили вы колен перед оккупантами. Захвачена Беларусь, но не покорен народ ее, не сломлена воля ее к борьбе и победе… Мы слышим вас ежедневно, наши братья, белорусские партизаны. Мы гордимся первыми героями партизанской борьбы Бумажковым и Павловским…

Вместе с братьями своими, русскими и украинцами, вместе а воинами всех народов Советского Союза мы принесем освобождение родной земле, возвратим свободу и радость родному и многострадальному нашему белорусскому народу…»

2

Наступило утро 23 июня. По сигналу красных ракет залпы «катюш» оповестили о начале артиллерийской подготовки. Земля застонала от грома сотен батарей. Позиции противника (по фронту более тридцати и в глубину до семи километров) сплошь покрыл дым разрывов. Приняв проведенную накануне разведку боем за общее наступление, противник выдвинул резервы в тактическую зону обороны, подставив этим свои войска под удар нашей артиллерии и авиации.

Артиллерийская канонада, рев авиационных моторов слились в один общий гул. Волна за волной шли на вражеские позиция наши самолеты. Отбомбившиеся эскадрильи тут же сменялись другими. Черняховский сознавал, какие огромные силы пришли в движение по его приказу, и испытывал радостное возбуждение. Артиллерийская подготовка подходила к концу, командующего фронтом интересовало, насколько эффективно подавлена оборона врага? Как нужны были сейчас Черняховскому мнения командармов, наблюдавших за противником на своих участках прорыва! Но он не беспокоил пока ни одного из них, понимая, как они заняты. Эти минуты стоили ему напряжения всех сил. Выдержку Черняховского по достоинству оценили подчиненные, которым не раз приходилось испытывать на себе излишнюю нервозность вышестоящих начальников: она передавалась сверху вниз и зачастую вредила делу.

В первый час артподготовки командующий получал информацию по линии штабов, и этих данных было достаточно, чтобы оценить обстановку и отдать соответствующие распоряжения. Он приказал командующему воздушной армией усилить удары вдоль Минского шоссе и нацелить часть штурмовой и бомбардировочной авиации на подавление вновь обнаруженной артиллерии противника. Наконец потребовал от командармов доклада о результатах артподготовки. Выяснилось, что огонь в полосах армий Глаголева и Галицкого оказался менее эффективным, чем на участках Крылова и Людникова.

Черняховский, не отрываясь от стереотрубы, приказал командармам Глаголеву и Галицкому вместо вышедших из строя орудий прямой наводки выдвинуть танки непосредственной поддержки пехоты.

Несколько необычно развернулись события в полосе наступления армии генерала Людникова. Артподготовка там должна была длиться еще час. Наблюдая за противником, командир первого батальона 61-го гвардейского полка майор Б.

Ф. Федоров установил, что немцы, не выдержав артиллерийского огня, оставили первую траншею. Нужно было немедленно решать: ждать конца артподготовки или атаковать противника? Если ждать, фашисты успеют укрепиться во второй траншее, инициатива будет упущена. Федоров не сомневался, что командование поймет правильно его решение и своевременно перенесет огонь в глубину. Если примеру его батальона последуют соседи, то оборона врага будет прорвана и при этом сохранено большое количество снарядов для дальнейшего наступления.

Майор нажал на спусковой крючок ракетницы. Ракета взвилась, указывая путь на запад. Солдаты ринулись вперед. Быстро миновали первую траншею, ворвались во вторую. Пошли в ход ручные гранаты, в траншеях завязался штыковой бой. Мощное «ура!» усиливалось, гремело справа и слева: за батальоном Федорова поднялись в атаку соседи. Лихорадочно заработала связь: «Прекратить огонь артиллерии в квадратах…»

Штабные офицеры не сразу поняли, что произошло. Начальник штаба артиллерии фронта поспешил доложить:

— Товарищ командующий, пехота Людникова поднялась в атаку, не дожидаясь переноса артиллерийского огня.

Известие насторожило Черняховского, но он невозмутимо приказал:

— Передайте командирам артиллерийских групп: на участке 39-й армии, а также на стыках с ней перенести огонь в глубину.

Огонь был своевременно перенесен. Батальон Федорова успешно продвигался вперед, за ним — другие. В результате обозначившегося успеха на направлении главного удара генерал Людников досрочно ввел в сражение основные силы. Стремительным броском они преодолели первую и вторую траншеи противника на широком фронте. Пехотинцы, артиллеристы, танкисты действовали четко и слаженно.

Батальон майора Федорова по-прежнему был впереди. В первых его рядах шли коммунисты и комсомольцы. Войскам всего фронта стало известно имя комсорга батальона лейтенанта М.И. Дружинина: под огнем врага он первым ворвался на мост через реку Лучесу и перерезал провода, идущие к фугасам, не дав возможности немцам подорвать мост. Батальон без задержки форсировал реку.

К тринадцати часам первого дня наступления дивизии Людникова перерезали железную дорогу Витебск — Орша в районе станции Замосточье. Гитлеровцы, пытаясь оказать сопротивление, сосредоточили у станции свой корпусной резерв — 280-й пехотный полк.

Более успешно развернулись события в полосе наступления армии генерала Крылова. Еще накануне в шестнадцать часов на всю глубину позиции врага обрушился шквал огня. Двадцать пять минут громыхали разрывы снарядов и авиабомб по ту сторону переднего края армии. После мощного залпа «катюш» передовые батальоны дружно атаковали врага. Один из батальонов дивизии генерала Н.М. Ласкина захватил господствующую высоту, па которой противник расположил крупнокалиберные пулеметы. Соседние батальоны с ходу форсировали речку Суходровку и закрепились на ее крутом противоположном берегу. Противник опомнился, начался тяжелый, кровопролитный бой. Фашисты с трех сторон контратаковали смельчаков, их силы превосходили наши в три-четыре раза. Отважных пехотинцев в этом неравном бою поддержала дивизионная и корпусная артиллерия. Но, несмотря на огромные потери, немцы продолжали контратаковать. Уже не было уверенности, что небольшой плацдарм удастся отстоять. Однако удары артиллерии сделали свое дело. К концу дня вражеские атаки начали ослабевать и наконец захлебнулись. Наступила ночь. Под ее покровом на ту сторону реки были переправлены главные силы дивизии.

Командарм Крылов, успешно проведя разведку боем, задумался, как наилучшим образом использовать ее результаты. И нашел удачное решение: в первый день наступления артиллерийскую подготовку начал в отличие от других армий не за два часа до атаки, а гораздо позже, заручившись на это согласием Черняховского.

Восемьдесят пять минут бушевал огонь в полосе наступления армий Галицкого и Глаголева, а на участке армии Крылова велась лишь редкая орудийная стрельба. Создалась картина пассивных действий, какие обычно ведутся на второстепенных направлениях. Командир немецкого 6-го армейского корпуса доложил в штаб 3-й танковой армии, что на его участке сравнительное затишье. Командующий армией быстро отреагировал на это сообщение: пока продолжалась артиллерийская подготовка, снял резервы с участка 6-го армейского корпуса.

Лишь за тридцать пять минут до начала атаки генерал Крылов приказал открыть ураганный огонь по врагу. Заключительным аккордом артиллерийской и авиационной подготовки был мощный удар по передовым траншеям противника. Не успели смолкнуть орудия, как стрелковые части, вплотную прижимаясь к огневому валу, поддерживаемые танками

и авиацией, стремительно атаковали врага. В середине первого дня наступления войска генерала Крылова овладели шестью линиями траншей и вечером вышли к реке Лучесе, прервав оборону 6-го армейского корпуса немцев на глубину двенадцать километров.

Из опыта ожесточенных боев в Севастополе и в Сталинграде Крылов знал, что врагу не надо давать передышки. За ночь командованием и штабом армии была проделана большая подготовительная работа с целью развития успеха операции. Уточнены задачи соединениям первого эшелона и артиллерии. Более тысячи орудий и минометов сменили огневые позиции, придвинувшись ближе к Лучесе, и с рассветом обрушили огонь на передовые части 6-го армейского корпуса немцев. Одновременно по его резервам и тылам был нанесен сокрушительный удар с воздуха силами бомбардировочной и штурмовой авиации фронта.

Соединения Крылова, поддержанные мощным огнем артиллерии, авиации и танками, утром 24 июня вновь атаковали врага. Сам Крылов находился в боевых порядках первого эшелона, внимательно следя за ходом сражения.

Вскоре противник на Богушевском направлении бросил в бой свежую пехотную дивизию, но, несмотря на это, к тринадцати часам сопротивление его было сломлено.

Стрелковые соединения 5-й армии в полдень подошли к Богушевску. Здесь произошла заминка. Крылов обратился к Черняховскому:

— Прошу нанести удар авиацией по лесу восточнее Богушевска.

— Перенацеливаю на ваш участок штурмовиков. Будет сделано шестьдесят самолето-вылетов. Не сбавляйте темпа наступления. Обходите врага с флангов, — потребовал командующий фронтом.

Войска Крылова, умело маневрируя и взаимодействуя с фронтовой авиацией, продолжали наращивать темп наступления. Богушевск представлял собой мощный узел обороны, где подступы к его опорным пунктам были прикрыты проволочными и минными заграждениями и тремя линиями траншей. На окраине города завязались ожесточенные бои. Богушевск являлся той ключевой позицией, при потере которой рушилась вся система обороны противника на этом участке.

— Товарищ генерал, вас просит к аппарату командующий фронтом, — доложил Крылову адъютант.

— Потребует срочно взять Богушевск, а у нас артиллерия отстала, — с досадой сказал Крылов, подходя к аппарату ВЧ.

— Николай Иванович, — прозвучал в трубке спокойный голос

Черняховского, — получены разведданные от наших партизан. Богушевск — орешек! Придется подтянуть резервы и как следует подготовиться, чтобы взять его с наименьшими потерями.

У Крылова отлегло от сердца. Черняховский понял его тревогу и сумел объективно оценить обстановку.

— Товарищ командующий, командирам стрелковых корпусов приказал подтянуть артиллерию и части, действующие на главных направлениях, усилить танками. На этом же направлении сосредоточиваю армейскую артиллерию. Прошу еще раз помочь авиацией.

— По противнику в Богушевске бомбовые удары наносит 3-я гвардейская бомбардировочная авиационная дивизия генерал-майора Андреева. Сопровождать пехоту и танки будут летчики 3-го штурмового авиакорпуса. Командиры этих соединений уже выехали на ваш командно-наблюдательный пункт, — сообщил Черняховский. Операция была разработана настолько четко, что взаимодействие родов войск было расписано по часам.

К вечеру подготовительные работы были закончены. После мощного артиллерийского и авиационного налетов дивизии Казаряна и Донца, усиленные танковыми бригадами, двинулись на штурм Богушевска. Бой длился всю ночь. В результате одновременного удара с фронта и флангов к трем часам утра город был освобожден от противника.

Иначе развивались боевые действия в направлении Орши. С утра 23 июня ударная группировка, состоящая из основных сил 11-й гвардейской и 31-й армий, встретила ожесточенное сопротивление врага, занимающего глубоко эшелонированную оборону с долговременными сооружениями. За день боя соединения Галицкого продвинулись на два километра и лишь на стыке с 5-й армией — до восьми километров. Армия Глаголева отражала контратаки 78-й штурмовой и 25-й моторизованной дивизий противника и смогла преодолеть вражескую оборону только лишь на глубину около двух километров.

Маршал Василевский выехал к Галицкому, чтобы разобраться в обстановке на месте. Возвратившись на КНП фронта, сказал Черняховскому:

— Галицкому нужно помочь. Завтра Рокоссовский южнее нанесет сокрушительный удар. Ввод в сражение танков Ротмистрова в полосе наступления армии Галицкого считаю достаточно обоснованным. Так и буду докладывать Верховному.

— Галицкому окажем максимальную помощь. На Оршанское направление перенацеливаю основную массу штурмовой и бомбардировочной авиации, — ответил Черняховский. — Будем рассчитывать, что с утра Кузьма Никитович завершит прорыв

тактической зоны.

Черняховский вызвал по ВЧ командарма-11.

— Кузьма Никитович! Ваша гвардия усилена лучшим танковым корпусом и артиллерийской дивизией прорыва, чем еще вам помочь?

— Товарищ командующий, приходится преодолевать заболоченные и торфяные поля, лесные завалы, заминированные и опутанные колючей проволокой, перекрытые фланкирующим огнем из дзотов. Гитлеровцы здесь создали непреодолимую полосу обороны. С захватом узкоколейки, может быть, танки Ротмистрова помогут нам допрорывать вражескую оборону?

— Подвижная группа фронта имеет строгое предназначение и будет введена в сражение только в чистый прорыв.

— С овладением рокадной дорогой Орша — Витебск оборона противника начнет рушиться, и тогда Траут не удержится. Но пока нам мешают вражеская артиллерия с закрытых огневых позиций и доты, прикрывающие шоссе огнем.

— Хорошо, штурмовую авиацию нацеливаю на контрбатарейную борьбу и на подавление дотов! Кто у вас ближе всех к шоссе Орша — Витебск?

— Дивизия генерала Щербины.

Черняховский, отдав соответствующие распоряжения командующему артиллерией фронта и командующему воздушной армией на подавление противника, вызвал генерала Щербину.

— «Тигр» слушает. — Комдив назвал позывной своего наблюдательного пункта.

— «Тигр», у аппарата Черняховский. Поздравляю с успехом! Молодцы, что свое обещание выполнили с честью. Но к утру во что бы то ни стало нужно оседлать шоссе Орша — Витебск! Задача ясна, товарищ генерал? — Ясна!

Щербина не предполагал, что обстановка может измениться так резко. Начальник штаба дивизии уже докладывал ему, что противник вновь перешел в контратаку и пытается отрезать вырвавшиеся вперед батальоны 95-го гвардейского стрелкового полка и что гитлеровцам удалось вернуть поселок Центральный.

Возникла угроза не только на участке 31-й гвардейской стрелковой дивизии, но и на всем правом крыле армии Галицкого. Комдив-31 понимал всю сложность ситуации, в его ушах все еще звучал приказ Черняховского: «Во что бы то ни стало оседлать шоссе Орша — Витебск!» Спасение положения он видел в дерзких действиях бронированных самоходно-артиллерийских установок.

— Самоходки выдвигай вперед! — решительно сказал он своему адъютанту лейтенанту Кузьменко. — Ну, Петро, давай!

— Товарищ генерал, я мигом! — Кузьменко под разрывами снарядов побежал к машине командира самоходок.

Вскоре самоходки, ведя огонь с коротких остановок, вступили в бой с вражескими танками.

Контратака гитлеровцев захлебнулась. Батальоны 95-го полка при поддержке самоходок вновь перешли в наступление.

Лейтенанта немецкие артиллеристы заметили, когда он уже возвращался обратно на НП дивизии. Совсем рядом в торфяной жиже разорвался вражеский снаряд, Кузьменко залепило буро-зеленой грязью. Он едва успел отпрыгнуть в воронку от снаряда, как снова взрыв, комья земли посыпались на него сверху.

… — Петро, жив? — обрадовался Щербина, когда адъютант свалился в траншею.

— Все в порядке, товарищ генерал, — доложил Кузьменко.

Щербина собрался было доложить Черняховскому, что приказ его выполнен, но в это время раздался звонок.

— Товарищ одиннадцатый, гитлеровцы вновь контратаковали, дальнейшее наступление приостановлено! — сообщал командир 95-го стрелкового полка — так быстро менялась обстановка на фронте.

— Выдвигайте артиллерию на прямую наводку, я иду к вам! — громко сказал в телефонную трубку Щербина.

— Товарищ генерал! Под таким огнем вам не пройти, разрешите, я поползу, все равно потом отмываться, — предложил Кузьменко.

Щербине не хотелось заставлять Кузьменко второй раз испытывать судьбу, но выполнение приказа командующего фронтом находилось под срывом. Щербина обнял своего адъютанта.

— Иди, друг, подними в атаку людей 2-го батальона.

Кузьменко — где ползком, где перебежками — добрался до 5-й стрелковой роты, прижатой вражеским огнем к земле.

— Товарищи, приказ командующего фронтом — оседлать шоссе.

— Ура! За Родину! — 18-летний младший сержант Шавалиев поднял свое отделение в атаку.

Но тут ударил вражеский пулемет. Солдаты, обливаясь кровью, падали один за другим, сраженные огнем из вражеского дзота. Сам Шавалиев упал в мокрый торфяной мох рядом с командиром взвода гвардии младшим лейтенантом Ильченко. Атака захлебнулась.

— Щербина, — спрашивал по телефону генерал Галицкий, —

оседлали шоссе?

— Нет, товарищ генерал!

— Черняховский передал, что штурмовики в воздухе, и еще раз потребовал ускорить атаку шоссе Орша — Витебск!

— Петро, — надрывался Щербина, вызывая по телефону лейтенанта. — Петро, где ты? Сообщи свои координаты!

— У пятого поселка.

— Ускорьте продвижение!

— …Приказ генерала — атаковать! — властно потребовал адъютант комдива.

— Надо — значит надо. — Ильченко взглянул на сержанта Шавалиева: — Только ты, Барий, можешь с тыла уничтожить вражеский дзот, и тогда рота овладеет дорогой жизни!

Шавалиев полз в обход дзота. Ильченко не выдержал, двинулся вперед. Слишком уж ответственна была задача, от выполнения которой зависел успех всего корпуса. Коммунист Ильченко повторил бессмертный подвиг Александра Матросова, закрыв своим телом амбразуру. Вскоре фашисты вновь открыли губительный огонь. И тогда поднялся младший сержант Шавалиев. Одним броском он подбежал к дзоту и упал на амбразуру. Вражеский пулемет умолк. Ценой своей жизни отважные воины обеспечили выполнение ротой боевой задачи.

Дивизия генерала Щербины на второстепенном участке прорыва достигла больших успехов, чем на направлении главного удара армии. Она расширила прорыв по фронту до трех и в глубину до восьми километров. В полосе наступления войск генерала Галицкого обозначился успех.

Василевский распорядился: «В ночь на 24 июня маршалу Ротмистрову вывести танковые корпуса из выжидательного района в исходный и приблизить их к боевым порядкам соединений армии генерала Галицкого. Командующему фронтом Черняховскому обеспечить прикрытие танков с воздуха».

С наступлением темноты, точно в указанное время, лавина танков 5-й гвардейской армии двинулась по Минскому шоссе. К рассвету танки начали выходить в полосу действий стрелковых соединений армии генерала Галицкого.

Выдвижение танковой армии встревожило немецкое командование. Оно незамедлительно стало усиливать Оршанское направление. В полосу Минской автострады выдвинуло на прямую наводку целую зенитно-артиллерийскую дивизию для борьбы с нашими танками.

С утра 24 июня под Оршей развернулись ожесточенные бои.

В первые три часа сражения соединения армии Галицкого хотя и не достигли желаемого результата, но гвардейцы, проявляя

героизм и мужество, сумели преодолеть болота и втянулись в тяжелые бои на тыловом оборонительном рубеже, прикрывающем рокадное шоссе Витебск — Орша.

К этому времени начальник направления по 3-му Белорусскому фронту полковник Мернов успел обозначить на картах Генерального штаба выдвижение 5-й гвардейской танковой армии маршала Ротмистрова вдоль Минского шоссе. О выполнении графика выдвижения уже не раз докладывалось Верховному Главнокомандующему. Тот интересовался, как ведет себя противник, где находятся войска генерала Галицкого.

11-я гвардейская армия с тяжелыми боями медленно продвигалась вперед. Командование фронта согласовало все вопросы, связанные с обеспечением ввода в прорыв подвижной группы. Минское шоссе было заблаговременно освобождено для танков. Два танковых корпуса ждали приказа ринуться в бой.

Черняховский продолжал кропотливо анализировать боевые действия, развернувшиеся на фронте в сто сорок километров. Иван Данилович своевременно сделал вывод, что противник продолжает считать второстепенным для наших войск направление на Богушевск, а также убедился, что к утру 25 июня армия Галицкого не сможет завершить прорыв немецкой обороны. Следовательно, нецелесообразно вводить здесь танки Ротмистрова, предназначенные для действий в глубине: им пришлось бы встретиться с противотанковой артиллерией и танками противника, расположенными на заранее подготовленных позициях, в хорошо замаскированных танковых окопах. Большие потери неизбежны.

В то время как на левом крыле фронта войска Глаголева и Галицкого медленно продвигались, в полосе наступления армии генерала Крылова обозначился успех на Богушевском направлении. На второй день наступления здесь по приказу Черняховского была введена в прорыв конно-механизированная группа генерал-лейтенанта Осликовского. Танки 3-го гвардейского механизированного корпуса, наступающие в составе этой группы, успешно преодолевали лесисто-болотистую местность. В такой обстановке ввод танковой армии в прорыв у Богушевска представлялся весьма заманчивым. Если перебросить ее туда ночью, можно обеспечить решающую внезапность.

В то же время в директиве Ставки главенствующая роль отводилась Оршанскому направлению. Там, в полосе наступления армии Галицкого, все было заранее предусмотрено до мельчайших деталей: прикрытие танков артиллерийским огнем, пропуск их через минные поля. Требовалось пропустить сквозь поток своих стрелковых и артиллерийских частей более пятисот

танков и самоходно-артиллерийских установок Ротмистрова и еще массу другой сопровождающей их боевой техники. А в полосе наступления армии Крылова предстояло решать все эти вопросы заново, в ходе боевых действий.

Черняховский мог, выполняя директиву Ставки, ввести танковую армию там, где все было подготовлено, — вдоль Минского шоссе. Но его беспокоила невероятная стойкость противника на Оршанском направлении. Трудности не пугали Ивана Даниловича. Напротив, они мобилизовывали всю его волю, разум, знания, опыт.

В Белорусской операции участвовало четыре фронта, для развития оперативного успеха предназначалась танковая армия. Естественно, за ее использованием следил Генеральный штаб, сам Верховный Главнокомандующий. И требовалась большая смелость, чтобы принять решение вопреки утвержденному ранее плану.

Генеральный штаб, зная, что на Богушевском направлении лесисто-болотистая местность, считал, что для такого количества танков не хватит емкости коммуникаций. По тесным дорогам в сторону фронта двигалась масса автомашин тыловых подразделений армии Крылова, конно-механизированной группы. Вся эта махина могла создать долговременные заторы.

В ночь на 23 июня Ставка отдала распоряжение ввести танковую армию на Оршанском направлении и передвинула ее на двадцать пять километров ближе к боевым порядкам соединений армии Галицкого. На следующий день она продвинулась к линии фронта еще на двадцать пять километров и продолжала оставаться в резерве Ставки. До ввода в сражение танковой армады и решающего удара оставались считанные часы.

Гитлеровцы на подступах к Орше продолжали оказывать ожесточенное сопротивление, войска генерала Галицкого медленно взламывали вражескую оборону. Черняховский вынашивал свой вариант применения танковой армии, и наконец он пришел к окончательному заключению, что его дерзкий маневр принесет успех. Мысленно он уже видел, как танки Ротмистрова, преодолев заболоченную местность, стремительно вырываются на автомагистраль Борисов — Минск, в район Толочина, оставив позади себя вражеские укрепления в Орше, и выходят на оперативный простор.

Прежде чем доложить о своем решении Василевскому, Иван Данилович посоветовался с Макаровым. Член Военного совета целиком и полностью согласился с ним. Еще несколько часов назад директива Ставки казалась незыблемой. Но в двадцать часов 24 июня, когда танковая армия из Резерва Верховного

Главнокомандования поступила в подчинение 3-го Белорусского фронта, Черняховский внес решающие изменения в ранее разработанный план операции. И тут же вызвал к себе командующих бронетанковыми войсками, артиллерией, авиацией, начальника инженерных войск, начальников оперативного управления и разведотдела.

— Войска фронта в основном наступают успешно. Но на левом крыле соединения Галицкого и Глаголева топчутся на месте. В чем-то мы допустили просчеты, особенно с вводом в сражение 5-й гвардейской армии. Обстановка требует немедленной перегруппировки сил. У кого есть какие соображения?

— Порядок использования танковой армии строго регламентирован, и вводить ее предписано на направлении главного удара, вдоль Минского шоссе, — нарушил паузу заместитель начальника оперативного управления полковник Соколов. — Целесообразнее было бы следовать ранее выработанному плану. Возможно, армии Галицкого еще удастся развить прорыв…

— Николай Парфентьевич, — обратился командующий к начальнику инженерных войск, — как вы думаете, сумеем мы перебросить танковую армию, не застрянет она в лесу?

— На Богушевском направлении танки пройдут, — заверил Баранов.

Черняховский попросил командующего бронетанковыми войсками фронта генерала Родина высказать свои соображения.

— Выдвигая танковую армию на исходный рубеж в полосу наступления армии Галицкого, — начал Родин, — мы израсходовали тысячи моточасов и сотни тонн горючего. Вдвое больше израсходуем на выдвижение танков в район сосредоточения и затем к исходному рубежу на участке прорыва 5-й армии, поскольку рокадных дорог там фактически нет.

— Алексей Григорьевич, моторесурсы и горючее нам очень дороги, но из-за них мы не можем жертвовать победой. Ввод в сражение танковой армии в полосе войск Крылова дает нам большие преимущества. Во-первых, внезапность. Во-вторых, мы вобьем клин между 3-й танковой и 4-й армиями противника. В-третьих, выйдем на свое главное направление — Минское шоссе, — обойдя мощные укрепления врага в районе Орши. То есть выполним задачу с наименьшими потерями…

Черняховский, выслушав доклады командующих родами войск и начальников управлений, доложил о своем окончательном решении Маршалу Советского Союза Василевскому.

— Решил 5-ю гвардейскую танковую армию ночью отвести в выжидательный район, перегруппировать в полосу наступления армии Крылова и на рассвете 26 июня ввести в прорыв на Богушевском направлении. Прошу вашей санкции.

— Вы командующий фронтом. Вот и командуйте своими армиями.

Маршал Василевский, будучи представителем Ставки, никогда не подменял командующих фронтами.

— Есть! — радостно воскликнул Черняховский. Но какое значение имело это всего лишь одно слово в судьбе всей Белорусской операции!

Черняховский, сосредоточивая усилия фронта на правом крыле, отнюдь не собирался ослаблять внимание к Оршанскому направлению. 24 июня он приказал генералу Галицкому обойти Оршу с севера и закрыть пути отхода врагу на запад. Предупредил командарма:

— Имейте в виду, генерал Траут у немцев считается мастером обороны. Даже таблички висят перед траншеями с надписью: «Где стоит Траут, русские не пройдут». Так что нам предстоит серьезно потрудиться. От командира 2-го гвардейского танкового корпуса потребуйте решительных действий, используйте артиллерию на всю мощь, на Траута нацелю и авиацию.

Армия генерала Крылова продолжала успешно развивать наступление. Черняховский приказал Галицкому на правом фланге использовать ее успехи. Сам тут же выехал в выжидательный район танковой армии Ротмистрова. Одновременно туда начали прибывать ее передовые подразделения.

Радист командующего, настраиваясь на волну штаба фронта, вдруг услышал:

— Приказ Верховного Главнокомандующего.

Генерал-полковнику Черняховскому.

Войска 3-го Белорусского фронта… — пытаясь увеличить громкость, радист от волнения повернул ручку в обратную сторону и, пока снова настраивался, что-то пропустил: — … прорвали сильно укрепленную и развитую в глубину оборону Витебского укрепленного района немцев, южнее города Витебска, на участке протяжением тридцать километров продвинулись в глубину за два дня наступательных боев до двадцати пяти километров и расширили прорыв до восьмидесяти километров по фронту, освободив более трехсот населенных пунктов…

Начались помехи… Потом прозвучали слова:

— …Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Белорусского фронта… двадцатью артиллерийскими

залпами…

— Товарищ подполковник! — Радист схватил за руку задремавшего Комарова. — Сейчас передавали о нашем фронте…

Комаров тут же разбудил Черняховского. Иван Данилович спокойно заметил:

— Радоваться еще рановато…

— Как же не радоваться? — удивился Комаров. — Ведь сообщили на весь мир!

По дороге на Богушевск машина командующего обогнала автоколонну с боеприпасами для армии Крылова. Когда подъезжали к командно-наблюдательному пункту, мимо пронеслись всадники. Земля гудела от топота копыт.

Черняховский вышел из машины.

Кто-то уже скакал навстречу на красивом вороном коне, за спиной всадника распласталась черная бурка. Осадив коня в нескольких метрах от машины, всадник спрыгнул на землю. Это был генерал Осликовский.

— Товарищ генерал-полковник! Соединения конно-механизированной группы расширяют прорыв. Ввожу в бой второй эшелон кавалерийского корпуса!

— Что же, желаю успеха, — улыбнулся Иван Данилович.

Лихие конники стремительно проносились мимо. Вот уже промчались арьергардные эскадроны. В ушах еще долго звучал конский топот…

Маршал Василевский, подведя итоги операции 3-го Белорусского фронта за первые три дня, доложил Верховному Главнокомандующему, что войска продвигаются успешно.

— Поздравляю. Какое мнение складывается о Чернове[5], товарищ Владимиров[6]? — спросил Сталин.

— Отличное. Обстановку анализирует быстро, владеет предвидением развития боевых ситуаций. Принятое им решение ввести танковую армию ближе к левому крылу Батурина[7] — смелое и в своем роде оригинальное, в успехе уверены.

— Выходит, мы не ошиблись, назначив его командующим фронтом?

— Не ошиблись. Прошу генералу Чернову присвоить очередное звание.

Сталин некоторое время молчал. Александра Михайловича это смутило: «Выходит, поторопился с просьбой?»

Но Сталин медленно и спокойно проговорил:

— Ну что ж, направьте официальное представление.

В тот же день полетела телеграмма в Москву Семенову[8]: «За

отличное руководство войсками прошу присвоить звание генерала армии командующему 3-м Белорусским фронтом генерал-полковнику Черняховскому Ивану Даниловичу. Владимиров».

На следующий день Василевский поздравил Ивана Даниловича Черняховского с присвоением ему воинского звания генерала армии.[9]

Конно-механизированная группа, введенная в прорыв, к 25 июня опередила дивизии Крылова на двадцать-тридцать километров. Механизированный корпус Обухова и кавалерийский корпус Осликовского в трудных условиях лесисто-болотистой местности успешно преследовали остатки разбитых частей 299-й и 14-й пехотных дивизий противника. Под прикрытием истребительной и штурмовой авиации, осуществляя смелые обходные маневры, конники миновали важные опорные пункты врага в районах Волосова и Вершовки, достигли Березины и приступили к ее форсированию. На переправе в районе Осипова образовался затор. Здесь скопились полки кавдивизии генерал-майора Брикеля, батальоны танковой бригады мехкорпуса, автомашины частей армии Крылова, полки кавдивизии генерала Калюжного. Противник обнаружил скопление войск у переправы и обрушил на них огонь.

Авиационная разведка фронта тут же засекла вспышки выстрелов вражеской артиллерии. По приказу Черняховского в воздух была поднята эскадрилья штурмовиков, и батареи противника были подавлены.

Кавалерийские дивизии Брикеля и Калюжного благополучно форсировали Березину юго-восточнее Осипова и к полудню уже вели бои с противником за расширение плацдарма. К этому времени наметился успех и в армии генерала Галицкого. С большим опозданием в прорыв была введена подвижная группа армии — 2-й гвардейский танковый корпус Бурдейного. Гвардейцы-танкисты, преодолев ночью Осиновское болото, с утра втянулись в напряженные бои.

В разгар операции член Военного совета фронта генерал Макаров получил известие, что погиб младший брат командующего, подполковник Александр Данилович Черняховский. Посоветовавшись с маршалом Василевским, решил пока не сообщать Ивану Даниловичу печальное известие.

С утра 26 июня командующий стал вновь наращивать силы на Богушевском направлении и ввел в прорыв 5-ю гвардейскую танковую армию.

Вводу в прорыв танковой армии придавалось особое значение, этому предшествовала большая подготовительная

работа. Прежде всего требовалось обеспечить фланги танковой армии. Правый фланг прикрывался конно-ме-ханизированной группой, действовавшей западнее Сенна, левый — 2-м гвардейским танковым корпусом, наступавшим в направлении Староселье — Червявка. Надежно охраняемая с воздуха авиацией, танковая армия в шесть часов утра вошла в соприкосновение с противником.

Представитель Ставки и член Военного совета фронта, посоветовавшись, решили наконец сообщить Черняховскому о гибели брата.

Макаров, волнуясь, начал издалека:

— Иван Данилович, как в жизни бывает: за радостью приходит горе… Сильный способен все пережить и продолжать самоотверженно выполнять свой долг, таким мы вас знаем!

— Вы о чем, Василий Емельянович? Что-то я вас не понимаю, — насторожился Черняховский.

— Иван Данилович, — решился наконец Макаров, — я должен сообщить вам печальную весть. Случилось несчастье… — Он помедлил, подыскивая необходимые слова: — Ваш брат Александр погиб двадцать четвертого под Алексиничами.

Черняховский тяжело опустился на стул. Он был строг к брату, не баловал его и не прятал в тылы. Наоборот, направил заместителем командира танковой бригады на главное направление, туда, где решалась судьба операции…

Тягостное молчание прервал сам Иван Данилович:

— Последний раз он не застал меня… Не увиделись тогда, а теперь уже не увидимся. Все было некогда. И сейчас не смогу поехать в Алексиничи. Прости, Саша!

Войска фронта продолжали успешно наступать. Передовой отряд танковой армии Ротмистрова, применив широкий маневр, обошел сопротивлявшиеся группы врага и к тринадцати тридцати вышел в район восточнее Толочина. Попытка с ходу сбить оборонявшиеся части охранной дивизии не удалась. Главные силы 3-го Котельнического гвардейского танкового корпуса танковой армии Ротмистрова, наступавшего вслед за передовым отрядом, находились в двадцати километрах. Командир корпуса генерал-майор И.А. Вовченко последовал директиве командующего фронтом, предписывающей подвижным войскам вводить вторые эшелоны и резервы, не давая противнику времени на перегруппировку и подтягивание своих резервов. В результате ему удалось на подступах к Толочину быстро развернуть главные силы корпуса. На автомагистрали Москва — Минск шел жестокий

бой. В тылу под Оршей продолжались ожесточенные схватки. В Толочине же немцы чувствовали себя более-менее спокойно. На станцию прибывали поезда, телеграф выстукивал согласие на прием новых эшелонов. Даже когда наши танки ворвались на привокзальную площадь, немцы не сразу разобрались, в чем дело, и продолжали нести службу на станции.

Генералу Вовченко удалось совершить маневр силами одной танковой бригады в обход Толочина с севера, другой с юга, отрезать фашистам путь на запад и не допустить отхода оршанской группировки врага на Толочин. В результате этого маневра Толочин был взят. Войска фронта перерезали шоссейную и железную дороги Орша — Борисов на протяжении тридцати километров, захватили большое количество трофеев.

Если 3-й гвардейский танковый корпус генерала Вовченко наступал успешно, то 29-й корпус продвигался медленно, с большими потерями.

Штабу фронта была хорошо известна слава 5-й гвардейской танковой. Большие потери и медленный темп наступления являлись следствием каких-то тактических ошибок. Для выяснения обстоятельств на месте была направлена специальная комиссия.

…В одном из районов боевых действий, на подступах к Березине, чернели остовы трех сожженных танков, мрачно выделяясь на фоне зеленой рощи. Каждый из них был поражен снарядом в левую сторону башни. Комиссии не составило труда определить, откуда стрелял противник. На краю поля, за густым кустарником, был обнаружен след немецкого танка, а вскоре и место, где он прятался в засаде.

Неподалеку в лощине стояло еще шесть наших подбитых машин. По пробоинам было видно, что противник стрелял из рощи, находившейся метрах в четырехстах. На опушке рощи также были обнаружены места засад трех замаскированных вражеских танков. Следы их гусениц вели на запад: немецкие танки ушли безнаказанными.

Генерал Людников, участник расследования обстоятельств одного из таких боев, сделал следующий вывод: «Немцы на некоторых участках применили против нас нашу тактику, в свое время успешно использованную Катуковым, тогда еще полковником, в боях против танков Гудериана на дальних подступах к Москве: бить из засад…»

Несмотря на все трудности, внезапный ввод в сражение танковой армии явно качнул чашу весов в нашу сторону. Танкисты генерала Вовченко, освободив город Толочин, одновременно отрезали путь отхода оршанской группировке

врага, облегчили этим задачу войскам, наступающим с фронта. Всю ночь на 27 июня на улицах Орши шли упорные бои. Сопротивление вражеского гарнизона было сломлено. К утру Орша полностью перешла в наши руки.

Вечером 27 июня Москва вновь салютовала в честь победы войск Черняховского. Наиболее отличившимся соединениям приказом Верховного Главнокомандующего были присвоены почетные наименования Оршанских.

Благоприятно развернулись события в войсках генерала Людникова. Здесь особо отличились стрелковые дивизии генерал-майоров А.П. Квашнина, А.А. Вольхина, которые на третий день наступления соединились в районе Гнездиловичей с 43-й армией генерал-лейтенанта А.П. Белобородова. Таким образом было завершено окружение пяти вражеских дивизий, действовавших в районе Витебска.

Окружение немцев под Витебском вошло в историю Великой Отечественной войны как одна из классических операций. Она характерна тем, что еще в ходе наступления вражеская группировка была рассечена надвое. Это позволило добивать ее по частям — в районе Островно и юго-западнее Витебска.

Фашистские войска, не ожидавшие стремительного наступления, были ошеломлены. Командир 197-й пехотной дивизии полковник Прой, взятый в плен, показал: «Полки таяли буквально на глазах. Солдаты бросали оружие, транспортные средства, боеприпасы, военное имущество, личное оружие и, как безумные, разбегались…»

26 июня войска освободили Витебск, и в шесть часов утра над городом взвилось красное знамя. Было захвачено большое количество пленных и боевой техники.

В этот же день вечером Московское радио передало приказ Верховного Главнокомандующего, адресованный командующим 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов и вверенным им войскам. В столице гремел салют в честь победы. Отличившимся при взятии Витебска соединениям приказом Верховного Главнокомандующего были присвоены почетные наименования Витебских.

Черняховский приказал генералу Людникову во взаимодействии с войсками Белобородова к концу 27 июня рассечь и уничтожить окруженного под Витебском противника и основными силами продолжать наступление на запад, чтобы как можно быстрее создать внешний фронт окружения витебской группировки.

Между тем упорство противника не ослабевало. Немецко-фашистское командование еще не потеряло надежды вывести войска из окружения. 26 июня гитлеровцы двадцать раз ходили в контратаки, но успеха не добились. Один из наших стрелковых батальонов в течение дня отразил восемь вражеских контратак. Командир батальона подполковник Сметанин геройски погиб. Но батальон не дрогнул, отстоял свои рубежи. Противник на этом участке не прошел.

В районе Замошенье, в двадцати километрах юго-западнее Витебска, до пяти тысяч гитлеровцев во главе с командиром 206-й пехотной дивизии генералом Хиттером сумели вырваться из окружения. Вторая, более крупная группировка врага в составе 4-й авиаполевой, 197-й и 246-й пехотных дивизий, намереваясь прорваться на Лепель, ударила в направлении узкого перешейка между озерами Сарро и Боровко. Враг, пробиваясь на юго-запад, стал угрожать тылам соединений армии Крылова, далеко вырвавшимся вперед.

В создавшейся обстановке поблизости не оказалось резервов не только у Людникова, но и в распоряжении командования фронта. Черняховский принял неожиданное решение: двумя дивизиями Крылова совершить восьмидесятикилометровый марш в полосу наступления армии Людникова и разгромить вырвавшуюся из окружения группировку врага.

Генерал по особым поручениям при представителе Ставки генерал-лейтенант М.М. Потапов доложил маршалу Василевскому, что группировке противника под Витебском удалось частично вырваться из окружения. Маршал Василевский тотчас же вызвал к телефону ВЧ Черняховского.

— Что делается под Витебском?

— Гитлеровцы пытаются вырваться из окружения!

— Пытаются или вырвались?

— Пытаются, товарищ маршал!

— Что вами предпринято?

— Готовлю контрудар!

— Не давайте своему старому знакомому Гольвитцеру опомниться, коли вы его не добили в свое время под Воронежем. Требую за сутки завершить ликвидацию окруженной группировки противника под Витебском!

— Есть! — ответил Черняховский.

Крылов быстро и точно выполнил приказ. Он бросил стрелковую дивизию генерала Ласкина в район Ходцы, в двадцати девяти километрах юго-западнее Витебска. Командир дивизии решил одним полком прикрыть трехкилометровый промежуток между озерами Сарро и Боровко, а главными силами во

взаимодействии с дивизией генерала Вольхина атаковать прорывавшуюся на юго-запад группировку противника в районе Замошенье. Одновременно по распоряжению командарма на рубеже Ляпино — Песочка навязала врагу бои 184-я стрелковая дивизия генерала Городовикова. Вскоре Городовиков своими главными силами совместно с частями генерала Ласкина нанес встречный удар по 206-й пехотной дивизии, вырвавшейся из окружения. В результате гитлеровцы вынуждены были сдаться в плен вместе с командиром дивизии генералом Хиттером.

В девять часов 27 июня соединения Людникова при поддержке реактивных минометов атаковали основную группировку противника, окруженную под Витебском. Фашисты не выдержали натиска советских войск и в двенадцать часов подняли белый флаг. К пятнадцати часам витебская группировка врага была полностью ликвидирована, в плен сдалось свыше десяти тысяч гитлеровцев. Среди них оказался и командир 53-го армейского корпуса генерал-полковник Гольвитцер.

Войска группы армий «Центр», которые в сорок первом году дошли до окрестностей Москвы, теперь беспорядочно отступали на запад. Фашисты, оставляя пределы Белоруссии, жестоко мстили белорусскому народу: жгли села, тысячами истребляли ни в чем не повинных людей. Гитлеровцы уничтожали каждого четвертого за то, что они не покорились им и ни на один час не прекращали борьбу за свое освобождение. Враг в бессилии сдержать наступление советских войск зверствовал, уничтожал военнопленных перед своим отступлением.

В боях под Оршей 24 июня гвардии рядовой 77-го гвардейского стрелкового полка Юрий Смирнов, участвуя в грозном ночном танковом рейде, тяжело раненный, упал с танка. Гитлеровцы схватили его в самый критический для себя час, рассчитывая узнать данные о прорвавшихся советских танках. Стали его допрашивать, подвергая нечеловеческим пыткам. Но мужественный солдат свято сохранил верность присяге, проявил стойкость и геройство.

Отважный воин предпочел принять смерть от рук палачей, но не выдал военной тайны и остался верен Отчизне до последнего вздоха.

— Товарищ командующий, в населенном пункте Шалашино, — докладывал Черняховскому генерал Галицкий, — в одном из немецких штабных блиндажей обнаружили распятое на кресте тело рядового Юрия Смирнова. На полу валялись брошенные фашистами штабные документы, солдатская книжка и комсомольский билет Юрия Васильевича Смирнова.

— Значит, герой не дал им никаких показаний и фашисты

распяли его на кресте? — Ивану Даниловичу фамилия солдата показалась знакомой. — Смирнов из 26-й гвардейской стрелковой дивизии? — спросил он.

— Так точно. Руки и ноги изверги прибили ржавыми гвоздями, в лоб вбили два железных костыля. На груди штыковые ножевые раны.

— Фашистские звери! — не выдержал Черняховский. — При каких обстоятельствах он попал к ним в плен?

— С моего ведома на командный пункт известного вам генерала Траута был брошен танковый десант в составе стрелковой роты старшего лейтенанта Зеленюка, в которой и был солдат Юрий Смирнов. Будучи раненным, он попал в плен.

— С воинскими почестями похоронить геройски погибшего гвардейца!

— Товарищ командующий, Военный совет армии на комсомольца рядового Смирнова направил представление на присвоение ему звания Героя Советского Союза посмертно.

— Военный совет фронта поддержит ваше представление.

Весть о зверской расправе над Смирновым быстро облетела войска фронта и вызвала новую волну ненависти к врагу. Боевые товарищи на могиле Юрия поклялись отомстить за него.

Президиум Верховного Совета СССР присвоил гвардии рядовому Юрию Васильевичу Смирнову звание Героя Советского Союза посмертно.

Генерал-фельдмаршал фон Буш, командующий группой армий «Центр», по мере продвижения советских войск к Минску все больше терял самообладание. К исходу дня он доложил по телефону Гитлеру, что русские на Минском направлении создали превосходство в танках, авиации и сдержать их наступление невозможно. В целях спасения живой силы и боевой техники Буш просил отвести соединения группы армий «Центр» за реку Березину. Фюрер категорически запретил отводить войска и приказал пресечь панику, расстреливать паникеров и остановить наступление русских любой ценой. Командующий группы армий «Центр» дополнительно просил две-три танковые дивизии для организации контрудара, но фюрер и в этом отказал ему.

Буш понимал, что всему есть предел. Тысячами березовых крестов на могилах немецких солдат был отмечен путь его войск, начиная с Прибалтики. И Гитлер не хуже своего фельдмаршала знал, сколько Германия потеряла солдат и боевой техники в снегах под Москвой, у стен Сталинграда, на Курской дуге и в степях Украины.

Буш пришел к выводу, что наступил момент, когда 4-ю армию необходимо отвести, спасти от неминуемого окружения…

Но Гитлер не изменил своего решения. Он еще не представлял себе или не хотел представить всю остроту положения 4-й армии и в целом всей группы «Центр».

После этого разговора фон Буш потерял равновесие духа окончательно. Еще недавно фюрер осыпал его милостями за победы во Франции и в начале войны с Советским Союзом в Прибалтике. Ныне он отступал, открывая русским путь на Варшаву и Берлин.

И Буш все-таки попытался выполнить приказ Гитлера. Для этого на чашу весов он бросил последний оперативный резерв — 5-ю танковую и 286-ю охранную дивизии, надеясь этими силами приостановить наступление 5-й гвардейской танковой армии, а затем и нанести контрудар.

Советская разведка своевременно доложила о выдвижении резервов противника. Сталин приказал вызвать к телефону ВЧ Василевского или Черняховского. Поскребышев, заранее позвонив из Москвы, предупредил, что Верховный будет на проводе через полчаса. Василевский в это время находился в пути к командно-наблюдательному пункту фронта. Черняховскому предстояло второй раз с начала операции вести переговоры с Верховным Главнокомандующим. В оставшиеся минуты он успел посоветоваться с ближайшими соратниками, попросил их быть рядом.

Ровно через тридцать минут зазвонил телефон. Присутствующие молча склонились над картами, командующий фронтом взял трубку.

— Генерал Чернов слушает.

— У аппарата Семенов. Здравствуйте! До нас дошли сведения, что противник из оперативного резерва выдвигает танковую дивизию в вашу полосу, так?

— Не совсем точно. К исходу двадцать седьмого июня 5-я танковая и 286-я охранная дивизии группы армий «Центр» заняли исходные позиции на рубеже Игрушки — Крупки в готовности нанести контрудар по передовым частям 5-й гвардейской танковой армии.

— Представляет ли серьезную угрозу контрудар Буша?

— Представляет, если не принять эффективные контрмеры. Ротмистров понес значительные потери, а в 5-й танковой дивизии противника наши разведчики насчитали около двухсот бронеединиц.

— Можете ли уверенно сказать, что вы приняли все необходимые меры для отражения контрудара?

— Товарищ Семенов, мы рассчитываем завтра с утра разгромить 5-ю танковую и 286-ю охранную дивизии противника и продолжим развивать успех.

— Как вы расцениваете действия германского командования в этой операции?

— Его педантизм и шаблонность в оперативном искусстве поставили группу армий «Центр» на грань катастрофы. Вместо быстрого отхода на тыловые позиции Буш втянул свои войска в затяжные фронтальные сражения. Это облегчает наши действия.

— Какие у вас прогнозы в отношении дальнейших намерений германского командования? — спросил Сталин и, не дожидаясь ответа, добавил: — Этот вопрос всех нас очень интересует.

— Гитлеровскому командованию до выдвижения крупных резервов остается лишь затыкать опасные направления, ничего другого предпринять оно пека не в состоянии.

— Хорошо. Жду вашего сообщения о том, как будут развертываться события на рубеже Игрушки — Крупки. Желаю успеха. До свидания.

Черняховский поставил задачу 1-й воздушной армии в момент развертывания в боевой порядок резерва группы армий «Центр» (в составе 5-й танковой и одной пехотной дивизии) нанести массированные удары, а танковой армии Ротмистрова, взаимодействуя с авиацией и артиллерией, разгромить эти дивизии и, продолжая развивать наступление, захватить переправы через Березину, овладеть городом Борисовом. Но, к сожалению, соединения 5-й гвардейской танковой армии до вечера были связаны боями в районе Крупки — Бобры, в сорока километрах восточнее Борисова.

Медленными и нерешительными действиями танковой армии Ротмистрова Ставка недовольна, и Верховный Главнокомандующий потребовал от 5-й гвардейской танковой армии стремительных и решительных действий.

Штаб фронта принял указания Ставки к строжайшему исполнению. Делалось все для того, чтобы ускорить темп наступления не только танковой, но и общевойсковых армий и конно-механизированной группы Осликовского, чтобы главные силы фронта совместно с партизанами Белоруссии с ходу форсировали Березину и помешали противнику занять оборону на ее противоположном берегу. От быстрейшего захвата и расширения плацдарма на Березине во многом зависел успех всей операции.

Усилия командования, штаба фронта и штаба 1-й воздушной армии дали свои результаты. Конно-механизированная группа Осликовского к исходу 28 июня захватила переправы на Березине

всего лишь в четырнадцати километрах северо-западнее Борисова. Василевский и Черняховский наутро встретились на Березине. Командующий фронтом доложил, что расширяется плацдарм на западном берегу Березины.

Василевский был доволен, что оборона врага прорвана на важнейшем Варшавско-Берлинском стратегическом направлении. Операция «Багратион» развивалась именно так, как было намечено Ставкой.

В штаб-квартире командующего группой армий «Центр» в Минске генералы и офицеры были ошеломлены донесениями с линии фронта. Над 4-й армией нависла опасность окружения. Надежды фон Буша на контрудар не оправдались. Подошедшие из глубины обороны резервы были встречены танками маршала Ротмистрова и генерала Бурдейного, а гитлеровская пехота попала под клинки казаков генерала Осликовского.

«Наступление русских оказалось настолько организованным и массированным, что мы не знали, как восстановить фронт обороны, — показывал на допросе один из пленных фашистских генералов. — Вначале была нарушена связь между батальонами и полками, а затем и между высшими инстанциями. Многие соединения не могли связаться со штабом армии и не получали приказаний. Не было возможности вызвать авиацию. Куда мы ни бежали, всюду были танки и казаки на быстрых конях».

В ночь на 28 июня Буш не мог заснуть: одни тревожные вести сменялись другими. Войска 3-го Белорусского фронта продолжали расширять прорыв и развивать наступление в направлении Минска. Положение войск группы армий «Центр» становилось катастрофическим.

28 июня Гитлер снял фельдмаршала фон Буша с поста командующего и отозвал в Берлин. Крах терпела не только немецкая группировка в Белоруссии, но и военная теория и военно-политическая доктрина фашистской Германии. Многие генералы из группы армий «Центр» сдавались в плен, некоторые покидали фронт под разными предлогами. Так, известный военный теоретик, генерал пехоты Курт фон Типпельскирх, командовавший 4-й армией, срочно отправился лечиться.

Войска группы армий «Центр» возглавил по совместительству командующий группой армий «Северная Украина» фельдмаршал Модель. Он развернул энергичную деятельность по восстановлению стратегического фронта обороны в Белоруссии. Начал с того, что перебросил сюда несколько танковых дивизий из своей группы, не предполагая, что командование Красной Армии одновременно с такой крупной операцией в Белоруссии готовит и другую — Львовско-Сандомирскую операцию.

Черняховский, выбрав момент, предложил представителям Ставки маршалу Василевскому и генерал-полковнику авиации Фалалееву принять участие в допросе пленных немецких генералов.

Василевский жестом указал генерал-полковнику Гольвитцеру, чтобы тот сел на скамейку с другой стороны стола.

— Вы лично верили в победу немецких войск в войне с Советским Союзом? — задал вопрос член Военного совета фронта Макаров.

— Верил.

— И в настоящее время продолжаете верить?

— Нет, Гитлер допустил крупные просчеты.

— Гитлер был прав или ошибался, когда приказывал вам оборонять Витебск до последнего солдата? — спросил Черняховский.

— Да, в данном случае он был прав. Состояние укреплений Витебска позволяло обеспечить неприступную оборону.

— Если оборона Витебска действительно была неприступной, как же случилось, что вы сдались в плен советским войскам?

— Дивизии вверенного мне корпуса удерживают Витебск, я же попал в плен случайно, в результате неосторожности при посещении пунктов управления подчиненных частей. — Гольвитцер обратил внимание на улыбки советских военачальников. — Впрочем, я прошу проинформировать меня об истинном положении дел в районе Витебска.

— Товарищ командующий, выходит, он не знает обстановки и со своими генералами в плену не встречался? — обратился Василевский к Черняховскому.

— Да, они содержатся изолированно.

— Прикажите привести подчиненных ему генералов, пусть у них узнает подробности.

Появление генерала Хиттера, командира 206-й пехотной дивизии, повергло Гольвитцера в уныние.

— Генерал Хиттер, подтвердите, что отныне 53-го пехотного корпуса немецкой армии не существует, что он разгромлен и пленен войсками 3-го Белорусского фронта, — потребовал Черняховский.

— О да, корпус разгромлен! Вместе со мной в плену начальник штаба корпуса, — с готовностью отвечал Хиттер. — Мы были изумлены силой, наличием боевой техники, а также военным искусством русских под Витебском.

От прежнего высокомерия Гольвитцера не осталось и следа. У

него стал вздрагивать подбородок.

— Генерал Гольвитцер, надеюсь, теперь вы согласитесь, что поражение немецких войск зависело не только от Гитлера? — спросил Василевский.

— Я над этим подумаю, — выдавил Гольвитцер.

— Молитесь богу, что остались живы. В плену вам больше и нечего делать, как только думать.

Да, гитлеровским генералам было о чем поразмышлять.

— Генерал Хиттер, скажите, как вы оцениваете события, происходящие на побережье Франции? — спросил Фалалеев.

— Англо-американский десант, высадившийся там, не беспокоит немецкий народ и его армию. Мы с большей тревогой наблюдаем за событиями на советско-германском фронте, в частности на Минском направлении.

Действительно, немецко-фашистское командование особенно было обеспокоено продвижением соединений 3-го Белорусского фронта на центральном направлении Минск — Варшава. На этот участок оно подбросило семь свежих дивизий, в том числе 253-ю пехотную и 5-ю танковую из района Ковеля, 391-ю и 286-ю охранные, 95-ю и 14-ю пехотные — из оперативного резерва группы армий «Центр», 260-ю пехотную — от соседа слева. Если учесть, что немецкие дивизии по своему составу были в два-три раза многочисленнее наших, то это была внушительная сила. Но и переброска войск, произведенная Моделем, не исправила положения. Армии Черняховского перемалывали по частям прибывающие подкрепления противника и продолжали успешно преследовать разгромленные соединения группы «Центр», Темп наступления нарастал.

Операция «Багратион» в целом развивалась успешно.

Маршал Василевский своевременно координировал действия не только войск 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов, но и согласовывал вопросы взаимодействия на флангах между 2-м и 3-м Белорусскими фронтами. В этих целях он по ВЧ попросил маршала Жукова обязать генерала Захарова надежно прикрыть левое крыло войск Черняховского, вырвавшихся далеко вперед на запад. Затем он выслушал доклад Баграмяна и обрадовался тому, что события на правом крыле развертывались благоприятно. Дела торопили маршала, стрелки его часов показывали двадцать три ноль-ноль, когда он позвонил в Ставку и подсказал Антонову, чтобы в Генштабе не медлили с директивой и нацелили штабы фронтов на новые задачи.

Главные силы войск 3-го Белорусского фронта вышли на

дальние подступы к Борисову, когда в три часа 29 июня офицер связи Генерального штаба доставил пакет. Комаров разбудил командующего. Через минуту тот уже был на ногах. Вскрыв пакет, достал плотный лист бумаги с новой директивой на дальнейшее развитие операции «Багратион».

«Лично. Командующему 3-м Белорусским фронтом тов. Черняховскому.

Члену Военного совета фронта тов. Макарову.

Товарищу Владимирову.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам 3-го Белорусского фронта с ходу форсировать р. Березину, обходя встречающиеся опорные пункты противника, и развивать стремительное наступление на Минск и правым крылом на Молодечно.

Не позже 7—8.7.44 овладеть во взаимодействии с войсками 2-го Белорусского фронта городом Минск и правым крылом занять Молодечно…

2. Ставка требует от 5-й гв. танковой армии стремительных и решительных действий, отвечающих сложившейся на фронте обстановке.

3. От пехоты потребовать необходимого напряжения сил с тем, чтобы она по возможности не отставала от действующих впереди танковых и кавалерийских соединений.

4. Об отданных распоряжениях донести.

Сталин,

Антонов».

Черняховский был в хорошем настроении: ранее отданные им распоряжения соответствовали полученной директиве. Проект решения у него созрел, когда еще танки Ротмистрова взяли Толочин. Но и тут он не изменил своему правилу: перед тем как окончательно принять важное решение, непременно выслушать мнение своих ближайших помощников. Не допив чая, попросил пригласить Макарова и Покровского.

Внимательно выслушав их, Черняховский объявил свое решение:

— Противник, используя вновь подошедшие оперативные резервы и остатки разгромленных соединений 3-й танковой армии, пытается задержать наступление частей Красной Армии на Березине. В то время как наша конно-механизированная группа форсировала Березину и успешно развивает наступление, 5-я гвардейская танковая армия и главные силы фронта ведут бои

на дальних подступах к Борисову…

Изложив обстановку, перешел к приказной части:

— Подвижным войскам и авиации фронта в оперативном взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом стремительно развивать наступление на Минск и отрезать пути отступления на запад крупной вражеской группировке. Конно-механизированной группе Осликовского наступать с задачей овладеть Молодечно. Танковой армии Ротмистрова, форсировав Березину, овладеть районом Борисова, в дальнейшем развивать наступление в полосе автострады и к исходу дня второго июля овладеть Минском…

— Иван Данилович, в директиве Ставки сказано, что мы взаимодействуем со 2-м Белорусским фронтом, и ни словом не упомянуто в отношении 1-го Белорусского, — заметил Макаров.

— Указывая на взаимодействие со 2-м Белорусским фронтом, Ставка имеет в виду, что генерал Захаров обеспечит наше левое крыло и тылы, поскольку мы вырвались далеко вперед. С 1-м Белорусским фронтом соприкосновения мы не имеем, взаимодействуем пока с ним оперативно.

— 2-й Белорусский фронт сильно отстал, — заметил Покровский. — Видимо, следует обратить внимание на опасность на нашем левом крыле.

— Совершенно правильно, Александр Петрович! В соответствии с принятым нами решением отдайте распоряжения войскам, укажите, какими силами обеспечить стык слева. Сосед справа тоже отстает. Крылова и Людникова обяжите прикрыть правое крыло фронта.

— Товарищ командующий, в своей директиве армиям мы намного опережаем сроки, указанные Ставкой.

— Если мы будем придерживаться сроков, то 4-я немецкая армия выскочит восточнее Минска из подготавливаемого нами окружения.

— Согласен. Но и штабу маловато времени, чтобы разработать план операции, довести его до войск.

— Александр Петрович, для составления подробных планов у нас просто нет времени. Поэтому разрешаю все расписать на топокарте с короткими распоряжениями. Пригласите к себе командующих родами войск и их начальников штабов, пусть ознакомятся с директивой и моим решением и работают параллельно с вами. Успех операции во многом зависит от того, как вы доведете решение до войск.

На улице запели петухи. Иван Данилович открыл окно.

На правом крыле фронта конно-механизированная группа,

форсировав Березину, продолжала наступать на Плещеницы. Главные силы фронта 30 июня вышли к Березине. Танки Ротмистрова и передовые отряды генералов Галицкого и Глаголева подошли к Борисову. Черняховский целый день находился в соединениях Галицкого и 5-й гвардейской танковой армии.

Войска фронта успешно форсировали Березину и, не ввязываясь в затяжные бои, обходя узлы сопротивления на промежуточных рубежах, продвигались вперед. Главные силы Рокоссовского продолжали развивать наступление в направлении на Барановичи.

В результате стремительно проведенной операции с глубоким обходным маневром с флангов соединения Черняховского в ночь на 3 июля сломили сопротивление противника на подступах к Минску. На рассвете первыми ворвались в столицу Белоруссии гвардейские танковые бригады — 4-я под командованием полковника О. А. Лосика и 18-я подполковника В.И. Есипенко.

Четырьмя часами позже в город вступили танковые соединения 1-го Белорусского фронта.

Наши войска в тот же день полностью очистили Минск от врага.

Праздничное настроение царило на командном пункте Черняховского. Вот в эфире послышались позывные Москвы, приказ войскам 3-го Белорусского фронта… Затем долго гремел салют. Когда смолкли звуки гимна, все стали поздравлять командующего фронтом.

В громе артиллерийских салютов в честь освобождения Витебска и Минска снова пронеслась боевая слава выдающегося полководца И.Д. Черняховского. Его имя звучало по радио в очередных сводках Совинформбюро. По эфиру как бы передавалось эхо победного шага ведомых им войск.

В ходе десятидневного наступления войск Баграмяна, Черняховского, Захарова и Рокоссовского в обороне противника образовалась огромная брешь шириной свыше четырехсот километров, прикрыть которую немецко-фашистское командование было не в силах. Обходными и фланговыми маневрами 1-го и 3-го Белорусских фронтов в сочетании с наступательными действиями 2-го Белорусского фронта советские войска окружили восточнее Минска 4-ю и часть 9-й армии противника общей численностью более ста тысяч человек. Окружение крупной группировки в результате параллельного преследования войсками двух фронтов на такой большой глубине (двести — двести пятьдесят километров) явилось важным вкладом в развитие советского военного искусства.

Решающее значение в этой операции имел высокий темп наступления войск 3-го Белорусского фронта, в результате которого соединения Черняховского вырвались к Минску с опережением на трое-четверо суток против запланированного Ставкой срока и этим способствовали окружению крупной группировки противника в лесах восточнее Минска.

Войска 3-го Белорусского фронта внесли огромный вклад в разгром группы армий «Центр», а их командующий по праву снискал славу одного из талантливейших советских полководцев. Сам Иван Данилович успех операции, в том числе и войск своего фронта, объяснял хорошо организованным взаимодействием четырех мощных фронтовых объединений, тем, что командиры всех степеней овладели искусством вождения войск, что политработники сумели вдохновить воинов на массовый героизм. Особенно Черняховский был доволен своими ближайшими соратниками — членом Военного совета, начальником штаба, командующими родами войск. Он хорошо понимал, что без их инициативы и помощи невозможно было бы добиться такого твердого и непрерывного управления войсками.

Во время торжеств по случаю освобождения столицы Белоруссии Черняховскому передали, что главная группировка 4-й армии гитлеровцев прорвала фронт окружения и устремилась вдоль магистрали к Минску. Основные силы 3-го Белорусского фронта к этому времени продвинулись далеко на запад и втянулись в тяжелые бои. Над освобожденным городом вновь нависла опасность.

В действие вступила авиация. Сотни бомб обрушились на врага. Начался окончательный разгром 4-й немецкой армии.

Летчикам генерала Хрюкина была поставлена задача задержать продвижение колонн противника, создавая на дороге пробки, а затем нанести массированные удары по его скоплениям. Деморализованную немецкую армию били с воздуха летчики, с фронта — стрелковые соединения, с флангов — бронетанковые войска, с тыла — белорусские партизаны. Противник потерял управление, его колонны разбегались.

В целях прикрытия левого крыла фронта и завершения разгрома окруженной группировки Ставка Верховного Главнокомандования переподчинила 3-му Белорусскому фронту 33-ю армию под командованием генерал-лейтенанта В.Д. Крюченкина. Со своей стороны, немецко-фашистское командование стало лихорадочно перебрасывать в Белоруссию крупные резервы с запада. Оно стремилось любой ценой остановить продвижение наших войск. К этому времени тылы 3-го Белорусского фронта отставали. Некоторые армии растянулись,

их следовало привести в порядок. Черняховский в этих условиях большие надежды возлагал на конников. И незамедлительно приказал Осликовскому, продолжая стремительно преследовать врага, перерезать железную дорогу Минск — Вильнюс и не допустить подхода резервов к окруженной группировке.

Обходя узлы сопротивления, конно-механизированная группа в последующие два дня продвинулась еще на сто километров. 2 июля овладела городом Вилейкой и перерезала железную дорогу. Немецко-фашистскому командованию удалось подбросить сюда из района Нарвы 170-ю пехотную дивизию. 3-й мехкорпус, израсходовав горючее, был вынужден спешиться и принять бой. Кавкорпус Осликовского сохранял свою подвижность. Учитывая это, командующий фронтом решил отдать приказ обоим соединениям действовать самостоятельно.

Осликовский вырвался вперед настолько, что его радиостанции не могли поддерживать связь с КП фронта. Не будучи уверен, что приказ будет принят, Черняховский решил отправить к Осликовскому офицера связи.

— Пошлите меня, Иван Данилович! — вызвался Комаров.

Через несколько минут он был уже на полевом аэродроме, где его ожидал самолет командующего.

Долетели удачно. Выйдя из самолета, Комаров услышал частую ружейно-пулеметную перестрелку, потом мощное «ура!». Конники атакуют!

Генерал Осликовский, как всегда бодрый, подтянутый, несмотря на жару, в своей неизменной черной бурке, встретил его на КП.

— Рассказывайте, товарищ подполковник, чем командующий недоволен?

— Напротив, очень доволен! — успокоил его Комаров. — Но приказал: конно-механизированную группу упразднить, корпусам действовать самостоятельно. Рубеж Вилейки (Вильна) передать мехкорпусу, а вам наступать на Лиду.

— Так. Что еще?

— Отличившихся в последней операции представить к правительственным наградам. А вас, товарищ генерал… — Комаров сделал вид, что выдает секрет, — Военный совет фронта представляет на присвоение Героя Советского Союза, вашего же начальника штаба — на звание генерал-майора…

Во второй половине того же дня бои на участке Осликовского приняли ожесточенный характер. Враг подтягивал все новые и новые части. Спешенные кавалеристы, взаимодействуя с танкистами, в упорных боях удерживали рубеж по реке Вилейке в течение трех дней, пока не подошли передовые соединения

общевойсковых армий.

Ставка Верховного Главнокомандования 4 июля передала фронту новую директиву:

> «Лично. Командующему 3-м Белорусским фронтом тов. Черняховскому.
>
> Тов. Владимирову.
>
> Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:
>
> 1. 3-му Белорусскому фронту развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Молодечно, Вильнюс.
>
> 2. Не позже 10—12 июля овладеть Вильнюсом и Лидой. В дальнейшем выйти на р. Неман и захватить плацдарм на западном его берегу.
>
> 3. Об отданных распоряжениях донести.
>
> Сталин,
>
> Антонов».

Аналогичными директивами были поставлены задачи другим фронтам: 1-му Прибалтийскому — развивать наступление, нанося главный удар на Свенцяны, Каунас и частью сил — на Шяуляй; 2-му Белорусскому фронту — не позднее 12—15 июля овладеть районом Новогрудок, выйти на реки Неман и Молчадь.

На этот раз штаб фронта план операции разработал на топокарте.

Василевский, опершись о стол левой рукой, внимательно рассматривал оперативное построение фронта и задачи армиям. Правой рукой он приглаживал черные, чуть тронутые сединой волосы. Взгляд его приковали мощные красные стрелы, тянувшиеся к Вильнюсу: армия Крылова наступала с востока, мехкорпус Обухова и танковая армия Ротмистрова — с юго-востока.

— Иван Данилович, не маловато ли оставили сил в резерве? В окружении, в тылу наших войск, более двадцати соединений противника. Окружить — это не значить победить. Надо ожидать яростного сопротивления и попыток вырваться из окружения, смотрите, чтобы не обрубили тылы.

— Товарищ маршал, используем воздушную армию.

— Когда гитлеровцы поймут, что им не вырваться, то начнут просачиваться небольшими группами. Вот и будем за ними гоняться на бомбардировщиках и штурмовиках.

— Главное — взять Вильнюс и успеть совершить прыжок через Неман до подхода оперативных резервов противника.

— Ради прыжка через Неман можно и рискнуть. Но следует

иметь в виду, что такую значительную водную преграду противник заставит нас форсировать по всем правилам…

3-му Белорусскому фронту в середине июля предстояло очистить от врага не только западную часть Белоруссии, но и значительную часть территории Литвы. Войска не прекращали наступления ни днем, ни ночью. Дивизия генерала Щербины совместно с конниками Осликовского и танкистами Ротмистрова 5 июля освободила крупный железнодорожный узел и важный опорный пункт обороны противника на Вильнюсском направлении — город Молодечно. Механизированный корпус генерала Обухова в тот же день, сломив сопротивление авиаполевой и пехотной дивизии противника, освободил железнодорожную станцию Сморгонь. К семи часам вечера 9 июля кавалеристы Осликовского атакой с флангов и тыла взяли город Лиду.

Стремительное преследование разгромленных соединений группы армий «Центр» продолжалось на всех направлениях. Исполняющий обязанности командующего 4-й армией, окруженной под Минском, генерал-лейтенант Мюллер признал дальнейшее сопротивление бесполезным и сдался в плен.

17 июля все 57 600 пленных, захваченных нашими войсками в операции «Багратион», под конвоем советских солдат шли по улицам Москвы. Во главе колонны шествовали 19 гитлеровских генералов, мечтавших пройти по Москве победным маршем, но вынужденных теперь идти по ней с поникшими головами побежденных.

В те памятные дни, когда немецко-фашистские войска откатывались к границам Германии, Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии и правительство Белорусской ССР пригласили командующего и члена Военного совета 3-го Белорусского фронта на парад партизан в Минске. Столица Белоруссии ликовала.

3

Машина Черняховского мчалась по шоссе Минск — Вильнюс. С каждой минутой все явственнее слышался гул отдаленного сражения. Между тем передовые соединения Крылова должны были сейчас вести бои километрах в семидесяти отсюда, на восточной окраине Вильнюса. Близость артиллерийской канонады насторожила командующего, он приказал Комарову связаться со штабом.

— Немцы напали на командный пункт фронта, стремятся прорваться на шоссе Минск — Вильнюс… — доложил Комаров.

— Установить связь с частями, прикрывающими Минское шоссе!

— «Самара», Гаврилов у аппарата! — доложил заместитель командира мотоциклетного полка.

Радист передал переговорную трубку командующему.

— Где командир?

— Тяжело ранен.

— Товарищ капитан Гаврилов, назначаю вас командиром полка с присвоением звания майора.

— Служу Советскому Союзу! — послышался взволнованный голос офицера.

— Приказываю: прочно удерживать КП фронта и не допустить прорыва гитлеровцев на шоссе Минск — Вильнюс. Подчиняю вам все имеющиеся в этом районе силы и средства…

Немецко-фашистское командование, пытаясь спасти остатки окруженной группировки, отдало приказ частями выходить из окружения самостоятельно. Кое-где из окружения прорвались группы до пяти тысяч человек. Одна из таких групп и вышла к командному пункту фронта.

Мотоциклетный полк выполнил приказ. Командующий с членом Военного совета фронта благополучно добрались до штаба.

Войска 3-го Белорусского фронта после освобождения Минска и Молодечно, выполняя директиву Ставки от 4 июля, свои основные усилия сосредоточили на Вильнюсском направлении. Задача по освобождению столицы Литвы была почетная, но нелегкая.

Немецко-фашистское командование придавало особое значение обороне Вильнюса, как важного узла коммуникаций, прикрывающего подступы к Восточной Пруссии. С осени 1943 года гитлеровцы строили здесь оборонительную линию, называемую «Остваль». В этих целях они использовали бетонные

сооружения укрепленных районов, созданных еще во времена панской Польши.

Обстановка складывалась такая, что Вильнюс нельзя было брать фронтальным ударом, и не только в целях сохранения от разрушений столицы Литовской республики, но и потому, что войска могли понести большие потери. Им предстояло совместно с партизанскими отрядами Литвы совершать сложные маневры по окружению и в последующем взламыванию вражеской обороны.

Войска 3-го Белорусского сражались за Вильнюс, а штаб уже готовился к форсированию Немана. Начальник инженерных войск генерал Баранов представил Военному совету план инженерного обеспечения этой операции. Река шириной до двухсот и глубиной до четырех метров, с быстрым течением была серьезной преградой на пути наступающих войск. В целом план был одобрен.

В разгар сражения за Вильнюс на КП фронта приехал начальник Главного разведывательного управления Красной Армии генерал-полковник Ф.Ф. Кузнецов. Черняховский тепло встретил своего сослуживца.

— Федор Федотович, чем могу быть полезен? Рассказывайте, если не секрет.

— Секрета особого нет. Два часа назад к вам прибыл глава военной миссии США генерал Дин. Мы с ним по поручению наших правительств должны разработать мероприятия большой важности.

— В чем будет заключаться моя обязанность как командующего фронтом?

— Во-первых, не снижать темпа наступления, чтобы союзники воочию убедились в могуществе советских войск. Во-вторых, принять представителя союзных войск по русскому обычаю, чтобы он чувствовал себя как дома.

— Не беспокойтесь, все будет хорошо! А если он начнет интересоваться нашими планами, укомплектованностью войск?

— Союзники есть союзники. Надо продемонстрировать нашу боевую технику и технику США, получаемую по ленд-лизу. Ничего, если он поймет, что наше оружие превосходит американское…

Друзья вспомнили совместную службу в 60-й армии, боевых товарищей, отдавших жизнь за победу. Иван Данилович от души посмеялся, вспомнив о медведе при штабе сибирской дивизии.

— Где-то теперь наш мохнатый друг?

— Последний раз видел его, когда 303-ю забрали от нас и бросили на Харьков. Косолапый замыкал обоз штабной колонны. Вперевалку трусил за повозкой. Спустя месяц, может быть, два я

получил письмо от замполита этой дивизии. Сибиряки храбро сражались под Харьковом. Ваш любимец медведь отличился в этих боях: отвлек внимание гитлеровцев и помог группе офицеров штаба выйти из окружения.

— Каких только чудес не бывает на войне! — улыбнулся Черняховский. — В составе 3-го Белорусского много сибирских дивизий. Хорошие бойцы! Когда встречаюсь с ними, всегда вспоминаю бойцов 303-й дивизии и их косолапого друга…

Подошло время приема американских гостей. Начальник штаба организовал церемониал по всем правилам: почетный караул, оркестр, государственные гимны… На обеде присутствовали маршал Василевский, генерал-полковник Кузнецов, генералы и офицеры штаба.

Завязалась непринужденная беседа. Дин заговорил о значении Белорусской операции, осведомился, какую роль сыграла помощь США по ленд-лизу. Генерал Иголкин привел данные о количестве американских танков и самолетов, принимавших участие в операции. Цифра оказалась довольно скромной.

Дин сочувственно заговорил о потерях Красной Армии за три года войны. Его заверили, что на рубеж Эльбы советские войска выйдут отнюдь не ослабленными…

Наедине Дин обратился к маршалу Василевскому от имени начальника штаба армии США с той же просьбой, с которой он уже обращался неоднократно.

— Господин Василевский, генерал Маршалл поручил мне просить вас ускорить сроки вступления СССР в войну против Японии.

— Господин генерал, мы ценим вас как крупного военного деятеля, как специалиста, глубоко понимающего закономерности современной войны, сознающего важность сосредоточения сил на решающем направлении… — начал Василевский.

— Разумеется, мы не собираемся отвергать законы войны, — вежливо подтвердил Дин.

— И вы не можете не согласиться, — продолжал Александр Михайлович, — что преждевременное вступление СССР в войну на Дальнем Востоке приведет к нежелательному распылению наших усилий, отвлечет советские войска с главного, решающего фронта второй мировой войны. Любая затяжка в борьбе против фашистской Германии отодвинет сроки окончания войны, усугубит ее тяготы для человечества…

Дин проснулся поздно. Позавтракав, нанес визит

командующему фронтом. Получил разрешение посетить пленных немецких генералов и побывать в армии, наступающей на направлении главного удара.

Сопровождал генерала Дина заместитель начальника оперативного управления фронта полковник Б.А. Соколов.

Первым желанием Дина было узнать, как действует техника, поставляемая по ленд-лизу. Полковник Соколов пообещал генералу на пути к Вильнюсу показать место боя, в котором участвовали американские танки М—3.

Ехать пришлось недолго. Вскоре открылась панорама недавнего танкового сражения. Повсюду виднелись подбитые, сожженные машины. Соколов обратил внимание Дина на три подбитые тридцатьчетверки, перед которыми чернели одиннадцать сожженных немецких танков. Проехали еще немного, снова увидели обгоревшие остовы однотипных танков. Автомобиль приблизился к одному из них — танк был пробит в нескольких местах. Лицо Дина вытянулось: он узнал свою отечественную машину.

— Американские рабочие построили танк, а русские погибли, сражаясь на нем за свободу народов СССР и США, — нарушил паузу Соколов.

— Войны не бывает без потерь…

— Да, да, к сожалению, они распределяются не поровну…

Дин промолчал и больше не напоминал об американской технической помощи.

Вечер провели в штабе 5-й армии. Генерал Крылов дал ужин в честь американского гостя.

В системе обороны противника Вильнюс был важным укрепленным узлом на подступах к Восточной Пруссии: он обеспечивал правый фланг группировки немецко-фашистских войск в Прибалтике. За последние недели гарнизон города значительно увеличился. Сюда срочно перебрасывались из Германии части 2-й авиадесантной и 6-й танковой дивизий. У города Лиды выгружалась прибывшая из Станислава 7-я танковая дивизия. В районе Ошмяны — Гольшаны выходили из боя остатки 707-й охранной и 5-й танковой дивизий. 7 июля в Вильнюс прилетел генерал-лейтенант Штаэль, которому было приказано во что бы то ни стало удержать город.

Войска Черняховского должны были окружить и разгромить вражескую группировку в Вильнюсе ударами в обход города с юга и северо-востока. Армия Крылова совместно с механизированным корпусом Обухова обошла Вильнюс с севера и перерезала

железную дорогу на Каунас у населенного пункта Вевис. Танковая армия Ротмистрова на восточной окраине города сковала группировку противника с фронта. Армия Галицкого обошла Вильнюс с юга и, захватив Тракай, установила локтевую связь с частями армии Крылова. Войска Глаголева освободили Вороново.

Таким образом, пятнадцатитысячная группировка противника оказалась окруженной в Вильнюсе. Черняховский решил, оставив часть сил для уничтожения окруженной группировки, продолжать наступление: главными силами армии Крылова — на Каунас, соединениями Галицкого и Глаголева — на Сувалки, к исходу 13 июля форсировать Неман на участке Алитус — Друскининкай и южнее.

9 июля войска 3-го Белорусского фронта ворвались на окраину Вильнюса и вели ожесточенные бои с окруженным противником. Советские воины дрались плечом к плечу с партизанами отряда «Вильнюс». Черняховский был уверен, что дни вражеского гарнизона сочтены. Его больше беспокоил прыжок через Неман.

10 июля на командном пункте 11-й гвардейской армии он заслушал решение генерала Галицкого по захвату плацдарма на левом берегу Немана. Армия нуждалась в усилении. Черняховский подчинил Галицкому артиллерийскую бригаду и понтонный батальон из резерва фронта и потребовал форсировать Неман с ходу на широком участке. Для оказания помощи штабу армии по организации управления войсками оставил здесь генерала Покровского, а сам отбыл на КП танковой армии Ротмистрова.

Важные события развернулись 13 июля. Главные силы 11-й гвардейской армии вышли к Неману. Командир 16-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор С.С. Гурьев докладывал командарму Галицкому: «Противник мощным огнем препятствует правофланговой дивизии форсировать Неман. Разбивает плоты еще до посадки на них войск… Прошу разрешения приостановить форсирование».

Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Модель, получив приказ Гитлера любой ценой удержать рубеж реки Немана, стал усиливать своими резервами алитусско-каунасскую группировку. Фронтовая разведка установила эту переброску. Черняховский отложил срок захвата плацдарма до наступления темноты. Одновременно распорядился усилить корпус Гурьева бригадой противотанковой артиллерии.

Сложная обстановка складывалась и на правом крыле фронта.

Генерал Крылов доложил:

— Противник силами до пехотной дивизии и до ста танков

контратаковал нас во фланг в направлении Май-шегала — Вильнюс. Главные силы армии наступают на Каунас. Прошу помощи.

— Откуда взялись вражеские танки в тылу нашей армии? — спросил Черняховский. — Людников давно взял Укмерге.

— Противник воспользовался тем, что главные силы 5-й армии далеко вырвались вперед.

— Развивайте наступление на Каунас, тылы ваши прикроем!

Стремясь помочь осажденному гарнизону, немцы действительно создали сильную группировку из мотопехоты и танков и нанесли контрудар по войскам Крылова. Черняховский сумел опередить врага, своевременно выдвинув па этот участок фронтовые резервы и нацелив штурмовую авиацию на удар по вражеской группировке, занявшей исходное положение. Для гитлеровцев создалась угроза нового окружения — в районе Майшагалы, и они были вынуждены перейти к обороне. Попытки вильнюсской группировки вырваться из окружения оказались безуспешными. 13 июля соединения 5-й армии освободили столицу Советской Литвы. Тысячи немецких солдат и офицеров сдались в плен, а командующий группировкой генерал-лейтенант Штаэль, убегая из города, во время переправы утонул в реке Вилии (Нярис).

В ночь на 14 июля гвардейцы Гурьева на левом берегу Немана захватили плацдарм до двадцати пяти километров по фронту и до четырех в глубину. Появление нашей крупной группировки под Алитусом было неожиданностью для командующего группой армий «Центр».

На следующий день противник контратаковал корпус Гурьева. На плацдарме развернулись тяжелые бои. Дивизия полковника Толстикова отбила восемнадцать контратак.

Рубеж на реке Немане немецко-фашистское командование назвало «линией катастрофы». И действительно, за Неманом открывался путь к логову фашистского зверя. Ставка Гитлера, находившаяся в Восточной Пруссии, в Растенбурге, начала подготовку к эвакуации в глубь Германии. Фельдмаршал Модель по приказу Гитлера на рубеж по реке Неману стягивал более десяти новых пехотных и танковых дивизий и несколько отдельных бригад: танковую дивизию СС «Мертвая голова» — из района Яссы, 19-ю танковую из Голландии, 260, 57 и 299-ю пехотные дивизии — из тыла после пополнения…

Враг предпринимал отчаянную попытку удержаться на этом последнем перед Восточной Пруссией водном рубеже. А соотношение сил начинало складываться не в пользу войск 3-го Белорусского фронта. Это объяснялось тем, что в ходе сражений

менялись роли и задачи фронтов.

В ночь еще на 12 июля Василевский предложил Сталину нанести удар войсками Баграмяна в направлении Шяуляй — Рига, прорваться к Рижскому заливу и тем самым разрезать оперативное построение войск противника и изолировать группу армий «Север» от группы «Центр». С этой целью он попросил переподчинить 1-му Прибалтийскому фронту из состава 3-го Белорусского 5-ю гвардейскую танковую армию и 3-й гвардейский механизированный корпус, а 3-й гвардейский кавалерийский корпус передать 2-му Белорусскому фронту для развития наступления на Гродно.

Верховный Главнокомандующий рассудил, что ослабление войск Черняховского может привести к пассивности на Кенигсбергском направлении, в результате чего немецко-фашистское командование получит возможность маневрировать дивизиям группы армий «Центр» и локализировать наступление войск Баграмяна. Поэтому танковую армию Ротмистрова он решил пока оставить в распоряжении Черняховского и предписать ему наступать к границам Восточной Пруссии, прикрывая левое крыло 1-го Прибалтийского фронта.

Обстановка на неманском плацдарме с каждым часом все более и более накалялась и требовала усиления группировки наших войск для нанесения ударов по наиболее уязвимым участкам обороны противника. В этих целях Черняховский приказал Крылову в ночь на 18 июля форсировать реку в районе Дорсунишкиса дивизиями генералов Городовикова и Калинина. Вскоре обстановка на алитусском плацдарме настолько осложнилась, что Черняховский попросил командарма-5 ускорить форсирование.

Крылов вызвал к телефону Городовикова:

— Басан Бадьминович, командующий фронтом просит ускорить переправу войск на левый берег Немана. — Он так и сказал — просит. И почувствовал, что на Городовикова это слово подействовало сильнее, чем самый строжайший приказ. — К утру необходимо овладеть плацдармом для наступления на Каунас и быть готовым к отражению контратак крупной танковой группировки противника.

— Немедленно сворачиваю КП и вместе со штабом выдвигаюсь в Дорсунишкис!

Переправочная техника отстала, и полки Городовикова вынуждены были форсировать Неман с ходу на подручных средствах.

К четырем часам утра ветер успел разогнать туман. По реке плыли пушки на плотах, стрелковые подразделения на рыбачьих

лодках. Вдруг налетели немецкие самолеты. Их было так много, что от взрывов сброшенных ими бомб река на большом протяжении покрылась фонтанами воды, рассыпавшимися тысячами брызг и осколков. Благо не было понтонных мостов, крупных паромов. «Юнкерсам» приходилось гоняться за каждой рыбачьей лодкой, за каждым плотиком. Вражеские стервятники свирепствовали. Вместе с брызгами воды в воздух поднимались щепки от разбитых плотиков, но люди продолжали плыть, цепляясь за бревна, а за ними охотились «мессершмитты», бросая на их головы мелкие бомбы.

Все новые вражеские самолеты с воем падали в пике. Неман на большом протяжении пылал в огне. Наша последняя зенитка заглохла. На переправе складывалась критическая ситуация, форсирование должно было вот-вот захлебнуться. Начали поступать тревожные звонки по телефону. Некоторые командиры рот запрашивали разрешения вернуться на свой берег.

Комдив Городовиков докладывал командарму Крылову о том, что форсирование может сорваться, нет прикрытия с воздуха, спрашивал: где же наши истребители? То же самое доложил Крылову командир соседней дивизии Калинин. Крылов по ВЧ попросил к телефону генерала армии Черняховского.

— Товарищ командующий, обещанных истребителей прикрытия нет, форсирование под угрозой срыва!

Выяснилось, что истребители, предназначенные для прикрытия частей Городовикова, уже в воздухе были перенацелены на алитусский плацдарм, где наши войска отражали контрудары крупных танковых сил противника.

Черняховский, выслушав Крылова, приказал командующему 1-й воздушной армией генерал-полковнику авиации Хрюкину:

— На прикрытие частей Городовикова в район Дорсунишкиса бросить мой резерв — 1-й истребительный авиационный полк «Нормандия»!

Не часто командующий фронтом отдавал такие приказы, судьба «Нормандии» беспокоила Черняховского. Поэтому французских летчиков он старался держать в своем резерве и посылал в бой в исключительных случаях. Полк «Нормандия» нес потери не потому, что ему недоставало опыта. Французские летчики имели необходимую практику и самолеты, превосходящие машины врага, но такого накала боев, как на советско-германском фронте, не было на других театрах второй мировой войны.

Черняховский вынужден был поднять полк «Нормандия» на выручку дивизий Городовикова и Калинина. Приказ командующего фронтом тут же был передан командиру 303-й

истребительной авиационной дивизии генерал-майору Захарову. А он соответственно приказал командиру первого истребительного полка «Нормандия» Луи Дельфино поднять в воздух три эскадрильи Яков.

Французские летчики, заждавшиеся боевых вылетов, атаковали врага. Оставляя шлейфы черного дыма, подбитые гитлеровские бомбардировщики падали на землю. Солдаты и офицеры дивизии генерала Городовикова, не подозревая, что в воздухе над ними французские летчики, после каждого сбитого фашистского стервятника кричали: «Советским соколам слава!»

Городовиков докладывал Крылову: «Передайте солдатское спасибо летчикам, прикрывшим переправу на Немане!»

Вскоре Городовикову вручили шифровку, что его благодарность передана летчикам полка «Нормандия». Тотчас же вся дивизия узнала о подвигах французских летчиков, сражающихся вместе с советскими воинами за мир на земле!

На второй день части Городовикова и Калинина враг контратаковал танковой дивизией, усиленной батальоном «тигров» и сопровождаемой «юнкерсами». Редко стучали наши зенитки. Немецкие истребители не обращали на них внимания, им опять удалось на этом участке захватить господство в воздухе.

Солдаты говорили друг другу: не похоже, что война идет к концу, какая силища у фашистов, наши опять не могут прикрыть с воздуха свою матушку-пехоту. Они не знали о том, что обстановка изменилась и их части оказались на второстепенном направлении, а танки и вся авиация были переброшены в район Потомульше, где обозначился успех.

Войска генерала Крылова нацеливали свой главный удар на Каунас. А дивизии Городовикова и Калинина, отвлекая на себя крупные силы противника, все еще вели тяжелые оборонительные бои. И к этому времени был получен приказ: оставить плацдарм.

— Как оставить? — переспросил Городовиков.

— Приказываю оставить! Вы отвлекли на себя глазные силы врага, тем самым выполнили свою задачу с честью, дали возможность захватить плацдарм на другом участке.

Оставить плацдарм было не так-то просто. Противник наседал на «хвост» отступающих и мог потопить полки в Немане.

Оставляли плацдарм под прикрытием штурмовой и истребительной авиации. Чуть ли не за каждым танком противника гонялся наш штурмовик. «Юнкерсов» снова погнали Яки полка «Нормандия».

При форсировании Немана отличились не только соединения генералов Галицкого, Крылова, но и летчики французского авиационного полка «Нормандия». Черняховский писал

командиру полка майору Дельфино: «Военный совет от всей души поздравляет вас и весь личный состав вверенной вам части с присвоением вашему полку наименования „Неманский“.

Вместе с вами и со всем личным составом гордимся, что в вашем полку в героических боях с врагом выросли такие офицеры, как Альберт Марсель и де ля Пуап Рол-лан, удостоенные высшей награды Страны Советов — звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Советский народ никогда не забудет героических подвигов их и всей вашей части в общей борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Мы приветствуем в лице вашей части и всего личного состава великий свободный французский народ и его армию, героически борющуюся за окончательный разгром гитлеровской Германии. Желаю вам новых боевых успехов в великом, благородном деле — освобождении человечества от фашистской тирании».

Войска Черняховского «перепрыгнули» Неман. Последний крупный водный рубеж на подступах к Восточной Пруссии был преодолен. До границы с фашистской Германией оставалось всего около восьмидесяти километров. Но какие это были километры! Тяжелые бои развернулись за город Алитус. Начальник разведки генерал Алешин доложил командующему о том, что фашисты не успели эвакуировать советских граждан из алитусского лагеря заключенных. Черняховский приказал не открывать огня по району лагеря, город взять фланговыми ударами.

В фашистском застенке томились более тысячи советских людей. Каждый из них с замиранием сердца прислушивался к приближавшейся артиллерийской канонаде. Охрана, заперев ворота, заняла позиции в траншеях, направив пулеметы на окна бараков. Узники уже видели облака разрывов, приближающиеся к лагерю. Этот огонь угрожал их жизни, но был и единственной надеждой на освобождение.

Стена разрывов остановилась, не дойдя до лагеря. Снаряды стали рваться левее и правее.

— Фашисты удирают! — пронеслось по баракам.

— Только бы вырваться! Только бы оружие в руки!

Но неожиданно на плацу появились грузовики. Охранники стали выталкивать узников из бараков, загонять в машины. Тех, кто сопротивлялся, расстреливали на месте. На пяти битком набитых грузовиках гитлеровцы успели вывезти часть заключенных. Более ста человек расстреляли, оставшихся в живых наши воины успели спасти.

Войска 3-го Белорусского фронта освобождали все новые и новые города и села Литвы. В разгар сражения на неманском

плацдарме офицер связи Генерального штаба доставил новую директиву следующего содержания:

«Лично. Командующему 3-м Белорусским фронтом тов. Черняховскому.

Тов. Владимирову.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Ударом 39-й и 5-й армий с севера и юга овладеть Каунасом не позже 1—2 августа 1944 г.

2. Не позднее 10 августа овладеть рубежом Россиены, Юрбург, Эйдкуннен, Сувалки, где прочно закрепиться для подготовки к вторжению в Восточную Пруссию: в общем направлении Гумбиннен, Инстербург, Прейсиш-Эйлау.

3. Об отданных распоряжениях донести.

Сталин,

Антонов».

Задача, поставленная в директиве Ставки, была не из легких. Каунас, опоясанный мощными фортами, прикрывал кратчайшие пути к Восточной Пруссии. Немецко-фашистское командование, потеряв Вильнюс, все свои резервы бросило на усиление обороны города и крепости Каунас, надеясь предотвратить угрозу перенесения военных действий на территорию Германии.

Соединения 3-го Белорусского фронта устали от непрерывных и длительных наступательных боев и нуждались в пополнении людьми и вооружением. Однако во исполнение директивы Ставки Черняховский в тот же день принял решение и поставил задачи командармам. Чтобы ускорить подготовку операции (до ее начала оставалось менее суток), выехал на КП 5-й армии, которой предстояло сыграть главную роль в окружении и разгроме каунасской группировки противника. Вечером, обсудив с Крыловым план, вызвал по ВЧ Людникова, обратил его внимание на то, насколько важно 28 июля взять местечко Ионава и надежно обеспечить правый фланг соединений Крылова.

Штурму Каунаса предшествовала мощная сорокаминутная артиллерийская и авиационная подготовка. При этим командующий строго указал на необходимость сохранения городских построек и сооружений. Дивизии Ласкина и Казаряна, наступающие с северо-востока. встретили упорное сопротивление противника в междуречье Немана и Вилии. Дивизия Донца, наступающая с юга, завязала бои на окраине города. Дивизии Городовикова и Калинина, успешно опрокинув заслоны противника, вели боевые действия юго-западнее города, на

подступах к населенному пункту Гарлява.

Обстановка на фронте менялась с чрезвычайной быстротой. Командующий своевременно улавливал ее изменения, принимал наиболее целесообразные решения, используя каждую оплошность противника. Если необходимость требовала, приказывал переходить к обороне и на выгодных позициях изматывать врага. А затем искал слабое место в его боевых порядках и, подтянув резервы, возобновлял наступление.

В ночь на 30 июля Черняховский перебросил танковый корпус генерала Бурдейного из 11-й гвардейской армии, наступавшей на главном направлении, в полосу 33-й армии, которой с 9 июля стал командовать генерал-лейтенант С.И. Морозов. Второстепенное направление неожиданно для врага стало главным. Общевойсковые соединения Морозова и танкисты Бурдейного за день прорвали оборону противника на глубину до сорока километров. 2-й гвардейский танковый корпус, выйдя в район Казлу — Руда — Пильвишкис, отрезал пути отхода каунасской группировке.

3-му Белорусскому фронту Ставка уделяла особое внимание в связи с возможностью скорейшего переноса боевых действий на территорию Германии.

Однажды вечером Черняховского предупредили из Москвы о том, что по ВЧ с ним будет разговаривать Верховный Главнокомандующий. Ровно в полночь раздался долгожданный звонок.

— Здравствуйте! — услышал Черняховский голос Сталина. — Советское правительство наградило вас второй медалью «Золотая Звезда». Поздравляю и желаю дальнейших успехов.

— Служу Советскому Союзу!

— Что надумали в отношении Каунаса?

— С утра первого августа готовим штурм, к концу дня надеемся доложить вам о взятии крепости Каунас.

Маневр танкового корпуса генерала Бурдейного создал перелом в ходе операции. 31 июля армия генерала Морозова, используя успех танкистов, освободила Мариамполь, армия Крылова завязала уличные бои в Каунасе. А 1 августа Москва передавала приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Черняховскому и в столице гремел салют в честь взятия войсками 3-го Белорусского фронта крепости Каунас — важного узла коммуникаций и мощного опорного пункта обороны противника, прикрывавшего подступы к Восточной Пруссии.

Наиболее отличившимся соединениям и частям фронта было

присвоено наименование Ковенских.

Войска 3-го Белорусского заканчивали освобождение Литовской республики. Командование всеми мерами стремилось оказать посильную помощь в восстановлении разрушенного захватчиками народного хозяйства Белоруссии и Литвы. По инициативе Черняховского Военный совет принял решение: из захваченных войсками трофеев все, что не может быть использовано в военных целях, передать Белорусской и Литовской республикам.

На имя командующего поступило большое количество писем. Однажды Комаров передал Ивану Даниловичу письмо из детского дома под Минском: «Гитлеровцы убили наших родителей и сожгли дома. Живем мы в холодном помещении, одно одеяло на троих. Воду издалека возим на себе, лошадей нет…»

Эти строки напомнили Ивану Даниловичу его собственное нелегкое детство и тех добрых людей, которые помогли ему утвердиться в жизни.

— Скорее бы разгромить фашистов, — словно издалека донесся до него голос Комарова. — Вернем всем ребятам детство!

— А кто вернет им отцов? Люди гибнут, как ни стараемся мы воевать с наименьшими потерями…

Комаров ждал, что решит генерал.

— Передай начальнику тыла: выделить две автомашины. На одну погрузить пару лошадей, на другую — ящик стекла, одежду, одеяла, ящиков десять лучших продуктов.

Войска Черняховского готовились перенести военные действия в логово врага — Восточную Пруссию. Соединениям Крылова оставалось пройти до нее каких-нибудь пятьдесят километров. А дивизии генерала Морозова вырвались намного вперед.

Черняховский потребовал от Морозова доложить обстановку.

— Товарищ командующий, отражая вражеские контратаки, веду тяжелые бои за город Вилкавишкис.

— Сколько километров от вашего переднего края до государственной границы Советского Союза?

— Передовые части в восемнадцати километрах от границы с фашистской Германией.

— Вам, конечно, известно, что союзники взяли Авранш, и, чтобы подойти к границам «третьего рейха», им осталось всего лишь пересечь Францию. А на советско-германском фронте ближе всех к границам фашистской Германии находятся ваши соединения. Вы представляете себе ту ответственность, которая

возлагается на нас?

На фронте генерал Морозов привык ко многому, мало чему удивлялся, но подобного вопроса командующего не ожидал. Мысленно он представлял, где наступают союзники, на каком рубеже проходит линия советско-германского фронта от Балтийского до Черного моря, но полностью еще не осознал, что его войска ближе всех подошли к фашистской Германии.

— Товарищ командующий, — предположил Морозов, — может быть, именно поэтому враг оказывает ожесточенное сопротивление.

— Этого следовало ожидать, доложите мне фамилию командира соединения, орудие которого откроет огонь по крепости фашистской Германии на окраине пограничного города Ширвиндта.

— До Ширвиндта километров восемнадцать. Дальность стрельбы самой дальнобойной пушки, имеющейся в моем распоряжении, семнадцать километров, пока не достать!

— Непременно отбросьте противника на два километра и перенесите огонь на землю врага, откуда пришла к нам война. Этим самым возвестите всему миру, что час справедливого возмездия настал. Вверенным вам войскам доверяют произвести выстрел века.

— Товарищ командующий, разрешите столь ответственную задачу возложить на командира 142-й армейской пушечной Краснознаменной, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого бригады полковника Ершова.

— Решение ваше утверждаю. Обяжите полковника Ершова о первом выстреле по логову врага доложить мне лично.

Утром 2 августа 1944 года на переднем крае комбриг Ершов приказал командиру 1-го дивизиона капитану Пелипасу выбрать временную огневую позицию и с наступлением темноты выставить туда одно орудие, второе — иметь готовым в качестве дублера.

Каждый солдат, офицер бригады мечтал участвовать в выполнении этой исторической задачи. Надо было из 36 орудийных расчетов выбрать самый достойный. Выбор пал на расчет коммуниста сержанта Якова Ивановича Никифорова.

Предстоящая задача была рискованная. Под носом у противника требовалось подвезти и установить восьмитонное орудие. К тому же фронт еще не стабилизировался, полоса переднего края переходила из рук в руки.

Командир 1-го артиллерийского дивизиона капитан Петр

Петрович Пелипас в девятнадцать часов отдал распоряжение о выдвижении орудия сержанта Никифорова на новую огневую позицию.

Когда подвезли орудие к фольварку, еще шел бой, строчили вражеские автоматы. Наша пехота отбила контратаку противника и отбросила гитлеровцев на два километра. Занятие временной огневой позиции артиллеристами велось под пулеметным огнем противника. Предстояло произвести выстрел на расстоянии семнадцати километров, а это означало, что стрельбу надо было вести на полном пределе и полном заряде. Правило же стрельбы разрешало производить это только в исключительных случаях.

На землю легла ночь. Командир дивизиона Пелипас в который раз уже проверяет подготовленные данные к стрельбе, всматривается в топокарту и, обращаясь к командиру огневого взвода, говорит:

— Долго мы ждали и верили, что война вернется на ту землю, откуда она началась. Так было, так будет, и фашистов ждет неминуемая расплата. Вам, лейтенант Кузнецов, судьба уготовила первым открыть огонь по фашистской Германии. Все ли готово для этого?

— Так точно, товарищ капитан, — уверенно доложил Кузнецов, — ошибки быть не должно! Точно накроем указанный квадрат в Ширвиндте!

Молодой лейтенант Михаил Георгиевич Кузнецов, учитель немецкого языка, был рад, что ему доверили ответственную задачу и что его мечты — отомстить врагу за все злодеяния и за свою рану на Мамаевом кургане — сбылись. В квадрате, отмеченном на карте, расположена улица имени Геринга, по брусчатке которой маршируют гитлеровцы.

На временную огневую позицию приехал комбриг Ершов. Он проверил готовность исходных данных и утвердил решение капитана Пелипаса.

— Товарищ полковник, сами приехали стрелять по Гитлеру на прямую наводку? — улыбаясь, спросил лейтенант Кузнецов.

— Нет, товарищ лейтенант, нам еще с вами до Гитлера, пожалуй, не достать, а вот по цитадели милитаристов фашистской Германии — Восточной Пруссии посчастливится огонь открыть первыми.

Орудие весом в восемь тонн на переднем крае бесшумно было приведено в боевую готовность. Ни у кого не было сомнения, что после первого выстрела немцы смогут точно определить место нахождения пушки-гаубицы и накрыть ее из своих огневых средств.

Артиллеристы, от командира орудия сержанта Никифорова и

до командира бригады полковника Ершова, очень рисковали. И не зря они не отгоняли тягачи, не глушили моторы, продолжали работать на малых оборотах. В двадцать два часа комбриг Ершов, осмотрев перед открытием огня все досконально, объявил: стрельбу он обязан отменить. Не было готово главное — укрытие для людей боевого расчета от вражеского огня и на тот случай, если не выдержит ствол.

Готовить укрытия не хватало времени. Раздумья полковника Ершова прервал капитан Пелипас.

— Разрешите, я один «разогрею» ствол, — попросил он, — а вы все пока побудете у придорожного кювета?

— Рискованно, при такой нагрузке ствол может и не выдержать.

— Товарищ полковник, и все же разрешите рискнуть одному?

Все расположились в кювете, капитан Пелипас шагнул в темноту. Комбригу минуты ожидания показались часами. И вдруг раздался оглушительный выстрел. Еще не успел развеяться пороховой дым, как к орудию устремились полковник, сопровождающие его командиры и боевой расчет пушки. Ефрейтор Григорий Афанасьев открыл затвор. На траву шлепнулась горячая гильза. Заряжающий ефрейтор Барий Багаутдинов забросил в открытый затвор 43-килограммовый снаряд, затем гильзу с зарядом. Орудие снова было готово к стрельбе. Враг молчал. Наводчик орудия младший сержант Поздняков, хорошо знавший свое дело, быстро поправил сбившуюся при выстреле наводку. Тотчас же шнур передал комбригу. Полковник, сняв фуражку, обернулся к стоявшим артиллеристам и вполголоса торжественно скомандовал: «За Родину, по фашистской Германии огонь!» Он дернул шнур, и раздался выстрел, вновь нарушивший тишину ночи. В почерневшее небо взметнулся яркий сноп.

Связисты артиллерийской бригады с разрешения командования подключились на армейскую линию связи. Полковник Ершов доложил командующему фронтом Черняховскому:

— Товарищ генерал армии, по городу фашистской Германии Ширвиндту вверенная мне бригада совершила выстрел из тяжелой пушки-гаубицы.

— Поздравляю вас и весь личный состав бригады с перенесением огня возмездия в логово врага!

— Товарищ командующий, разрешите по крепости в Ширвиндте выпустить весь боекомплект пушки?

— А ствол выдержит на таком пределе?

— Выдержит!

— Тогда благословляю! Пусть фашисты запомнят, что огонь возмездия неминуем!

…Наконец на земле врага, откуда пришла война, разорвался тридцатый тяжелый снаряд.

Гитлеровцы спохватились, когда пушка сержанта Никифорова уже оставила свою временную огневую позицию. Фашистские снаряды и мины с опозданием перепахали район заброшенного фольварка, где только что наводило ужас на гитлеровцев дерзкое орудие смельчаков.

Боевой расчет благополучно вернулся на батарею. На опушке леса командующий артиллерией армии генерал Бодров приказал построить боевой расчет. Поздравил артиллеристов с победой и объявил о представлении их к правительственным наградам.

На той стороне линии фронта бургомистр города Ширвиндта Мюллер возвестил гауляйтера Восточной Пруссия Коха об обстреле города корабельными пушками и об имеющихся потерях. Кох удивился докладу бургомистра. Он категорически возразил, утверждая, что никакая корабельная пушка не может достать Ширвиндта, назвал все это паникой и приказал произвести расследование случившегося.

Интересная судьба выпала на долю прославленной пушки-гаубицы № 3922. Она потом била гитлеровцев под Варшавой и на Одере. Здесь смертью храбрых погиб ее командир старший сержант Никифоров, рабочий человек со стекольного завода имени Дзержинского из города Гусь-Хрустального. Боевые товарищи похоронили с почестями скромного и мужественного Якова Ивановича Никифорова на окраине Цибингена, у дороги, что ведет к Одеру. Эстафету подхватил верный его ученик — старший сержант Василий Семенович Конашев. Ему посчастливилось сделать 4900-й выстрел по окраине Берлина и закончить свой боевой путь на Эльбе.

Так же, как судьбы людские, судьбы боевых машин складываются по-разному. В конце Великой Отечественной войны решено было направить пушку-гаубицу № 3922 на вечное хранение в артиллерийский музей в Ленинград.

В 1950 году бывший отважный разведчик артбрига-ды, куда входило знаменитое орудие, старший лейтенант Виктор Константинович Рыков решил навестить «боевого однополчанина». Каково же было его разочарование, когда он не нашел знаменитую пушку-гаубицу.

След ее затерялся. И только благодаря неустанным поискам старшего лейтенанта запаса Рыкова орудие нашлось. Девятого

мая 1971 года орудие № 3922 по праву заняло принадлежащее ему достойное место в Центральном музее Вооруженных Сил СССР среди боевых реликвий советской воинской славы, вместе с реликвиями генерала армии Черняховского в войсках, под водительством которого знаменитая пушка-гаубица сражалась!

События на левом крыле фронта развернулись так, что противник был вынужден бросить туда главные силы, ослабив свою оборону в полосе 5-й армии. Генерал Крылов воспользовался этим и 2 августа нанес удар в направлении Науместиса. Вперед вырвались полки генералов Городовикова и Калинина.

В начале августа войска 3-го Белорусского фронта освободили город и железнодорожные станции Расейняй, Мариамполь, Калвария и сотни других населенных пунктов Советской Литвы.

Фашисты, отступая, неистовствовали. Каждый свой шаг отмечали огнем и смертью. В местечке Бельверишкис спалили все дома и расстреляли мирных жителей за то, что те не согласились покинуть родные места по их приказу. Войска Черняховского от границы Восточной Пруссии отделяло всего двадцать километров. Враг непрерывными контратаками пытался остановить их наступление.

Немецко-фашистское командование в район Вилка-вишкиса бросило в бой из своего резерва танковую дивизию и части двух новых пехотных дивизий. 10 августа противнику удалось прорвать фронт наших войск. Под натиском превосходящих сил 222-я стрелковая дивизия вынуждена была оставить шоссе Мариамполь — Вилкавишкис. Город Вилкавишкис неоднократно переходил из рук в руки. Черняховский в решающий момент бросил в бой из резерва свой 2-й гвардейский танковый корпус. Не выдержав стремительного натиска, враг отступил, оставив на поле боя восемьдесят подбитых танков.

Последние десятки километров перед границей были особенно трудными. Танкам приходилось преодолевать минные поля, противотанковые рвы, пехоте — по три ряда колючей проволоки, по четыре линии траншей на каждой оборонительной позиции.

В штабах дивизий и армий расстояние, оставшееся до границы, офицеры давно измеряли на картах миллиметрами.

К четырнадцати часам передовые части генерала Городовикова ударили противнику во фланг и продвинулись еще на четыре километра. Наступательный порыв воинов нарастал с

каждым часом. Не было у них большего желания, чем быстрее вырваться к границе 1941 года — реке Шервинте. Одно из многих соединений фронта, 184-я стрелковая дивизия, с начала Белорусской операции прошла с боями более шестисот километров. Три года назад в Прибалтике она одной из первых приняла бой с гитлеровскими полчищами. Стояла насмерть у стен Сталинграда. И вот вернулась…

Передовой батальон этой дивизии, которым командовал капитан Губкин, шаг за шагом приближался к пограничной реке Шервинте. Позади остались Барздай. Пильвишкяй. Продвижение батальона приостановилось на подступах к Жвиргждайчяю. Соседи слева вели напряженные бои, пытаясь прорваться в направлении пограничного города Кибартая.

Передовыми частями дивизии Городовикова часто интересовался не только командарм генерал Крылов, но и командующий фронтом.

— Петр Иванович, — попросил Черняховский генерала Иголкина, — запросите, кто сейчас ближе всех к цели? Какая им требуется помощь?

Ответ последовал быстро:

— Ближе всех к границе армия генерала Крылова, дивизия генерала Городовикова, племянника известного героя гражданской войны Оки Ивановича Городовикова. Передовой полк полковника Водовозова. Впереди всех 2-й батальон капитана Губкина. Только что генерал Крылов просил поддержки штурмовой авиацией: Губкина контратакуют танки. Но штурмовики в воздухе, на пути к позициям Галицкого…

Черняховский немедленно связался с командующим воздушной армией генерал-полковником Хрюкиным:

— Сможете полк штурмовиков перенацелить на поддержку передового батальона дивизии Городовикова?

Бойцы батальона Губкина уже приготовились пропустить через свои окопы вражеские танки, чтобы отсечь наступающую за ними пехоту, когда в воздухе появились штурмовики «ильюшины».

— Ур-ра! — прокатилось по цепи.

Прошло несколько минут. Штурмовики улетели, а на поле осталось семь горящих машин, вражеская атака была отбита.

Бойцы батальона Губкина с нетерпением ожидали утра 16 августа. Никто из них еще не знал, что именно они будут одними из первых, кто ступит на землю врага.

С передовых позиций батальона можно было разглядеть

вдали очертания островерхих черепичных крыш, шпили кирх. Это был чужой, незнакомый город Ширвиндт, первый немецкий город, который увидели советские воины. Последний километр…

На востоке еще рдела заря, подернутая дымом пожарищ, когда заговорила наша артиллерия. От огневого шквала на вражеской стороне заполыхала земля. Не успел утихнуть гром канонады — в воздухе появились краснозвездные самолеты…

Впереди всех наступали воины капитана Губкина и другие подразделения Городовикова, Калинина, Гладышева. Гитлеровцы стремились любой ценой отбросить их, то и дело переходили в контратаки. С окраины Ширвиндта вражеские пушки стреляли прямой наводкой.

Замполит второго стрелкового батальона Костин поднялся в атаку с возгласом:

— Вперед, за Родину! До границы триста метров!

Стоголосое «ура!» прокатилось по клеверному полю.

Чаще застучали пулеметы и автоматы.

— Вот она, Германия, ребята! — закричал Виктор Закаблук.

До пограничной реки Шешупе оставалось двести метров. На пути наступавших — трупы гитлеровцев, опрокинутые пушки, машины, брошенные каски, автоматы, разбитое и разбросанное снаряжение. Равняясь на батальон Губкина, приближались к границе подразделения капитана Юргина.

В семь часов утра 17 августа 4-ю роту старшего лейтенанта Зайцева от берега Шешупе отделяло всего сто метров. Левее продвигалась рота Евдокимова. Бойцы схватывались с фашистами врукопашную, били их прикладами, кололи штыками, забрасывали гранатами. Раненный осколком вражеской мины, сержант Али Рзаев крикнул бежавшему рядом другу:

— Волощук! Возьми флаг!

В семь тридцать отделение комсомольца сержанта Закаблука первым достигло государственной границы Советского Союза. Раздался салют из автоматов. Сильные руки старшего лейтенанта Зайцева держали алый флаг, трепещущий на ветру. Городовиков доложил Крылову о выполнении приказа командующего фронтом и что 184-я Краснознаменная Духовщинская стрелковая дивизия, три года назад на этом рубеже принявшая первый удар захватчиков, вышла к границе и водрузила на ней государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик.

Черняховский сердечно поздравил генерала Городовикова и весь личный состав с исторической победой. Приказал всех

солдат, сержантов и офицеров, которые первыми вышли к границе, представить к правительственным наградам, а особенно отличившихся — к званию Героя Советского Союза.

К званию Героя комдив представил командира передового батальона капитана Губкина, его заместителя по политической части старшего лейтенанта Костина и командира роты старшего лейтенанта Зайцева.

В результате почти двухмесячного непрерывного наступления войска 3-го Белорусского с боями прошли более шестисот километров и вышли к границе 1941 года Советского Союза с фашистской Германией на широком участке от Кибартая до Сувалок. Грандиозная Белорусская операция, развернувшаяся на тысячекилометровом фронте, закончилась разгромом одной из мощнейших группировок немецко-фашистских войск. «Положение группы армий „Центр“ после июня 1944 года, — признавал впоследствии генерал Гудериан, — было просто катастрофическим, худшего ничего и не придумаешь».

Враг потерял почти треть своих сил на Восточном фронте. Для сохранения линий фронта гитлеровскому командованию потребовалось вновь ввести в действие около пятидесяти дивизий, в том числе восемнадцать из стран Западной Европы.

Белорусские фронты освободили территорию, по площади равную Англии. Это была одна из самых выдающихся операций в ходе Великой Отечественной войны. Она создала условия для перехода наших войск в наступление на Варшавско-Берлинском и других важнейших стратегических направлениях.

Беспрецедентная операция, само название которой — «Багратион» — стало выражением преемственности немеркнущей славы русского оружия, навсегда вошла в золотой фонд русской военной науки — науки побеждать, основы которой заложил великий Суворов и славу которой доблестно пронесли сквозь огонь кровопролитных сражений советские воины.

4

На Варшавско-Берлинском направлении немецко-фашистское командование сил и средств имело меньше, чем на своем северном фланге в составе групп армий «Север» и «Центр». Это объяснялось тем, что гитлеровцы, оставляя крупные силы в Прибалтике и в Восточной Пруссии, вынашивали авантюристические планы нанесения контрудара в тыл Красной Армии, наступающей на Варшаву.

Ставка Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил в целях ликвидации опасности флангового контрудара запланировала 3-му Белорусскому фронту совершить вторжение в Восточную Пруссию и разгромить тильзитско-инстербургскую группировку противника, а трем Прибалтийским и Ленинградскому фронтам разгромить группу армий «Север» и полностью освободить Прибалтику. При этом войска Черняховского должны были первыми прорвать укрепрайон, подготовленный немцами задолго до войны и состоящий из мощных долговременных и полевых укреплений.

В штаб-квартире командующего фронтом раздался телефонный звонок.

— Верховный Главнокомандующий, — прозвучал в трубке знакомый голос Антонова, — приказал вам провести операцию по разгрому тильзитско-инстербургской группировки противника. Восьмого октября вы лично должны доложить ему свой план.

— Алексей Иннокентьевич! Вам-то хорошо известно, что 3-й Белорусский фронт, встретив упорное сопротивление противника, вынужден был перейти к обороне. О новом наступлении можно говорить только после получения подкреплений.

— О дополнительном выделении танков и артиллерии из РГК пока и речи быть не может.

— В таком случае оперативное командование вермахта свои резервы с неатакованных участков Баграмяна и Рокоссовского бросит в полосу нашего прорыва. Прошу доложить Верховному Главнокомандующему: для того чтобы сковать войска противника на моих флангах, необходимо отдать директиву Баграмяну и Рокоссовскому начать наступление хотя бы частью сил.

— Изменить решение Верховного невозможно. Соседи готовятся к другим, не менее важным операциям!

Черняховский в тяжелом раздумье положил трубку. Озабоченность командующего была понятна. На этот раз предстояло сражаться с войсками группы армий «Центр» в одиночку, в то время как в Белорусской операции на группу

армий «Центр» наступало четыре фронта. Общая стратегическая обстановка не благоприятствовала проведению Тильзитско-Инстербургской операции. Армии 3-го Белорусского, уставшие после длительного наступления, безусловно, нуждались в доукомплектовании, в усилении танковыми соединениями и артиллерией Резерва Верховного Главнокомандования. В предстоящей операции войска фронта должны были оттянуть на себя как можно больше сил противника с главного стратегического Варшавско-Берлинского направления и в последующем помочь Прибалтийским фронтам.

Командующий и штаб фронта за три дня разработали общий план операции. Затем началась сложнейшая работа по организации взаимодействия общевойсковых, танковых, артиллерийских, авиационных соединений.

Военные советы фронта и армий развернули большую партийно-политическую работу по подготовке к предстоящим наступательным боям. Начальник политуправления фронта генерал Казбинцев с группой офицеров выехал в войска. В 184-й стрелковой дивизии генерала Городовикова на совещании политработников и агитаторов он рассказал о стратегическом значении операции.

Отдав войскам предварительные распоряжения, Черняховский вместе с членом Военного совета Макаровым вылетел в Москву, в Ставку Верховного Главнокомандования.

В Народном Комиссариате Обороны Черняховский встретился с Антоновым. Затем поехал в Кремль.

Поздоровавшись со всеми, Сталин пристально посмотрел на Черняховского:

— Докладывайте.

— 3-му Белорусскому фронту, — начал Иван Данилович, — предстоит прорвать мощную, глубоко эшелонированную систему полевых и долговременных укреплений противника глубиной в сто пятьдесят — двести километров, где насчитывается сто двенадцать долговременных железобетонных оборонительных сооружений различного типа. Для выполнения такой задачи тяжелой артиллерии, танков и авиации у нас недостаточно…

Сталин поднялся со своего председательского места.

— Товарищ Черняховский, — прервал вдруг его, — не запугивайте себя противником! Следует продумать, как обойти укрепления немцев.

Взгляд его скользнул по лицу Черняховского. Глаза их на мгновение встретились. «Начало доклада не понравилось Верховному», — подумал Иван Данилович.

— Товарищ Сталин, может быть, значение железобетонных

сооружений противника и преувеличено, — голос Черняховского дрогнул, — но в расчетах мы не ошиблись. Чтобы в кратчайшие сроки разгромить восточнопрусскую группировку, нужны дополнительно танки и тяжелая артиллерия. Успешно выполнив свою задачу, 3-й Белорусский фронт прикроет тылы и правый фланг войск, наступающих на Берлинском направлении.

— Вы позаботьтесь об успехе в масштабе фронтовой операции, — опять прервал его Верховный, — а Ставка позаботится о действиях на главном стратегическом направлении. Наступление в Восточной Пруссии оттянет часть войск противника, действующих против 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Важно на данном этапе сконцентрировать силы для удара на центральных направлениях, ведущих к сердцу Германии — Берлину. Если из этих сил что-то передать вам, массированного удара у Жукова и Конева не получится. — Сталин постучал погасшей трубкой о край пепельницы.

— Все ясно, товарищ Сталин.

Черняховский пожалел, что не успел сказать о главном — о способах ведения операции по прорыву укрепленного района, разработанных им совместно со штабом фронта. В какой-то степени растерялся.

Между тем Верховный продолжил:

— Что касается опасности флангового удара восточнопрусской группировки по нашим войскам, которые форсировали реку Вислу, в этом вы правы. Но мы уже усилили ваш фронт 28-й армией генерал-лейтенанта «Путинского. Большего дать не можем.

Черняховский понимал сложную обстановку, которая создалась к этому времени на советско-германском фронте. Каким огромным военным потенциалом ни обладал бы Советский Союз, но боевой техники не хватало, чтобы обеспечить все фронты одновременно. Надо было все распределять с учетом интересов главного стратегического направления, каким являлось Берлинское. Не только Черняховский обосновывал необходимость усиления своего фронта танками и тяжелой артиллерией, но и другие командующие фронтами делали это не менее искусно. Стадии настолько привык к таким обоснованиям, что уже заранее знал, сколько примерно танков будет просить тот или иной командующий фронтом. Отказывая 3-му Белорусскому фронту в большом количестве танков и тяжелой артиллерии, он по-своему был прав, так как считал необходимым в первую очередь обеспечить и ускорить массированное наступление наших войск на Варшавско-Берлинском направлении.

29 сентября Черняховский выехал к себе на КП. Всю дорогу

он не мог успокоиться, из головы не выходил последний разговор в Ставке. Но, когда приехал в штаб фронта, был, как всегда, собранным и деловитым.

На направлении главного удара фронта сосредоточивалось 27 дивизий, плотность артиллерии составляла 220 орудий и минометов, 25 танков и САУ на один километр фронта.

На правом крыле наступала армия Людникова, имея задачу: нанести удар в направлении на Лазденен (Лаздияй) и отрезать пути отхода противнику на запад. Левее ударной группировки на второй день операции переходила в наступление армия Глаголева с целью расширения прорыва и развития успеха в направлении на Филипув. С утра второго же дня операции в полосах наступлений армий Галицкого и Крылова вводился в сражение 2-й гвардейский танковый корпус.

Решение командующего фронтом было доведено до командармов устно и 3 октября вручено офицерами связи письменно. Последние строки этой директивы, написанные рукой Черняховского, звали воинов на ратные подвиги:

«…Солдаты, сержанты, офицеры и генералы 3-го Белорусского фрота, нам выпала честь первыми ворваться в логово фашистского зверя. Помните, с этих мест началось фашистское нашествие. Сколько бедствий оно принесло миру! Сколько разрушенных городов и сел, сколько измученных и истерзанных людей сгорели в крематориях, земля облилась кровью и покрылась могильными холмами… Нам выпала честь, мы первыми подняли меч над головой фашистского зверя в его берлоге. Будем же достойны нашей грандиозной, славной боевой задачи, выполним свой долг, и пусть весь мир облегченно вздохнет!»

В ночь на 15 октября командармы доложили о готовности вверенных им войск к предстоящему сражению.

Штурму предшествовала двухчасовая артиллерийско-авиационная подготовка. Артиллерия уничтожала гитлеровцев в траншеях. Бомбардировщики наносили удары с воздуха но штабам и узлам связи. Штурмовики поражали артиллерийские и минометные батареи врага.

Артиллеристы перенесли огонь в глубину обороны. Вслед за огневым валом в атаку поднялась пехота в сопровождении танков и артиллерии. Но враг оказывал ожесточенное сопротивление, темп наступления замедлился: сказался недостаток в тяжелой артиллерии и танках.

Командующий 5-й армией генерал Крылов с 17 октября находился в госпитале: открылись старые раны, полученные еще под Севастополем. Обязанности командарма исполнял генерал-

лейтенант П.Г. Шафранов. Вечером, когда в сражение был введен второй эшелон армии, Черняховский с Макаровым прибыли на КНП.

— Товарищ командующий, противник обороняется упорно, наносит контрудары всюду, где намечается нага успех, — доложил Шафранов.

— Выходит, что наступает противник, а не вы? — заметил Черняховский. — Надо смелее концентрировать огневые средства на направлении главного удара. Это ваш серьезный промах!

Член Военного совета Макаров отлично понимал, что ввод корпуса второго эшелона 5-й армии не принес ожидаемого успеха по вине генерала Шафранова и что командующий имеет все основания принять соответствующие меры. Но не в правилах Черняховского было устраивать разносы подчиненным. Он приказал Шафранову в течение ночи перегруппировать артиллерию и доложить об исполнении.

К концу дня Черняховский и Макаров вернулись на КП фронта. Подошло время доклада в Ставку. Как и предполагали, разговор состоялся резкий. Черняховский взял на себя всю ответственность за задержку наступления. Вскоре Шафранов исправил ошибку и добился успеха. Прошло немного времени, и по представлению Черняховского он был назначен командующим 31-й армией.

На главном направлении наступление развивалось медленно, враг оказывал упорное сопротивление. Рано утром Черняховский прибыл в боевые порядки одной из дивизий 5-й армии, чтобы на месте оценить обстановку.

— Товарищ командующий, взгляните. — Комдив указал на высотку метрах в восьмистах впереди. — Казалось бы, безобидный бугорок, а правее, видите, еще один. Доты! Стоит бойцам подняться в атаку, как они оживают.

— Что делает артиллерия?

— Разрешите! — И, получив согласие, комдив приказал: — Открыть огонь!

Один за другим снаряды попадали в пристрелянный бугорок. Когда дым рассеялся, стало видно, что дот невредим, лишь нарушилась маскировка, оголился железобетон. Черняховский с досадой оторвался от стереотрубы.

— Товарищ командующий, нужны тяжелые танки и самоходки!

— Хорошо, позабочусь. А пока выдвигайте приданную корпусную артиллерию на прямую наводку, стреляйте по амбразурам.

— Есть, товарищ командующий!

— И учтите, что, после того как получите все необходимое, я строго взыщу с вас не только в случае невыполнения в срок задания, но и за неоправданные потери.

Поздно вечером, оценив обстановку, создавшуюся в полосе наступления 5-й армии, Черняховский принял решение перенести главный удар в направлении Гросс — Тракенен — Неммерсдорф, где наметился успех 11-й гвардейской армии генерала Галицкого. Для подкрепления в ночь на 19 октября сюда был переброшен 2-й гвардейский танковый корпус генерала Бурдейного. Одновременно на оборону противника на этом участке обрушились мощные удары фронтовой авиации.

— Тимофей Тимофеевич, как воюют французские летчики? — спросил Черняховский генерал-полковника авиации Хрюкина.

— Товарищ командующий, полк «Нормандия — Неман» пополнили новыми Як-3, летчики довольны.

— Отличившихся в боях представляйте к правительственным наградам и другим вознаграждениям, предусмотренным для них. Директива фронта по отношению к летчикам полка «Нормандия — Неман» остается в силе. Полк в моем резерве и без личного моего приказа в воздух не поднимать. О каждой потере докладывать лично.

— Иван Данилович, наши летчики-истребители успевают в день совершать на один-два вылета больше и к тому же на Як-9. Как вам известно, эта машина по маневренности и скорости уступает Як-3. Вы требуете резервировать самые лучшие самолеты и самых опытных летчиков в то время, когда у противника появились более совершенные модели истребителей. Нашим летчикам на Як-9 с ними справиться трудно.

— Хорошо, попрошу для вас дополнительно целевым назначением тридцать Як-3. Симпатии же мои к французским летчикам вызваны интернациональными побуждениями. Не надо забывать, что они далеко от своей родины. Поэтому для них важно создать такую обстановку, чтобы они не чувствовали себя «пасынками» у нас. К тому же из Москвы передали, что в полк «Нормандия — Неман» приедет генерал Шарль де Голль. Было бы нежелательно, если к его приезду сильно поредеет личный состав полка. Заранее подготовьтесь по русскому обычаю потеплее принять генерала. Говорят, он очень заинтересовался русским чудом.

— Если не секрет, каким чудом?

— Секрета нет, его интересует, как нам удалось разгромить один на один самую сильную армию капитала — • войска фашистской Германии под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге и в Белоруссии. Особый интерес он проявляет и к

разгрому крупной группировки врага Белорусскими фронтами и пленению пятидесяти тысяч гитлеровцев в лесах восточнее Минска.

— Иван Данилович, кто из полководцев не мечтал о Каннах? Начиная от Юлия Цезаря, Суворова, кончая Наполеоном и Кутузовым, все хотели повторить маневр Ганнибала, но никому не удавалось. Вам и Рокоссовскому посчастливилось устроить гитлеровцам в Белоруссии новые Канны. Специалисты утверждают, что эта операция превзошла по своему искусству все предшествующие операции Великой Отечественной войны.

— Канны Ганнибала остаются непревзойденными. Он пятидесятитысячной армией окружил и разгромил восьмидесятишеститысячную армию римлян. И пленил из них одну пятую часть! Как вам известно, мы в операции «Багратион» имели явное превосходство над противником.

— Иван Данилович, Ганнибал окружил римлян на занимаемых ими позициях. Войска же Белорусских фронтов окружили своего противника в оперативной глубине более чем на сотни километров. Видимо, все же это высшее достижение советского оперативного искусства, и нет сомнений, что операция «Багратион» войдет в мировую военную историю как одна из блистательных операций.

— Операция двух Белорусских фронтов по окружению немецко-фашистских войск под Минском теперь принадлежит истории, а нам предстоит разрабатывать другие, сознавая, что условия для их проведения будут новыми. А нас, как всегда, подхлестывают будничные дела, без них тоже не обойтись. Предстоит встретить генерала де Голля на уровне. От нашей чуткости к французам на войне во многом будет зависеть и характер наших послевоенных взаимоотношений с Францией.

Вы говорите, что они особенно любят патрулировать в воздухе. Вот и ставьте им такую задачу, пусть ведут вольную охоту, но только чтобы не вступали в бой с превосходящим количеством вражеских самолетов.

Вспоминаю, как в сорок первом году одиночные истребители противника изнуряли нас, гонялись за каждой машиной, повозкой, группой солдат и даже отдельными воинами. В отчаянии мы не знали, что делать тогда. Надо создать такую же обстановку гитлеровцам в Восточной Пруссии, чтобы у них под ногами горела земля. Для этого летчиков необходимо проинструктировать. И, вообще, следует почаще беседовать с ними. Они тоже должны знать положение дел на советско-германском фронте, во Франции и во всем мире.

— Такая работа проводится. Когда полку присвоили

наименование «Неманский», летчикам показали освобожденный Каунас. Привезли их на окраину Каунаса, где жили евреи. Гитлеровцы весь этот район обнесли колючей проволокой, оцепили часовыми и превратили в концентрационный лагерь. Каунасцы рассказали, как фашисты расстреливали евреев за побег от невыносимого труда на строительстве укрепленных районов. Расстреливали не только бежавших — их жен, детей, родителей, родственников. Палачи жестоко избивали литовцев, когда те приносили еду умирающим от голода. Перед приходом Советской Армии изверги принудили заминировать дома, где были их семьи, и под угрозой расстрела заставили взорвать. Уцелевших от взрыва и тех, кто взрывал, фашисты расстреляли на месте.

— Тимофей Тимофеевич, значит, французским летчикам есть что рассказать соотечественникам о преступном ведении войны фашистами?

— Они не только расскажут, но и покажут, все увиденное ими было сфотографировано. Их теперь трудно удержать от воздушного боя, с такой яростью они рвутся на врага.

Летчикам полка «Нормандия — Неман» действительно нравилось патрулирование. Они часто нарушали даваемые им инструкции и вступали в бой один против трех, четырех бомбардировщиков и даже истребителей. Ни генерал Хрюкин, ни генерал Захаров, в дивизию которого организационно входил полк, не могли удержать их от этого. Горячо любя свою родину, они жаждали скорейшего освобождения ее от немецко-фашистского ига и во имя этого рвались в бой. Интенсивность и число боевых вылетов не уменьшились, а, наоборот, увеличились. Были и потери, но побед было гораздо больше.

В разгар Восточно-Прусской операции, 16 октября, на фронте создалась сложная воздушная обстановка, которая могла повлиять на успех операции. Черняховский приказал поднять в воздух полк «Нормандия — Неман» с задачей захватить господство в воздухе. Французские летчики в этот день сбили 29 самолетов противника, не потеряв при этом ни одной машины.

В последующие семь дней напряжение боев не спадало. Всего за эти дни ими было сбито более ста немецких самолетов.

За проявленную доблесть в Восточно-Прусской операции полк был награжден орденом Красного Знамени и орденом Александра Невского. К боевому знамени полка были прикреплены и два французских ордена — орден Почетного Легиона и Крест Освобождения.

Командование фронтом поддерживало связь с главой французской военной миссии в СССР, с генералом Пети. Стало известно, что генерал де Голль в виду сложившейся обстановки

не сможет посетить полк «Нормандия — Неман». Французские летчики для встречи должны прибыть в Москву.

Танкисты генерала Бурдейного во взаимодействии с корпусом генерала Гурьева 20 октября прорвали вторую полосу вражеской обороны и вышли на рубеж реки Роминте. Для наращивания удара с утра следующего дня на стыке 5-й и 11-й гвардейской армий был введен в бой второй эшелон фронта — 28-я армия генерала Лучинского, Однако противнику также удалось подтянуть резервы на этот участок. Темп наступления армии Лучинского замедлился. Анализ обстановки подтверждал, что сопротивление противника ослабло в полосе наступления армии Галицкого. Черняховский вновь срочно усиливает это направление артиллерией и авиацией. Основную массу бомбардировщиков и штурмовиков он бросил на поддержку танкового корпуса Бурдейного, действующего в обход Гумбиннена с юга, и соединений генерала Гурьева, наступающих к реке Ангерапп, и таким образом вбил глубокий клин в оборону противника. Однако, оторвавшись в ходе наступления от главных сил фронта, они оголили свои фланги. Воспользовавшись этим, противник силами более двухсот танков, поддерживаемых четырьмя бригадами штурмовых орудий и отдельной бригадой шестиствольных минометов, нанес контрудар с севера и юга по сходящимся направлениям под основание нашего клина в районе Вальтеркемена. Чтобы вывести из-под удара танков противника 2-й гвардейский танковый корпус и 31-ю гвардейскую стрелковую дивизию, Черняховский отвел их назад, на восточный берег реки Роминте, и прикрыл их фланги.

Вскоре войска Черняховского, отбив многочисленные контратаки врага, вновь перешли в наступление. В ответ на это немецко-фашистское командование продолжало подтягивать крупные силы со своих еще не атакованных участков. Недостаточность сил и средств у наступающих позволяла противнику маневрировать резервами.

Несмотря на отсутствие активных действий со стороны соседей и нехватку тяжелых танков и самоходно-артиллерийских установок, войска 3-го Белорусского фронта все же сокрушили мощные долговременные укрепления противника на границе Восточной Пруссии и продвинулись до тридцати километров в глубь вражеской территории, расширив прорыв до ста сорока километров по фронту. На подступах к Кенигсбергу были прорваны три оборонительных полосы из девяти, которые немецко-фашистское командование считало неприступными. В

ходе сражения было уничтожено около сорока тысяч солдат и офицеров, более шестисот танков, около двухсот самолетов противника, захвачено значительное количество боевой техники, взято в плен много солдат и офицеров. Родина по достоинству оценила ратные подвиги воинов 3-го Белорусского фронта. Радио оповестило:

«ПРИКАЗ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
генералу армии ЧЕРНЯХОВСКОМУ

Войска 3-го Белорусского фронта, перейдя в наступление, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации прорвали долговременную, глубоко эшелонированную оборону немцев, прикрывавшую границы Восточной Пруссии, вторглись в пределы Восточной Пруссии на 30 километров в глубину и 140 километров по фронту.

В ходе наступления войска фронта овладели мощными опорными пунктами обороны противника — Ширвиндт, Наумиестис (Владиславов), Виллюнен, Вирбалис (Вержболово), Кибартай (Кибарты), Эйдткунеи, Шталлупенен… и с боями заняли около 900 других населенных пунктов, из которых более 400 населенных пунктов на территории Восточной Пруссии.

В боях при прорыве обороны немцев отличились войска генерал-полковника Галицкого, генерал-полковника Глаголева, генерал-лейтенанта Шафранова, генерал-полковника Крылова, генерал-лейтенанта Людникова… артиллеристы генерал-полковника артиллерии Барсукова… летчики генерал-полковника авиации Хрюкина…[10] Пуяда… саперы генерал-лейтенанта инженерных войск Баранова, связисты генерал-майора войск связи Бурова…

Сегодня, 23 октября, в 23 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Белорусского фронта, прорвавшим оборону немцев и вторгшимся в пределы Восточной Пруссии, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях при прорыве обороны немцев и вторжении в Восточную Пруссию.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и

независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза И. Сталин».

23 октября 1944 года (№ 203)

Дальнейшее наступление войск 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии сопровождалось значительными потерями в результате изменения соотношения сил не в нашу пользу. Немецко-фашистское командование успело перебросить крупные силы с неатакованных участков и соседних фронтов. Черняховский вынужден был 27 октября отдать приказ закрепиться на рубеже Сударги — Шиллен — Августов.

Директива Ставки на проведение Тильзитско-Инстербургской наступательной операции полностью не была выполнена, но цель, намеченная Верховным Главнокомандованием, была достигнута. Наступательные действия Красной Армии в Венгрии на Будапештском направлении и в Восточной Пруссии для командования вермахта оказались чувствительными. Оно было вынуждено с западного, центрального участка (Варшавско-Берлинского направления) снять танковые дивизии и бросить их для затыкания брешей на своих южных и на северных флангах.

Операция 3-го Белорусского фронта на этом этапе играла вспомогательную роль и проводилась с целью отвлечения сил противника на центральном участке и оказания помощи 1-му Белорусскому и Прибалтийским фронтам и проведении наступательных операций с более глобальными задачами. Ставка и Генштаб в таких случаях не раскрывали замысел стратегической операции до выполнения войсками фронта поставленных им второстепенных задач. Так поступали, чтобы не расхолаживать войска.

Верховное Главнокомандование на 1945 год предусматривало нанесение мощных ударов одновременно на четырех стратегических направлениях: Приморском, Берлинском. Пражском и Венском. Немецко-фашистское командование, в свою очередь, обращало особое внимание на свои северные и южные фланги. Сосредоточив мощную группировку против правого крыла Красной Армии, оно рассчитывало остановить ее наступление на Восточную Пруссию. Враг надеялся, что чем дальше наши войска будут продвигаться от Варшавы к границам Германии, тем уязвимее станут их фланги. В ноябре и декабре на севере Восточной Пруссии немцы сосредоточили двадцать шесть дивизий, в том числе семь танковых, а на юге под Будапештом пятьдесят пять дивизий, из них девять танковых. В итоге на

западном, главном направлении у Гитлера оказалось сил меньше, чем на северном и южном флангах.

Большие надежды враг возлагал на мощные оборонительные сооружения в Восточной Пруссии, создававшиеся здесь в течение многих лет. Наиболее сильными из них являлись хельсбергский, летценский укрепрайоны, располагавшиеся в полосе наступления войск 3-го Белорусского фронта. Необходимо было тщательно разработать план их штурма.

Накануне двадцать седьмой годовщины Великой Октябрьской социалистической резолюции командующего и члена Военного совета фронта вызвали в Генеральный штаб по поводу предстоящей Восточно-Прусской операции.

В Генеральном штабе Черняховского принял Антонов.

— Генштаб учитывает, что фронту предстоит решать весьма сложную задачу: перед вами крупная группировка противника.

— Какое оперативно-стратегическое обеспечение предусматривается для нас?

— По группе армий «Центр» в Восточной Пруссии предполагается нанести два мощных охватывающих удара. Войска вашего фронта должны в течение десяти дней разгромить тильзитско-инстербургскую группировку и в дальнейшем развивать наступление на Кенигсберг вдоль реки Прегель. 1-й Прибалтийский помогает вам силами 43-й армии, 2-й Белорусский уничтожает пшаснышко-млавскую группировку противника, затем развивает успех в направлении Мариенбурга и выходит к заливу Фришес-Хафф.

— Какие силы выделяются 3-му Белорусскому фронту?

— Из состава 1-го Прибалтийского вам переподчиняется 2-я гвардейская армия генерала Чанчибадзе.

— Ну порадовали вы меня перед праздником!

— Скажите, Иван Данилович, в чем суть вашего замысла?

— Раздробить группировку противника, а затем разгромить каждую ее часть в отдельности.

— Что предусматривается в тактическом плане?

— Создаем штурмовые группы и отряды, усиленные артиллерией, танками, саперами. Запланировано сопровождать их штурмовой авиацией.

— Разумно, — одобрил Антонов. — Ознакомьтесь с директивой Ставки. Если возникнут вопросы, рассмотрим совместно. И, как говорили в старину, с богом…

Вернувшись в штаб фронта, Черняховский весь ушел в работу по подготовке Восточно-Прусской наступательной операции в соответствии с ее основным замыслом, предусматривающим не только разобщить усилия вражеских армий в самом начале

операции, но и обойти с севера мощные узлы сопротивления в Гумбиннене, в Ин-стербурге, а в случае успеха расколоть надвое инстер-бургскую группировку.

Характерным для стиля работы Ставки Верховного Главнокомандования являлось то, что задачи и замысел любой предстоящей операции подвергались тщательному анализу в Генеральном штабе и в штабе фронта. Подготовительные работы в войсках начинались по предварительным распоряжениям. И только тогда, когда все становилось предельно ясным, Ставка отдавала войскам директиву. Так было и на этот раз.

> «Лично. Командующему 3-м Белорусским фронтом тов. Черняховскому.
>
> Члену Военного совета фронта тов. Макарову.
>
> Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:
>
> 1. Разгромить тильзитско-инстербургскую группировку противника и не позднее 10—12-го дня операции овладеть рубежом Немонин, Жаргиллен, Гольдап.
>
> 2. В дальнейшем, прочно обеспечивая главную группировку фронта с юга, развивать наступление на Кенигсберг по обоим берегам р. Прегель, имея главные силы на южном берегу р. Прегель.
>
> 3. Боевые приказы, все распоряжения армиям на операцию представить в Генштаб.
>
> Сталин,
>
> Антонов».

В соответствии с директивой Ставки начало операции предполагалось на конец января. Штабы и войска упорно готовились, особое внимание уделялось организации взаимодействия родов войск и материально-техническому обеспечению. В начале января ход событий резко изменился. Немцы перешли в контрнаступление на западном фронте, и в Арденнах у союзников создалась тяжелая обстановка. Премьер-министр Англии Уистон Черчилль вынужден был просить Сталина ускорить наступательные операции на советско-германском фронте. Верховное Главнокомандование, верное союзническим обязательствам, несмотря на все трудности, бросило в наступление от Балтики до Карпат более ста пятидесяти дивизий.

3-му Белорусскому фронту в этой связи было приказано начать операцию на шесть дней раньше запланированного срока. Черняховский решил разгромить противостоящие силы врага

последовательно. Сначала уничтожить тильзитскую, а затем инстербургскую группировки и в последующем развивать наступление, нанося главный удар в направлении Велау — Кенигсберг. Для этого оперативное построение фронта предусматривалось в два эшелона.

В первом эшелоне на правом крыле наступала армия генерала Людникова, нанося главный удар в направлении Пилькаллен — Тильзит; левее — армия генерал-полковника Крылова (вернувшегося после выздоровления из армейского госпиталя). Севернее шоссе Шталлупенен — Гумбиннен прорывала вражескую оборону армия генерала Лучинского с задачей овладеть районом Гумбиннен. Подвижную группу фронта составлял танковый корпус генерала Бурдейного, который должен был войти в прорыв в полосе армии Крылова с утра второго дня операции и стремительным ударом к исходу четвертого дня овладеть Гросс-Скайсгирреном.

Второй эшелон фронта составляла армия генерала Галицкого, она продвигалась за первым эшелоном в готовности с утра пятого дня операции во взаимодействии с танковым корпусом генерала Буткова войти в сражение на рубеже реки Инстер, нанося главный удар на Велау, и частью сил совместно с армией Лучинского овладеть Инстербургом. Вновь прибывшая в состав фронта 2-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Чанчибадзе и 31-я армия генерал-лейтенанта Шафранова занимали оборону на левом крыле фронта. Соединениям армии Чанчибадзе лишь с утра третьего дня операции предстояло перейти в наступление своими войсками правого крыла.

Накануне наступления, 12 января вечером, пошел снег. В связи с этим Черняховский приказал перенести начало атаки с девяти часов утра на одиннадцать. Командармам по ВЧ была передана команда: «Артиллерийскую подготовку не начинать до особого распоряжения».

Однако в плане операции еще ранее был предусмотрен дублирующий сигнал начала артподготовки — залп реактивными снарядами. Вышло так, что один из дивизионов РС не был оповещен о переносе срока артнаступления.

Ровно в девять часов 13 января на участке предстоящего прорыва прогремел единственный залп РС. И тотчас же, как бы по цепной реакции, заговорила вся артиллерия…

Черняховский вызвал к телефону командующего армией Людникова:

— Кто разрешил начать артподготовку?

— Но мы ее начали по сигналу — залп «катюш».

— Напутали! Что думаете делать дальше?

— Продолжать артподготовку и действовать по намеченному плану.

Прерывать артнаступление не было смысла. Черняховский подтвердил командармам первоначально назначенный час атаки.

Капризный ветер Балтики нагнал туман. Местами видимость не превышала пятидесяти-ста метров. Было ясно, что действия авиации исключены, на ее помощь пехоте рассчитывать не приходилось. Оставалась надежда на артиллерию. Однако и ее возможности были ограниченны.

«Сильный туман мешал вести наблюдение за результатами артиллерийской подготовки, — вспоминает бывший начальник Политического управления 3-го Белорусского фронта генерал-майор Казбинцев. — Мы с Иваном Даниловичем пытались наблюдать с крыши четырехэтажного дома, но бесполезно. Спустились на первый этаж. Как раз напротив окна, метрах в пятидесяти-шестидесяти от дома, стояло дерево. Оно то скрывалось в тумане, то вновь появлялось. Туман не рассеивался. Черняховский ходил по комнате, то приближаясь к окну, то снова отходя от него. Ни один мускул на лице не выдавал его внутреннего состояния.

Туман продолжал скрывать окрестности. На сто метров ничего не было видно. Неизвестны результаты артиллерийской подготовки, а следовательно, нет никакой уверенности в успехе штурма. Уже выпущены по противнику сотни вагонов боеприпасов! Вдруг… такая операция сорвется? Эта мысль волновала нас всех, она не давала покоя, но Иван Данилович продолжал спокойно отдавать распоряжения, а в перерывах — непринужденно разговаривать с нами.

Тогда мы еще раз убедились, каким необыкновенным самообладанием и огромной волей обладает этот человек».

Противник всюду оказывал упорное сопротивление. Как только началась наша артподготовка, немцы спрятались в укрытиях. Затем, пользуясь густым туманом, они близко подпускали наши танки и пехоту и обстреливали их из засад.

В первый день наступления ни одна армия не выполнила поставленной задачи. Встал вопрос, целесообразно ли продолжать наступление. Многие в штабе склонялись к тому, что обстановка требует приостановить операцию.

— Дело не только в плохой погоде, — пояснил Черняховский Макарову. — В боевых порядках стрелковых рот мало артиллерии сопровождения, минные поля саперы не успевают своевременно обезвреживать, управление войсками не отвечает условиям прорыва укрепленного района.

— Что и говорить, погода не благоприятствует

наступлению, — вздохнул Макаров. — Но решающее слово за вами, Иван Данилович.

— Надо продолжать наступление, — решил Черняховский. — Пусть мы даже не продвинемся вперед, но поможем войскам, наступающим на Танненберг и Варшаву. Да и союзники на западе получат облегчение. Их там, в Арденнах, немцы основательно прижали.

Командующий распорядился усилить стрелковые роты артиллерией, наблюдательные пункты батарей и дивизионов приблизить к командирам рот и батальонов, обеспечить тесное взаимодействие пехоты, танков и артиллерии в звене полк — батальон. Командирам частей и соединений приказал переместить свои наблюдательные пункты к переднему краю, сам с оперативной группой выехал в боевые порядки полков первого эшелона.

Командующий 5-й армией генерал-полковник Крылов свой наблюдательный пункт вынес в боевые порядки батальона первого эшелона и находился от переднего края всего в восьмистах метрах. Так же поступили и другие генералы и офицеры.

Однако крайне неблагоприятные погодные условия оказывали влияние на ход наступления. К шестнадцати часам стало очевидно, что ударная группировка фронта не сумеет выполнить до конца задачу, поставленную на первый день операции, и главная полоса обороны противника не будет прорвана. Как и предполагал Черняховский, особо напряженные боевые действия развернулись на направлении к городу Гумбиннену. Еще накануне наступления он интересовался решением генерала П.Ф. Батицкого, командира 128-го стрелкового корпуса, которому предписывалось взять Гумбиннен, В первом эшелоне наступала 130-я стрелковая дивизия генерал-майора К.В. Сычева, остальные силы корпуса составили второй эшелон и резерв. Такой боевой порядок позволил генералу Батицкому сосредоточить артиллерию всех трех дивизий для подавления и уничтожения огневых точек противника на узком участке. Ход боевых действий подтвердил правильность этого решения. Однако и противник неустанно наращивал свои усилия.

К концу дня командующий фронтом приехал на КНП 128-го стрелкового корпуса на западной окраине господского двора Керрин. Генерал Батицкий встретил Черняховского, готовый к неприятным объяснениям. Но нужды в этом не оказалось. Командующий сказал, что обстановка ему известна, и потребовал доклада о принятом решении на второй день операции.

— Решил: ночными действиями продолжать выполнять

задачу дня и с утра 14 января ввести в бой второй эшелон корпуса — 61-ю стрелковую дивизию — в полосе соседа справа, в обход лесисто-болотистой местности Пакладимменер — Моор с севера, в направлении на Тублаукен. К исходу дня выйти в полосу своего корпуса и овладеть населенным пунктом Ной Будупёнен.

— Не совсем понял. Вы хотите ввести второй эшелон на участке соседа справа, то есть помогаете генералу Александрову, — улыбнулся Черняховский. — Но 3-й гвардейский корпус, кажется, и так не отстает, даже вперед вырвался!

— Вот я и хочу воспользоваться успехом Александрова и выполнить свою задачу.

— Не перемешаются ли боевые порядки? Между вами есть разграничительная линия?

— Разграничительная линия не китайская стена.

— Да, но при четкой организации управления войсками.

— За свой штаб я ручаюсь!

— Коли так, передайте генералу Лучинскому: решение утверждаю. И все-таки какие мероприятия вы предусматриваете для ускорения темпа наступления?

«Без разноса, но свое потребовал», — подумал Батицкий.

— Все орудия, включая гаубицы, выставляю на прямую наводку, чтобы эффективнее подавить огневые точки противника.

— Для прорыва укрепрайона этого недостаточно.

— От командиров штурмовых отрядов потребую более решительных действий, умелых маневров с целью обхода дотов и опорных пунктов противника.

— Именно более решительных! И умелых! Иначе наступление может захлебнуться. Сами понимаете, во что это обойдется.

И, еще раз улыбнувшись остроумному решению комкора, попрощался.

С начала операции Черняховский успел побывать и у Крылова и у Людникова. Всюду требовал искать слабые места в обороне противника, навязывать ему свои условия.

На второй день развернулись еще более ожесточенные бои. Командующий группой армий «Центр» генерал-полковник Рейнгардт, установив направление главного удара советских войск, с утра 14 января бросил две пехотные, одну танковую дивизии и бригаду штурмовых орудий на ликвидацию прорыва на участках армий Крылова и Лучинского. Для управления ударной группировкой он прибыл в населенный пункт Маллвишкен, на командный пункт 26-го армейского корпуса, находившийся в

десяти километрах от Шталлупенена, где размещался КНП командующего 3-м Белорусским фронтом.

Около трехсот вражеских танков, включая «королевские тигры», ударили в стык 5-й и 28-й армий.

Операция, которой придавала особое значение Ставка, затухала. Труднее всего приходилось на участках дивизий Вольхина и Сычева. Им пришлось испытать на себе основную тяжесть контрудара противника. Но они с честью выстояли. Наши войска, измотав ударную группировку противника огнем с места, главными силами продолжали наступление. Некоторый успех наметился в полосе 5-й армии. Для завершения прорыва тактической зоны противника и развития успеха на этом участке Черняховский ввел в сражение в середине дня 16 января 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. Затем приказал перейти в наступление 2-й гвардейской армии на левом крыле фронта. Воспользовавшись улучшением погоды, отдал распоряжение командующему 1-й воздушной армией генерал-полковнику Хрюкину нанести массированный удар по укреплениям врага. Бомбардировочная ц штурмовая авиация произвела более тысячи самолетовылетов.

Ожесточенное сражение продолжалось. Танковый корпус генерала Бурдейного был встречен контратаками танков и штурмовых орудий противника. Ожидаемого перелома в ходе операции достигнуто не было. Наступил момент, когда, казалось, противные стороны бросили на чашу весов все. Решающим фактором в этих условиях становилась способность военачальника быстро принимать решения и совершать дерзкие маневры, одним словом, талант полководца.

Черняховский хорошо знал своего противника генерала Рейнгардта по Белорусской операции. Иван Данилович предвидел, что он, опираясь на такой мощный узел обороны, как Гумбиннен, окажет сильное противодействие в полосе наступления 5-й армии. Поэтому потребовал от Людникова непрерывно наращивать силы на участке прорыва 39-й армии. Людников построил боевой порядок стрелкового корпуса, наносившего главный удар, в три эшелона и последовательно вводил в боевые действия одну дивизию за другой. В то же время Крылов на смежном с его армией фланге вводил в бой дивизию второго эшелона корпуса, чтобы мощными ударами сломить сопротивление врага.

Утром пятого дня соединения Людникова завершили прорыв тактической обороны противника и развили успех на северо-западном направлении. Враг, не выдержав натиска, стал отходить.

В какой-нибудь другой операции эти двадцать километров, пройденные войсками фронта за пять дней, означали бы полный прорыв тактической зоны и выход на оперативный простор. Здесь же впереди оставалась еще не одна полоса сопротивления: сильно укрепленные оборонительные рубежи простирались до самого Кенигсберга. И казалось, что прорыв возможен только путем постепенного «прогрызания» оборонительных полос врага. Но именно этого и старался избежать Черняховский. Надо было лишить немцев возможности последовательно отходить на заранее подготовленные рубежи, иначе пришлось бы продвигаться вперед с непрерывными ожесточенными боями, то и дело останавливаясь и начиная все сначала.

Для достижения своей цели Черняховский совершил смелый маневр: ввел 1-й танковый корпус генерала Буткова и армию второго эшелона не в полосе наступления войск Крылова, как было предусмотрено планом, а на участке армии Людникова, там, где намечался успех. Одновременно были поставлены новые задачи 39, 5 и 28-й армиям и приданным им танковым корпусам.

Полководческое искусство Черняховского в том и заключалось, что он не боялся вносить решающие изменения в замысел операции в ходе ее осуществления. Ломать заранее разработанный план всегда рискованно: противник может разгадать маневр большого количества войск и принять контрмеры. Однако решение Черняховского основывалось не только на расчетах. Он знал возможности своих войск, высоко оценивал способности подчиненных генералов. Отказавшись от ранее принятого плана, командующий перестроил оперативный порядок войск фронта в форме веера и основные силы с центрального участка перебросил на правый фланг ударной группировки, где обозначился успех.

Противник не ожидал такого быстрого изменения на направлении главного удара и был застигнут врасплох. Утром на шестой день наступления танковый корпус Буткова пошел в прорыв и, ломая сопротивление противника, продвинулся в глубь его обороны на сорок километров. Это коренным образом изменило ход событий.

Войска генерала Людникова, используя успех танкистов, вышли к реке Инстер. Немецко-фашистское командование начало перебрасывать остатки своих резервов на это направление. Генерал-полковник Крылов тем временем хотя и медленно, но продолжал наступать, и враг не мог снять какие-либо силы с участка 5-й армии.

В ночь на седьмой день операции Черняховский переориентировал танковый корпус Бурдейного в направлении

населенного пункта Ауловенен, игравшего важную роль в системе гитлеровской обороны. Танковые корпуса фронта продолжали развивать наступление и продвинулись за день еще на двадцать километров.

«В ходе войны, — пишет генерал-полковник Людников в военно-историческом журнале спустя четверть века, вглядываясь в прошлое с расстояния пройденных лет, — некоторые командующие стремились во что бы то ни стало добиваться осуществления своего раз принятого решения, хотя его выполнение из-за изменившейся обстановки нередко было связано с большими трудностями и потерями в людях, материальных средствах, а также во времени.

Генерал армии И.Д. Черняховский смело изменил задачи войскам фронта при преодолении тактической зоны, и они добились блестящих успехов в разгроме восточнопрусской группировки противника».

Черняховский придавал огромное значение вопросам взаимодействия с войсками соседних фронтов. В то время как ударная группировка маршала Рокоссовского развивала наступление на северо-запад, к заливу Фришес-Хафф и Висле, войска 3-го Белорусского фронта навязывали врагу сражения на Кенигсбергском направлении. Так же успешно организовывалось взаимодействие и с соединениями 1-го Прибалтийского фронта, которым командовал генерал армии И. Х. Баграмян.

Боевое содружество и взаимодействие крупных объединений особенно наглядно проявились в действиях 43-й и 39-й армий при взятии города Тильзита. Черняховский лично координировал их удары на смежных флангах, умело используя каждый успех.

Черняховский позвонил Людникову, когда судьба города была решена.

— Как дела? В Москве артиллеристы уже держатся за шнуры, чтобы произвести салют.

— Пусть подержатся, товарищ командующий. Город взять потруднее, чем дернуть за шнур.

— Шутки шутками, а сколько времени вам еще понадобится?

— Часа полтора, не меньше!

Через полтора часа Людников сообщил:

— Товарищ командующий, соединения 39-й и 43-й армий штурмом овладели Тильзитом! Можете передать артиллеристам в Москву — огонь!

— Слушай, Иван Ильич, и подключи Белобородо-ва! — в радостном волнении сказал Черняховский.

И в самом деле в телефонных трубках раздались звуки салюта. В боях за Тильзит армия генерала Белобородова

указанием Ставки была переподчинена 3-му Белорусскому фронту.

В ночь на 20 января был введен в сражение второй эшелон фронта — армия Галицкого. За два дня боев она продвинулась на глубину до сорока пяти километров. На пути к Кенигсбергу серьезным препятствием явился город Инстербург с его внутренним и внешним укрепленными обводами. К тому же немцы, потеряв надежду устоять в своих инженерных сооружениях под ударами наших войск, взорвали плотину и затопили поймы рек Инстер и Ангерапп.

Вода разлилась поверх льда и снега. Единственное, что спасло бы солдат, — резиновые сапоги. Но достать их было невозможно, интенданты не могли предусмотреть всего заранее. Несмотря на мороз и пронизывающий до мозга костей ветер, бойцы преодолели вброд полукилометровую водную преграду. В ночь на 22 января они ворвались в горящий Инстербург. На окраине города валялись покалеченные тяжелые пушки. Вдоль дороги из-за молодых дубков торчали обгоревшие остовы немецких танков и автомашин.

К шести часам утра обходом с северо-востока и юго-запада наши войска полностью овладели Инстербургом. В приказе Верховного Главнокомандующего отмечалось, что город являлся «важным узлом коммуникаций и мощным укрепленным районом обороны немцев на пути к Кенигсбергу».

В тот же день соединения маршала Рокоссовского овладели Алленштейном и устремились к Эльбингу. Перерезав основные узлы дорог, наши войска сковали маневр вражеских сил. Стальные тиски сжимались, охватывая всю восточнопрусскую группировку противника.

Успешно развивали наступление войска армии генерала Лучинского. 21 января его соединения овладели крупным узлом вражеской обороны — Гумбинненом, форсировали реку Ангерапп и захватили плацдарм на ее левом берегу.

Черняховский принимал все необходимые меры, чтобы совместно с войсками Рокоссовского прорвать укрепленный район врага и разгромить его кенигсбергскую группировку. Войска фронта нанесли несколько рассекающих ударов и соединениями правого крыла с 23 по 25 января с ходу форсировали реки Дайме, Прегель и Алле. До Кенигсберга оставалось менее пятидесяти километров.

В создавшейся обстановке генерал армии Черняховский решил отрезать от моря и окружить группировку противника в Восточной Пруссии, рассечь ее на части и уничтожить каждую в отдельности. Перед войсками 3-го Белорусского фронта

продолжала простираться не обычная полевая оборона, а укрепленный район, что неимоверно усложняло задачу. Но решение, принятое Черняховским, являлось единственно правильным и позволяло исключить маневрирование противником крупными резервами.

Оперативное командование вермахта металось в поисках правильного решения. 26 января Гитлер отстранил от командования группой армий «Центр» генерал-полковника Рейнгардта и назначил на его место генерал-полковника фон Рендулича. Группа армий «Центр» получила новое название — «Север».

За семь месяцев немецко-фашистское командование сместило трех командующих войсками группы армий «Центр». Замена командующих в вермахте, как правило, вызывалась какими-либо оперативно-стратегическими соображениями. Естественно, начальник разведки Красной Армии незамедлительно доложил Верховному Главнокомандующему о реорганизации группы армий «Центр». В полночь 28 января на КП командующего 3-м Белорусским фронтом раздался звонок ВЧ.

— Здравствуйте, товарищ Чернов! — прозвучал голос Сталина в телефонной трубке.

— Здравствуйте, товарищ Семенов! — отозвался Черняховский.

— Разведчики мне доложили, что Рейнгардт смещен и командование группой армий принял генерал-полковник Рендулич. Так ли это?

— Так точно, товарищ Семенов!

— Как это восприняли вы лично?

— У Гитлера командующие приходят и уходят, а мы наступаем. Нас смущают только железобетонные долговременные сооружения врага, которыми насыщена его оборона.

— Вы опять насчет тяжелых танков?

— Они нам крайне необходимы!

— В таком случае… — Верховный замолчал, потом стало слышно, что он говорит с кем-то по другому телефону. Наконец снова раздался его голос: — Товарищ Чернов, в ваше распоряжение не сегодня завтра прибудут самые тяжелые самоходные орудия, испытайте их в бою и доложите мне лично!

— Есть испытать и результаты доложить!

— Еще раз напоминаю: не количеством, а умом надо побеждать противника! Подумайте о более совершенных методах управления войсками при прорыве укрепрайона.

— Совершенствованием управления войсками занимаемся постоянно.

— Еще раз подумайте со своим штабом, и мы тоже подумаем. Желаю успеха, до свидания!

Новый командующий теперь уже группы армий «Север» фон Рендулич не смог изменить положение на фронте. К концу января его основные силы оказались расчленными на три группы: земландскую (свыше четырех дивизий), кенигсбергскую (свыше пяти дивизий) и хейльсбергскую (двадцать усиленных дивизий).

В результате напряженных сражений войска Черняховского во взаимодействии с соединениями 2-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов окружили главные силы группы армий «Север» и прижали их к заливу Фришес-Хафф. Уже девять десятых всей территории Восточной Пруссии было очищено от немецко-фашистских войск. Соединениям группы «Север» был нанесен серьезный урон: только в плен было взято более пятидесяти тысяч солдат и офицеров. Но войска 3-го Белорусского фронта тоже понесли значительные потери и нуждались в пополнении перед прорывом хейльсбергского укрепленного района, не уступающего по своей мощности западногерманской линии Зигфрида. Укрепрайон, включающий в себя около девятисот железобетонных сооружений, обороняла трехсоттысячная армия.

К началу февраля темп наступления замедлился. Командование и штаб фронта выискивали слабые места в обороне противника, создавали ударные группировки. Однако во многих стрелковых дивизиях насчитывалось не более чем по три с половиной тысячи человек, полки по численности равнялись батальону. Член Военного совета генерал-лейтенант Макаров принимал все меры, чтобы улучшить положение. Иа прифронтовых железных дорогах эшелонам с пополнением для 3-го Белорусского фронта была открыта зеленая улица.

1 февраля, готовясь к очередной наступательной операции, Черняховский пригласил к себе Макарова.

— Василий Емельянович, крайне нужны тысячи четыре солдат! Хотя бы для пополнения частей на главном направлении.

— Маловато просите, — загадочно усмехнулся Макаров.

— Шутите?

— Нисколько. Прибыло пополнение — семь тысяч человек. В основном с Западной Украины и из Молдавии.

— Вот это кстати! — обрадовался Черняховский. — В первую очередь надо пополнить дивизии Галицкого. Довести численность каждой хотя бы до четырех тысяч: им штурмовать Кенигсберг! Остальных направим к Людникову. Поедемте посмотрим на пополнение…

Проехали мост через Прегель. По обеим сторонам дороги сожженные «тигры», изуродованные пушки, машины. Безлюдье, тишина…

Черняховский любил быструю езду. Водитель старшина Виноградов старался ему угодить, по гололед не позволял развить хорошую скорость. Въехали в лес. Поднявший ветер разогнал облака, сквозь серую мглу пробилось солнце.

Вездеход остановился на лесной поляне. Деревья, покрытые инеем, в лучах солнца сверкали серебром, в их окружении красовался замок с островерхой черепичной крышей, с высокими белыми колоннами.

«Красотища! — Черняховский вышел из машины. — Как будто и войны вовсе нет».

К ним уже спешил начальник тыла фронта генерал Виноградов. Невдалеке строились прибывшие воины. Черняховский обратился к солдатам нового пополнения с речью:

— Дорогие товарищи! Сейчас вы вольетесь в полки, которые бьют врага там, где когда-то били его наши предки. Мы стоим на той самой земле, которая еще пятьсот лет назад была омыта кровью польских, литовских и русских солдат. Спустя триста лет предки немецких фашистов вновь напали на нас, и опять здесь вспыхнули костры биваков русских воинов. В результате Семилетней войны русские овладели Восточной Пруссией и ключами от Берлина. А теперь нам с вами суждено уничтожить врага в этом логове агрессивной военщины, взрастившей бесчеловечный фашизм! На штурм Кенигсберга, друзья!

По лесу прокатилось мощное «ура!». Проникновенные слова прославленного полководца растрогали солдатские души.

Накануне нового наступления генерал Макаров побывал у воинов 11-й гвардейской армии. Рассказал о новостях на других фронтах, о прибывшем пополнении, о том, что им, гвардейцам, предстоит первыми штурмовать Кенигсберг. Наутро партийно-политические работники и агитаторы поспешили с этими вестями на передний край.

Штаб фронта, исходя из данных воздушной, агентурной и войсковой разведок, определил слабые места в обороне противника, произвел перегруппировку и усилил армии, наступающие на главном направлении. К годовщине Красной Армии было намерение овладеть крепостью Кенигсберг и тем самым приблизить час неминуемого разгрома восточнопрусской группировки немецко-фашистских войск.

Однако в Генеральном штабе все представлялось несколько иначе. 2-му Белорусскому фронту, усиленному доукомплектованной до штатного состава 19-й армией, ставилась

новая задача: разгромить восточнопомеранскую группировку противника и выйти к устью реки Одер с целью помочь войскам, наступающим на Берлинском направлении. Понесшие потери в предыдущих операциях 50, 3, 48-я общевойсковые и 5-я гвардейская танковая армии, а также 8-й гвардейский танковый корпус, действовавшие на линии Хейльсберг — Вормдитт — Фрауэнбург, передавались 3-му Белорусскому фронту. Ликвидация группировок противника в Восточной Пруссии возлагалась на войска 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. Черняховскому предписывалось передать Баграмяну армии Белобородова, Людникова и Галицкого. В свою очередь, армии, ранее входившие в состав 1-го Прибалтийского фронта, передавались 2-му Прибалтийскому.

Директива Ставки конкретизировала задачи действующим в Восточной Пруссии фронтам: 3-му Белорусскому сосредоточить основные силы на разгроме самой мощной хейльсбергской группировки противника, 1-му Прибалтийскому ликвидировать земландскую группировку врага, одновременно обеспечивая оборону рубежей вокруг Кенигсберга.

В соответствии с директивой Генштаба Черняховскому предписывалось передать соседнему фронту армии, которые он успел нацелить и подготовить к прорыву укрепленного района. Трудно было ему расставаться с такими командармами, как Людников, Белобородов, Галицкий. Предстояло принять новые армии, сработаться с их командованием, организовать управление и взаимодействие. Времени для этого было явно недостаточно.

Во исполнение директивы Ставки Черняховский решил встречными ударами 5-й общевойсковой и 5-й гвардейской танковой армий отрезать хейльсбергскую группировку противника от моря и тем самым лишить его возможности получить помощь извне. Это была чрезвычайно трудная задача, так как 5-я гвардейская танковая армия в тот момент по количеству боевых машин равнялась лишь танковой дивизии немцев, а численный состав дивизий армии Крылова в среднем не превышал трех тысяч человек. Немецко-фашистское командование в составе хейльсбергской группировки имело одну моторизованную и две танковые дивизии, в каждой по сто и более танков. С учетом штурмовых орудий у противника было в общей сложности более шестисот бронеединиц и четырнадцать пехотных дивизий численностью более десяти тысяч солдат и офицеров каждая. Кроме того, гитлеровцы мобилизовали в фольксштурм всех мужчин, способных держать оружие.

10 февраля войска фронта в новом составе продолжали

штурм хейльсбергского укрепленного района. В этих сложных условиях Черняховский не только сам постоянно выезжал на передний край, но и командный пункт фронта переместил ближе к наступающим войскам. Танковая армия генерала Вольского, сменившего на этом посту П.А. Ротмистрова, и 5-я армия генерала Крылова упорно продвигались навстречу друг другу. Противник, сосредоточив крупные силы на небольшом участке, успевал своевременно закрывать бреши в его обороне. Немецко-фашистское командование, воспользовавшись тем, что наши соединения под Кенигсбергом ослабили активность, перебросило всю авиацию и даже часть дальнобойной артиллерии против войск 3-го Белорусского фронта.

16 февраля Черняховский вернулся в штаб фронта, чтобы уточнить план операции и отдать необходимые распоряжения по подготовке резервов для решающего удара. На командном пункте его ожидала жена, приехавшая из Москвы. После длительного пребывания в поле в февральскую пронизывающую стужу Ивану Даниловичу было особенно радостно войти в теплый дом, встретиться с женой, почувствовать домашний уют.

Дела не ждали, надо было снова ехать в войска.

— Ваня, хватит тебе мерзнуть в шинели! Надень, пожалуйста, бекешу и теплый свитер, — забеспокоилась Анастасия Григорьевна.

— Надену, Тасенька. Не волнуйся! Все будет в порядке. Завтра постарайся, чтобы к моему возвращению подготовили баню с веничком.

— Пожалуйста, будь поосмотрительней!

— Буду, Тасенька!

От взгляда Анастасии Григорьевны не ускользнуло, что муж чем-то угнетен. А Иван Данилович переживал, что войска его несут потери. Сил для наступления явно не хватало. Но он сознавал, что сейчас обстановка требует сосредоточения основных усилий на Берлинском направлении.

Молча надел бекешу, принял из рук жены папаху.

Вошел Комаров.

— Машина подана!

Порученец заметил, что Анастасия Григорьевна встревожена, но, как всегда, старается не показать этого. Сколько уже раз провожала она так мужа, ненадолго приезжавшего с переднего края, и каждый раз отправляла вместе с ним частицу своего сердца.

У Черняховского с приездом жены тоже прибавилось беспокойства. Район командного пункта часто подвергался бомбежкам. После каждого налета Иван Данилович звонил с

передовой.

Проводив мужа, Анастасия Григорьевна написала письмо дочери и сыну. Потом прилегла. Со стороны переднего края доносились раскаты артиллерийской канонады, изредка земля сотрясалась от взрывов тяжелых бомб.

В ночь на 18 февраля долго не могла заснуть и дочь полководца Неонила. Вечером она услышала по радио:

> «ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 3-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА генералу армии ЧЕРНЯХОВСКОМУ,
>
> НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ФРОНТА генерал-полковнику ПОКРОВСКОМУ
>
> Войска 3-го Белорусского фронта, продолжая сжимать кольцо окружения восточнопрусской группировки противника, штурмом овладели городами Вормдитт и Мельзак — важными узлами коммуникаций и сильными опорными пунктами обороны немцев…
>
> Сегодня, 17 февраля, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Белорусского фронта, овладевшим названными городами, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.
>
> За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за овладение городами Вормдитт и Мельзак.
>
> Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

Весь этот день Черняховский провел в войсках. Продрог, устал, но и не помышлял об отдыхе. Любимой его поговоркой было: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Наступил ответственный момент: вверенные ему войска полностью окружили город и крепость Кенигсберг. Среди солдат ходила молва, что в День Красной Армии и Военно-Морского Флота генерал армии Черняховский проведет там парад своих войск. Но погода резко ухудшилась, выпал мокрый снег, дороги развезло. Наши войска в этих тяжелых условиях вели упорные бои.

Уже глубокой ночью Черняховский прибыл на командный пункт генерала Крылова. Его здесь ждали. Адъютант командарма хлопотал, подавая ужин.

После ужина обсуждали, как действовать подразделениям

при наступлении в сильно укрепленных районах.

— Отыскали ключ к дотам противника? — спросил Черняховский.

— В лоб перестали действовать, не голыми руками берем. Создали в батальонах штурмовые группы: взвод автоматчиков, отделение саперов, противотанковые орудия, пара самоходок или танков, станковый пулемет. Придаем даже тяжелые орудия, бьем по дотам прямой наводкой. Под прикрытием артогня автоматчики и саперы со взрывчаткой ползут к доту, забрасывают амбразуры, подрывают…

— Противник контратакует штурмовые группы?

— Довольно часто. Но местность перед дотами обычно открытая, встречаем гитлеровцев огнем.

— Николай Иванович, когда возможно, лучше, чтобы штурмовые группы не задерживались на дотах, а просачивались между ними, заходили с тыла, окружали.

— Так и поступаем, когда возможно…

Казалось, победа уже совсем близка. Но чем меньше оставалось у фашистов надежд, тем яростнее они сопротивлялись. Каждый день требовал от наших войск все более высоких темпов наступления.

Утром 18 февраля Черняховский снова выехал на передовую, теперь уже в боевые порядки соединений 3-й армии генерала Горбатова.

Комаров позвонил командиру корпуса, в который они собирались ехать, чтобы тот выслал навстречу офицера связи.

На восточной окраине города Мельзак их встретил молодой майор. По району командного пункта корпуса противник вел методический артогонь. Машина Черняховского следовала за машиной майора из штаба корпуса. Кажется, тот не очень уверенно ориентировался в обстановке.

Не успели проехать и двух километров, как позади машины Черняховского разорвался снаряд. Один из осколков, пробив заднюю стенку машины и сиденья, в спину ранил командующего, повредил правую руку водителя и застрял в приборном щитке. Старшина Виноградов, превозмогая боль, остановил вездеход.

Пороховой дым рассеялся, гитлеровцы больше не стреляли, наступило затишье.

— Алеша, я ранен! — услышал порученец сквозь звон в ушах. — В левую лопатку.

— Товарищ командующий, сейчас…

Через минуту он уже бинтовал рану Черняховского.

Скрипя зубами, полузакрыв глаза, генерал смотрел в хмурое зимнее небо. Как знать, о чем он думал в эти секунды? Скорее

всего о том, что вот теперь, когда он так нужен, фронт останется без командующего…

— Душа Алеша, я умираю…

Рана была большая. Комаров наложил несколько бинтов, стараясь остановить кровь. Радист тем временем связался со штабом фронта. Генерал-полковника Покровского известие потрясло. Он тут же позвонил по ВЧ командарму-3. Генерал Горбатов выехал на место происшествия и в пути встретил машину с командующим. Черняховского доставили в ближайший медсанбат. Врачи очистили рану, перевязали, сделали переливание крови, уколы…

Иван Данилович был еще в сознании. Густые брови его сдвинулись к переносице — так бывало всегда, когда он принимал важное решение. Попытался что-то сказать, но голос прервался.

Черняховский обессиленно закрыл глаза. Его положили в санитарную машину.

Весть о ранении командующего быстро облетела войска фронта. Пропуская санитарную машину с ним, останавливались колонны войск, направлявшихся к переднему краю.

Но рана оказалась смертельной. На пути в госпиталь Черняховский скончался. Фашистский снаряд оборвал его яркую, еще полностью не раскрывшуюся жизнь.

«Не хочу умереть в постели, предпочитаю погибнуть в жарком бою», — сказал он как-то. И умер именно так.

Санитарная машина с телом командующего шла уже не в госпиталь, а к командному пункту фронта. Там ее встретил воинский эскорт. К полудню стали прибывать многочисленные делегации от войск, чтобы отдать последний долг выдающемуся полководцу.

В зал заседаний Военного совета фронта вносят боевые знамена стрелковых, танковых, артиллерийских и авиационных частей, среди них алые полотнища с гвардейскими лентами.

Почетный караул сменяется каждые пять минут. Только пожилой солдат с буденновскими усами и покрасневшими глазами бессменно стоит у гроба. Это Плюснин, ординарец командующего. Отцом называл этого заботливого солдата Черняховский.

Мимо проходят бойцы гвардейских соединений. Их лица суровы и скорбны. Три часа длилось прощание. После траурного митинга воины пошли в бой, чтобы отомстить за своего командующего.

Немецко-фашистское командование, узнав о гибели Черняховского, немедленно воспользовалось этим и стало

сосредоточивать войска в районе Фишхаузен, чтобы нанести на этом участке контрудар, с целью деблокировать окруженный войсками 3-го Белорусского фронта Кенигсберг.

Командующий 1-й воздушной армией генерал-полковник Хрюкин, руководствуясь планом операции, утвержденным еще Черняховским, приказал генералу Захарову, в чьем подчинении был авиационно-истребительный полк «Нормандия — Неман», блокировать Кенигсберг с воздуха.

…Командир полка майор Дельфино снял перед строем шапку, за ним обнажили головы и все остальные, немного помолчав, он сказал: «Нам доверено выполнить последний приказ командующего фронтом генерала армии Черняховского, сам он только что скончался от тяжелого ранения на поле боя. В эти скорбные часы, дорогие боевые друзья, поклянемся же отомстить фашистам за нашего командующего! В бой сам поведу вас! Заводить моторы!»

Смерть Черняховского глубоко потрясла не только советских воинов, но и французских летчиков. Черняховского они знали как выдающегося полководца и, выполняя его приказ, были уверены, что он никогда не поставит перед ними непосильную задачу. Всюду ощущали его заботу и внимание к себе. Безвременная утрата еще глубже заставила всех их осознать, как жестока и ужасна война, каких замечательных людей вырывает из жизни и какие колоссальные жертвы приносит человечеству.

В районе Фишхаузен немецко-фашистское командование продолжало сосредоточивать танки, артиллерию для нанесения контрудара по войскам генерала Людникова.

В воздухе армада «юнкерсов» под прикрытием истребителей держит курс, чтобы бомбовыми ударами пробить брешь своим войскам через кольцо окружения.

Точно по заданному курсу на встречу с вражескими бомбардировщиками, на их перехват, мчатся истребители майора Дельфино. Боевой порядок он построил в два эшелона. Впереди и выше действует его разведка. Группу нижнего эшелона возглавляет он сам.

Луи Дельфино насчитал уже сорок бомбардировщиков, двенадцать «мессершмиттов». Верхнему эшелону он приказал навязать бой «мессершмиттам», чтобы отвлечь их от бомбардировщиков. А сам майор Дельфино во главе нижнего эшелона атаковал головную группу «юнкерсов». Впереди падает на землю вражеский флагман с черными крестами на бортах. Боевой порядок «юнкерсов» нарушен. Французским летчикам удалось навязать гитлеровцам ожесточенный воздушный бой. Три «фокке-вульфа», оторвавшись от своих, набросились на Як-3

майора Дельфино. Командир полка, разгадав тактический замысел врага, приказал ведомым усилить атаку по вражеским бомбардировщикам, а сам с боевого разворота пристроился в хвост «фокке-вульфа» и кинжальным пулеметным огнем подбил его.

«Юнкерсы» стали сбрасывать бомбы куда попало и вскоре были обращены в бегство. На войска генерала Людникова на этот раз не упала ни одна бомба. Его солдаты и офицеры не все еще знали, что нет в живых командующего Черняховского, а войска фронта продолжают действовать по его замыслу.

В результате молниеносного удара французских летчиков враг недосчитался в этом воздушном бою семи бомбардировщиков и четырех истребителей. Но и для полка «Нормандия — Неман» победа досталась дорогой ценой. В неравной схватке погиб летчик Ирибарн, и не вернулся на базу летчик Монж.[11]

Начальник штаба фронта генерал-полковник Покровский доложил о гибели Черняховского Верховному Главнокомандующему. Сталин хотел связаться с начальником Генштаба, но Василевский в это время был в Большом театре. Александра Михайловича вызвали к телефону, и Верховный сообщил горестную весть и сказал, что Ставка намерена поставить Василевского во главе 3-го Белорусского фронта.

Трагическая весть ошеломила Александра Михайловича. Он вспомнил первое знакомство с молодым генералом в Воронежско-Касторненскую операцию. Черняховский тогда командовал 60-й армией. Операция проходила в крайне неблагоприятных условиях. Но Иван Данилович блестяще выполнил поставленную перед ним задачу, освободив в первый же день город Воронеж. И еще — когда Черняховский провел более блистательные боевые действия при взятии Курска, совершая параллельное преследование, он поставил противника перед фактом окружения и город взял в течение суток. Тогда освобожденные Воронеж и Курск, по существу, являлись первыми городами, взятыми нашими войсками на этом направлении. Особенно сблизился Василевский с Иваном Даниловичем во время проведения операции «Багратион». На всю жизнь сохранилась в его памяти та атмосфера взаимного доверия, уважения и желания помочь друг другу. Он искренне любил Ивана Даниловича, ценил в нем отличного полководца, беспредельной честности коммуниста, исключительной души человека. Александра Михайловича настолько потрясло сообщение, что он не в силах был что-либо сказать.

Специальный поезд с гробом Черняховского прибыл в Вильнюс. Столица Литвы одета в траур, приспущены флаги на улицах города.

Траурная процессия направляется по запруженным народом улицам 1-е площади Ожешкене. Впереди множество венков. Вслед за венками генералы 3-го Белорусского фронта несут на шелковых подушечках две Золотых Звезды Героя Советского Союза, орден Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова I степени, орден Кутузова I степени, орден Богдана Хмельницкого I степени, многочисленные медали. Затем проносят венки от Центрального Комитета Коммунистической партии, от Совнаркома СССР, от Генерального штаба Красной Армии.

В центре площади на постаменте устанавливается гроб. Начинается траурный митинг. Слово — члену Центрального Комитета ВКП(б) М.А. Суслову.

— С глубоким прискорбием и большой болью, — говорит товарищ Суслов, — мы прощаемся сегодня с верным сыном большевистской партии, пламенным патриотом нашей великой Родины, доблестным полководцем Красной Армии — генералом армии Иваном Даниловичем Черняховским, погибшим на поле боя с немецко-фашистскими захватчиками. Наше государство и наш народ потеряли в лице Черняховского талантливого молодого полководца, завоевавшего всеобщую любовь своей беззаветной преданностью Родине, своим полководческим искусством, выдающейся воинской доблестью и героизмом. Товарищ Черняховский принадлежал к прославленной плеяде боевых руководителей Красной Армии, рожденных и выдвинутых советским строем…

Имя Черняховского известно всему миру и с уважением произносится всем прогрессивным человечеством. Друзья, близкие, знакомые — все, кто имел счастье общаться с товарищем Черняховским, потеряли в его лице человека большой душевной силы и красоты, подлинной человеческой теплоты и сердечности… Партии, народу, Родине отдавал Черняховский все свои силы, им он отдал и свою жизнь.

Память о Черняховском будет вечно жить в сердце народном!..

На огромной площади, где собралось около ста тысяч человек, воцарилась тишина. Низко склонились боевые знамена. Раздались гулкие залпы прощального артиллерийского салюта…

Весь мир облетела весть о гибели И.Д. Черняховского. Газеты многих стран наутро вышли с траурными сообщениями.

Это была тяжелая утрата для Красной Армии.

Главные силы 3-го Белорусского фронта во второй половине марта разгромили хейльсбергскую группировку противника и 6 апреля начали штурм города и крепости Кенигсберг.

На третий день штурма первым пал форт «Король Фридрих-Вильгельм», и за ним сдался и форт «Шарлотта».

На пятый день операции сопротивление гарнизона Кенигсберга было подавлено. Столица Восточной Пруссии — оплот немецко-фашистского милитаризма, принесшего неисчислимые бедствия человечеству, и прежде всего советскому народу, — взята штурмом. Пришла долгожданная победа, за которую отдали жизнь многие тысячи советских воинов, и среди них Иван Данилович Черняховский.

Советский народ свято чтит память замечательного полководца. Решением партии и правительства ему воздвигнуты памятники в городах Вильнюсе и Виннице, город Инстербург переименован в Черняховск, колхоз в деревне Вербово Томашпольского района Винницкой области, где прошло детство полководца, назван его именем. На его родине, в селе Оксашше Уманского района Черкасской области УССР, воздвигнут бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза Ивана Даниловича Черняховского.

Основные даты жизни и деятельности И.Д. Черняховского

1907, 29 июня — Родился в селе Оксашше Умаиского уезда Киевской губернии.

1919 — Работал пастухом в селе Вербове.

1920—1922 — Иван Черняховский — рабочий депо станции Вапнярка.

1922 — Иван Черняховский вступает в комсомол и вскоре становится комсомольским вожаком села Вербова.

1923—1924 — Бондарь новороссийского цементного завода «Пролетарий», член бюро заводского комитета комсомола.

1924—1925 — Курсант Одесского пехотного училища, секретарь комсомольской ячейки.

1925 — Курсант Киевской артиллерийской школы, член комсомольского бюро школы.

1928 — Иван Черняховский принят в члены ВКП(б).

1928 — Черняховский окончил Киевскую артиллерийскую школу по первому разряду.

1928—1929 — Командир взвода 17-го корпусного артиллерийского полка Украинского военного округа, член партийного бюро полка.

1930—1931 — Командир батареи 17-го корпусного артиллерийского полка.

1931—1932 — Слушатель Военно-технической академии в Ленинграде.

1932 — Слушатель Военной академии механизации и моторизации Красной Армии.

1933 — Черняховский избран членом президиума партийной организации академии.

1936 — Старший лейтенант Черняховский окончил академию с дипломом первой степени.

1937 — Капитан Черняховский выдвинут на должность командира 1-го танкового батальона 8-й механизированной бригады.

1938—1939 — Майор Черняховский назначен командиром 9-го отдельного легкого танкового полка Белорусского Особого военного округа.

1940 — Подполковник Черняховский — командир танковой бригады Белорусского Особого военного округа.

1940—1941 — Заместитель командира 2-й танковой дивизии Прибалтийского Особого военного округа.

1941 — Полковник Черняховский — командир 28-й танковой дивизии Прибалтийского Особого военного округа. Командир 241-й стрелковой дивизии.

1942, 16 января — И.Д. Черняховский награжден первым орденом Красного Знамени.

3 мая — Награжден вторым орденом Красного Знамени.

5 мая — Черняховскому присвоено воинское звание генерал-майор.

Июнь — Назначен командиром 18-го танкового корпуса.

25 июля — Черняховский принимает командование 60-й армией.

1943, 25 января — Войска Черняховского освободили Воронеж.

4 февраля — Награжден третьим орденом Красного Знамени.

8 февраля — Войска 60-Й армии под командованием Черняховского освободили Курск, награжден орденом Суворова I степени.

14 февраля — Черняховскому присвоено воинское звание генерал-лейтенант.

11 сентября — За умелое руководство войсками в операциях по освобождению городов Глухова, Конотопа, Бахмача и Нежина награжден вторым орденом Суворова I степени.

17 сентября — За высокие организаторские способности при форсировании Днепра и личный героизм Черняховскому присвоено звание Героя Советского Союза.

6 ноября — Войска Черняховского отличились в освобождении города Киева.

1944, 10 января — Награжден орденом Богдана Хмельницкого I степени.

5 марта — Черняховскому присвоено воинское звание генерал-полковник.

14 апреля — Черняховский вступает в командование войсками 3-го Белорусского фронта. *29 мая* — награжден орденом Кутузова I степени.

26 июня — Войска Черняховского освободили Витебск, а на следующий день Оршу.

28 июня — Черняховскому присвоено воинское звание генерала армии.

8 июля — Войска Черняховского во взаимодействии с соединениями Рокоссовского освободили Минск.

13 июля — Войска Черняховского освободили столицу Литвы — город Вильнюс.

29 июля — Черняховский награжден второй медалью «Золотая Звезда».

3 ноября — Награжден четвертым орденом Красного Знамени.

1945, 13 января — Войска 3-го Белорусского фронта развернули наступление в направлении Кенигсберга.

18 февраля — Войска Черняховского окружили город и крепость Кенигсберг. В бою па окраине Мельзака генерал армии Черняховский был тяжело ранен и в тот же день скончался.

1945, 20 февраля — Черняховский погребен в городе Вильнюсе, на площади Ожешкене.

notes

1

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 116.

2

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 417—418.

3

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 50.

4

Генерал-майор Н.М. Шестопалов умер от ран 6 августа 1941 года в немецком лагере военнопленных в Шяуляе.

5

Псевдоним для открытых переговоров И.Д. Черняховского.

То же — А.М. Василевского.

То же — И.Х. Баграмяна.

8

Псевдоним И. В. Сталина.

9

Спустя тридцать с лишним лет в беседе с корреспондентом газеты «Комсомольская правда» Маршал Советского Союза А.М. Василевский сказал: «Иван Данилович Черняховский был одним из молодых генералов, мастерство которого вырастало от сражения к сражению.

Хорошее знание войск, многообразной боевой техники, умелое использование опыта других, глубокие теоретические знания, настойчивость, твердость, личная храбрость… — черты полководца новой формации.

В войсках Черняховского очень любили. И было за что. Он чутко прислушивался к мнению подчиненных, умел их беречь, был прост в обращении, в каждом солдате видел товарища по войне. Тридцатисемилетнему генералу поручили командовать 3-м Белорусским фронтом. Это было высшее признание его таланта. Достаточно сказать, что в это же время 1-м Белорусским фронтом командовал Жуков, 2-м Белорусским — Рокоссовский.

Черняховский был самым молодым из всех командующих фронтами. Я искренне радовался его успехам…»

полковника

11

Монжа долго считали без вести пропавшим, но ему удалось через линию фронта вернуться в свою часть спустя две недели.